

ХОДЖУМЯН БЕЛЛА СУРЕНОВНА

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

**ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ХОДЖУМЯН БЕЛЛА СУРЕНОВНА

**СОМАТИЧЕСКИЕ
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ**

*(сопоставительное описание русских и армянских
соматических фразеологизмов)*

**ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕГУ
2019**

УДК 81'373

ББК 81.2

X- 691

*Рекомендовано к печати
Ученым советом факультета
армянской филологии ЕГУ.*

Ответственный редактор: к.ф.н., доц. В.З. Петросян

Рецензенты: д.ф.н., проф. Л.С. Овсепян

д.ф.н., проф. А.Г. Абаджян

Ходжумян Белла Суменовна

X- 691 Соматические фразеологизмы (сопоставительное описание русских и армянских соматических фразеологизмов) / Б.С. Ходжумян, Ер., Изд-во ЕГУ, 2019, 370 с.

В книге дается разноаспектное описание соматических фразеологизмов (СФ), широко представленных во всех языках и получивших всестороннее освещение в науке о языке. Отличительной особенностью и новизной данного исследования является то, что выделенная тематическая группа русских фразеологизмов впервые описывается в сопоставлении с армянским. В книге представлен многоаспектный сопоставительный анализ соматических фразеологизмов: с точки зрения их происхождения, структурного состава, лингвокультурологической ценности, стилистических и семантических особенностей. В результате исследования выявляются соответствия и расхождения между сравниваемыми русскими и армянскими единицами. Книга может представлять интерес для специалистов в области сопоставительного языкознания и межкультурной коммуникации.

УДК 81'373

ББК 81.2

ISBN 978-5-8084-2382-4

© Изд-во ЕГУ, 2019

© Ходжумян Б.С., 2019

Введение

Современная лингвистическая наука характеризуется поворотом языковой парадигмы от системоцентрического подхода к антропоцентрическому. В настоящее время в русле лингвистических исследований, констатирующих идею взаимосвязи языка и культуры, сформировалось направление, ориентированное на изучение национально-культурной специфики фразеологических единиц, получившей определенное отражение в языке и речи. Теоретические основы концепции неразрывной взаимосвязи языка и культуры, заложенные в работах Вильгельма фон Гумбольдта (Гумбольдт 1984), получили дальнейшее развитие в многочисленных серьезных исследованиях по лингвокультурологии, этнолингвистике, теории межкультурной коммуникации (см.: Верещагин, Костомаров 1982; 1990; Телия 1996; 1999; 1995; Алефиренко 2009; Тер-Минасова 2008; Мокиенко 1990; Добровольский 1991; 1997; Опарина 1987; Маслова 1997; 2001; Стернин 1989; Прохоров, Стернин 2007; Санников 1999; Яковлева 1994; Колшанский 1990; Коробка 1999; Леонтьев 1977; Кабачки 1998; Дубровин 1987 и др.). Язык стали рассматривать как символический ключ к культуре, как «руководство к пониманию культуры» (Сепир 1993:262). С.Г. Тер-Минасова пишет: «Язык – зеркало культуры, в котором отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное са-

мосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира (Тер-Минасова 2008:14).

Среди подобных исследований особое место занимают работы в области фразеологии, являющейся одним из самых выразительных пластов языка, в известной степени отражающего «дух народа», национальные особенности мировидения и мироощущения, самобытность культуры народа. В этой связи В.Н. Телия отмечает, что фразеологизмы языка являются «наиболее самобытной в культурно-языковом плане частью его номинативного запаса» (Телия 1993:13). Исследование фразеологизмов как культурно-языковых знаков позволяет не только глубже проникнуть в их языковую специфику и оценить их важную роль в процессе коммуникации, но и расшифровать закодированные в них культурные смыслы, выявить их связь с культурно-национальными традициями и стереотипами.

С позиций антропоцентрического подхода, предполагающего обращение к изучению особенностей языкового кодирования, хранения и передачи информации, особенно богатным материалом для исследования является группа соматических фразеологизмов (СФ), в компонентном составе которых зафиксированы номинации частей тела и внутренних органов. Соматические фразеологизмы выступают как особый класс антропокультурных образований с целостно-смысловой и экспрессивно-образной структурой, формирова-

ние которых связано непосредственно с опытом аналитической деятельности человека в процессе познания окружающего мира. Как обширный класс фразеологических единиц, СФ занимают важнейшее место в репрезентации базовых культурных кодов: соматического, временного, пространственного, предметного и т.д. Известно, что способы вербального представления культурных кодов детерминированы культурой языкового сообщества. Интерпретация семантики фразеологизмов, в том числе и их образной составляющей, включающей доступные для восприятия наименования (номинации частей тела), позволяет выявить особенности национально-культурной специфики концептуализации реального мира, в том числе и собственно человека, с учетом экспрессивно-оценочных коннотаций. Соматические фразеологизмы являются универсальным средством номинации различных объектов, явлений и состояний реальной действительности, демонстрируя тем самым принцип антропоморфного мировосприятия.

Среди выразительных средств любого языка особое место занимает пласт фразеологических единиц. Фразеологические сочетания выступают в языке как своеобразный лаконичный способ «упаковки» обширного сложного комплекса всевозможных мыслей, переживаний и состояний. Рождаясь первоначально под пером писателя, публициста, в устах политика или просто в повседневном общении как результат схватывания каких-то отношений и свойств, присущих окру-

жающему миру, они приобретают статус фразеологичности при условии их обязательного включения в круг общеупотребительных языковых единиц. Для их полноценного функционирования в акте коммуникации от адресанта и адресата сообщения требуется владение культурно-языковым кодом, что позволит прежде всего быстро распознать фразеологизм, а затем и «декодировать» его.

Таким образом, главной отличительной чертой, конструирующей фразеологизм как таковой, является его семантическая структура, которая включает не просто значение языкового образования, а также его построение, грамматическое оформление и системные языковые связи. Лингвистическая наука шла к выделению фразеологического состава языка из общей системы его выразительных средств к исследованию его с разных позиций и разными путями, которые всегда были так или иначе связаны с основными тенденциями развития языкознания. Каждое из этих направлений открывало новые ракурсы обозрения и толкования устойчивых словесных комплексов, обращая внимание на их образный характер, структурно-семантическую специфику, системную упорядоченность, функционально-стилистические свойства или синтаксическое своеобразие, рассматривая при этом фразеологический состав языка как особую его систему или подсистему (Архангельский 1964; Ройзензон 1974; Телия 1996).

На протяжении длительного периода фразеология стремилась к стандартизации описания, к его классификационной

стройности, выравнивая гетерогенность ее объектов за счет таких универсальных признаков единиц фразеологического состава языка как устойчивость, проявляющаяся на всех структурных уровнях, и воспроизводимость на правах единиц языка. Однако анализ и описание фразеологизмов как структурно-семантических единиц языка еще не дает полного представления об их роли и функционально-семантических признаках. Многие семантические свойства фразеологизмов, связанные с их знаковой природой и с закономерностями их выбора в речевых ситуациях, долгое время не могли получить достаточного освещения в исследованиях ученых. Если в 60-х годах дискуссия о предмете и объеме фразеологии разворачивалась вокруг определения самого понятия «фразеологические единицы», образующих особую систему или уровень языка, то уже в последующие годы центральное место в теории фразеологии заняла проблема соотношения семантики языковых знаков, обозначенных терминами «фразеологическое значение» и «лексическое значение».

Понятие «фразеологизм», давно укоренившееся в лингвистике и ставшее объектом многочисленных серьезных исследований, по-разному интерпретируется учеными. Одни из них относят к фразеологизмам все устойчивые сочетания слов, другие ограничивают перечень фразеологизмов русского языка только определенными их группами; у одних ученых во фразеологический состав языка попадают пословицы, поговорки, присловья, крылатые выражения и афоризмы

(Шанский 1985:44; 1987; Копыленко, Попова 1972:15; Вендина 2001; Мокиенко 1989:232; Шулежкова 2002; Кузнецова 1998 и др.), другие же исключают рассмотрение последних в рамках фразеологии (Виноградов 1996; Молотков 1977; Алевиренко 1981; Амосова 1964, 1966; Лекант 2002; Диброва 2006 и др.). Помимо этого, часто во фразеологический состав русского языка включаются различные аналитические обороты речи, составные термины и т.п.

В самом деле, ресурсы фразеологического состава языка чрезвычайно широки и разнообразны. Фразеологизмы могут возникать на основе образного представления действительности, отображающего обиходный или культурно-исторический опыт определенного языкового коллектива: какие-либо типовые ситуации или исторические события, еще живущие в сознании носителей языка, либо уже забытые в подробностях. Единицы фразеологического состава могут представлять собой остатки фольклорных, религиозных, мифологических или литературных текстов, имеющих форму «сжатого» сюжета с выраженной моралью (ср., например: миф об Ахиллесе и идиому «ахиллесова пята»).

Зачастую во фразеологический состав языка попадают крылатые выражения, каламбуры, прибаутки, а также кальки и полукальки (Ефремов 1961; Кузнецова 1998). Подобного рода разнородным сущностям, претерпевающим смысловое преобразование и оседающим в языке под воздействием экстралингвистических факторов, противопоставлены обороты,

появившиеся в языке в результате действия внутренних законов развития его лексических и синтаксических средств выражения.

Во фразеологическом составе языка разворачиваются принципиально разные, часто противоречивые тенденции, вызванные глубокими различиями единиц фразеологии как по семантике, так и по функционально-синтаксической и стилистической нагрузке. Так, если для некоторой части фразеологизмов, приспособленных к функции предикации, характерно совмещение понятийного содержания и конкретно-образного представления, т.е. тенденция к сохранению живой внутренней формы, несущей сведения о денотате, свойства которого легли в основу значения, то у фразеологизмов, употребляемых в позиции идентификации, внутренняя форма стирается и не играет никакой роли, становясь помехой для прямого указания на обозначаемое.

Для наглядности сравним в контексте фразеологизмы со стертой внутренней формой:

*Она решила смотреть на все **сквозь пальцы**.*

*Мы работали **не покладая рук**.*

*Но: На клумбах цвели **анютины глазки**.*

Характерной чертой фразеологизмов является их связь с конкретной лексикой, способной воссоздавать наглядно-чувственный образ обычных свойств, действий, состояний (ср.: **гнуть спину; носить на руках; висеть на волоске** и т.п.). Фразеологизмы сохраняют прямую связь с общим для

всего лексического состава денотатом и тем самым утрачивают автономность денотативной соотнесенности своих компонентов и самостоятельность их значения, в результате чего «обесценивается» знаковая функция компонентов фразеологизмов и упрощается их лексическая членимость. Различия в семантике единиц фразеологического состава языка сопряжены с существенными расхождениями в динамике их развития. Так, фразеологизмы, возникшие на базе свободных сочетаний слов, движутся в своем смысловом развитии от конкретно-образного представления действительности, передаваемого их буквальным значением, к значению обобщенному (ср. свободное сочетание «**подставить ногу**» и значение фразеологизма того же лексико-грамматического состава «*исподтишка, с умыслом вредить*»). Фразеологизмы же, имеющие форму перифрастических наименований, призванные завуалировать прямую связь имени с денотатом, движутся от абстрактного значения к конкретному (например: **умная голова**).

Помимо разнородности единиц фразеологического состава языка, вызванной многообразием закономерностей их формирования и развития, его специфичность обусловлена также и тем, что эти единицы имеют промежуточный характер, занимая место между лексикой и синтаксисом, имея строение сочетания слов (Кожин 1985; Кругликова 1998; Максимов 2003; Арапов 1977; Беляева 1990; Харитоновна 1991).

По мнению некоторых ученых, «промежуточность» и подвижность фразеологического состава языка, постоянно находящегося в неустойчивой позиции, не позволяют описывать его по статическому стандарту, исходящему из сигналов, передаваемых средствами выражения. Но динамические модели языка, ориентированные на описание поверхностных средств и способов выражения языка посредством выведения информации о них из глубинных структур, при столкновении с фразеологическим составом языка встречаются со значительными трудностями, поскольку свойство фразеологичности сочетаний слов связано с необычными процессами формирования их содержательной стороны.

В определенном смысле фразеологизмы – это устойчивые ассоциации, связанные с представлением об обозначаемых ими явлениях. Квалификация в лексикографических описаниях каких-либо значений как «переносных» является свидетельством того, что они воспринимаются в связи с какими-то другими значениями, т.е. являются деривационно связанными. Указанный вид деривационных отношений В.Н. Телия квалифицирует как мотивированность: «Фразеологизмы несут на себе знаковую функцию обиходно-бытовой наивной картины мира. В них отражен опыт народа, который они воспроизводят, выступая в роли квазистереотипов и квазиэталонов народного миропонимания. С точки зрения прагматической нагруженности фразеологизмы характеризуются как самая яркая и активная лексико-грамматическая перифе-

рия языка, демонстрирующая принципы языковой экономности» (Телия 1996:152).

При многообразии типов фразеологизмов и разнообразии их значений определение их как особых единиц языка не вызывает сомнений. Однако вопрос о статусе фразеологических сочетаний слов до сих пор остается дискуссионным, хотя лингвистическая наука еще давно официально выделила их в особый тип единиц.

Фразеологические единства, или идиомы, как их часто называют западные исследователи, можно охарактеризовать как наиболее живописную, колоритную и выразительную часть словарного состава любого языка. В фразеологическом фонде языка собраны живые и удивительные образцы национальных традиций, обычаев и преданий. В нем сконцентрирована веками сложившаяся историческая память народа. Фразеология «сплетена» из задушевных народных песен и чудных сказок, цитаты из произведений великих писателей сочетаются в ней с простыми проявлениями народной мудрости, грубыми просторечными остротами, ироничными репликами и заклинаниями (Никитина 1993; Селиверстова 2000; Сукаленко 1992).

Каковы же критерии, позволяющие говорить об определенных сочетаниях слов как о фразеологических единицах? Каковы конкретные сущностные характеристики фразеологических единиц и критерии фразеологичности?

Для прояснения выдвинутых вопросов мы проведем обзор наиболее известных и убедительных теорий, представленных разными направлениями во фразеологии.

По А.В. Кунину, «фразеологическая единица – это устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» (Кунин 1970:210).

А.В. Кунин определяет сущность фразеологичности через понятие устойчивости, под которой понимает следующее: «объем инвариантности, свойственный различным аспектам фразеологических единиц, обуславливающий их воспроизводимость в готовом виде и тождество при узуальных и окказиональных изменениях» (Кунин 1987:46). Основными показателями фразеологической устойчивости, по А.В. Кунину, являются:

- устойчивость употребления – это показатель того, что фразеологизм является единицей языка, общественным достоянием в данном языковом коллективе, а не индивидуальным оборотом, употребленным тем или иным автором. Использование фразеологизма не носит характера цитирования и всегда связано с фразеологической абстракцией;

- семантическая осложненность, по-разному проявляемая во фразеологизмах различных классов. К различным видам семантической осложненности относятся: полное или частичное переосмысление значения, необразные преобразования значения, наличие архаических элементов в составе фразеологизмов и другие;

- раздельнооформленность, подразумевающая особенность строения синтаксического единства, заключающаяся в том, что составляющие его единицы являются отдельными словами, т.е. грамматически оформленными компонентами. В противоположность этому, цельнооформленность слова заключается в наличии общего грамматического оформления для всех составляющих его элементов. Максимальной раздельнооформленностью обладают переменные сочетания слов.

Отмеченные показатели устойчивости образуют минимальный фразеологический инвариант, т.е. минимальную совокупность константных составляющих как в плане выражения, так и в плане содержания (Кунин 1983; 1989; 1996: 15-21).

Начало типологиям фразеологических единиц в русской лингвистике положили работы академика В.В. Виноградова, благодаря которым фразеологические единицы получили конкретное и обоснованное определение именно как лексические единицы с особым семантическим своеобразием (Виноградов 1996).

В.В. Виноградов, как известно, выделял три типа фразеологических единиц:

- 1) фразеологические сращения, или идиомы – немотивированные единицы, выступающие как эквиваленты слов;

2) фразеологические единства – мотивированные единицы с единым целостным значением, возникающим из слияния значений лексических компонентов;

3) фразеологические сочетания – обороты, в которых у одного из компонентов имеется фразеологически связанное значение, проявляющееся лишь в связи со строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений.

Таким образом, у В.В. Виногорова две первые группы – сращения и единства – отделяются друг от друга по признаку мотивированности фразеологической единицы, третья же группа – фразеологические сочетания – по признаку ограниченной сочетаемости слов.

Н.М. Шанский добавил к классификации В.В. Виногорова еще один тип фразеологических единиц: фразеологические выражения, включающие устойчивые в своем составе и употреблении обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободным значением (Шанский 1996:21; 1964:201-202).

И.А. Смирницкий различает фразеологические единицы и идиомы. К фразеологическим единицам ученый относит стилистически нейтральные обороты, лишенные метафоричности или потерявшие ее; идиомы же основаны на переносе значения, на метафоре. Характерной чертой последних является яркая стилистическая окраска, отдаленность от обычного нейтрального стиля. В структурном отношении Смирницкий делит фразеологизмы на «одновершинные», «двухвер-

шинные» и «многовершинные», в зависимости от числа знаменательных слов в их составе (Смирницкий 1998:143-156).

Н.Н. Амосова, используя контекстологический анализ, выделяет два типа фразеологических единиц – фраземы и идиомы. Фразема – это единица постоянного контекста, в которой указательный минимум, требуемый для актуализации данного значения семантически реализуемого слова, является единственно возможным, постоянным, не допускающим варьирования. Второй компонент фраземы является указательным минимумом для первого. Идиомы, в отличие от фразем, – единицы постоянного контекста, в которых указательный минимум и семантически реализуемый элемент составляют тождество и как таковое представлены общим лексическим составом словосочетания. Идиомы характеризуются целостностью значения (Амосова 1964:90, 139).

С.Г. Гаврин, рассматривая фразеологию с позиций функционально-семантической компликативности (осложненности), включает в состав фразеологии все устойчивые сочетания слов, удовлетворяющие критериям указанного подхода. К компликативным образованиям С.В. Гаврин относит экспрессивно-образные, эллиптические и гносеологические сочетания слов (Гаврин 1974:4).

И.И. Чернышева с точки зрения грамматической структуры делит фразеологические единицы на словосочетания, предикативные сочетания и предложения. По характеру же значения, возникающего в результате взаимодействия струк-

туры, сочетаемости и семантического преобразования компонентного состава она выделяет следующие виды фразеологических единиц: фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения (Чернышева 1973:57). Первые возникают на основе семантического сдвига или переосмысления переменных словосочетаний. Новое, фразеологическое значение создается не в результате изменения значения отдельных компонентов, а в результате изменения всего комплекса своеобразным наложением на него свежего экспрессивного или семантического пласта. Во фразеологическом единстве поглощается и теряется индивидуальный смысл слов-компонентов. Этому разряду присуще семантическое единство, или семантическая целостность. При всем этом значение целого связано с пониманием образного стержня фразы, ощутимостью переноса значения, что и составляет внутреннюю форму или образную мотивированность фразеологического единства (ср., например: **«намылить кому-либо шею/голову»**).

Фразеологические сочетания возникают в результате единичного сцепления одного семантически преобразованного компонента. Для семантики подобных фразеологических единиц характерны аналитичность и сохранение семантической отдельности компонентов (например: **«злые языки»**).

К фразеологическим выражениям И.И. Чернышева относит единицы, являющиеся по своей грамматической структуре предикативными сочетаниями слов и предложениями. По

коммуникативной значимости в данной группе выделяются следующие разновидности: общеупотребительные пословицы, поговорки, устойчивые и воспроизводимые междометия и модальные выражения.

В.П. Жуков характеризует фразеологизм как «воспроизводимый в речи оборот, обладающий целостным значением и сочетающийся со словом» (Жуков 1978:5).

По определению В.М. Мокиенко, фразеологизм – это сочетание слов, обладающее относительной устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, экспрессивностью и целостным значением (Мокиенко 1987: 5). Это мнение разделяют также В.В. Виноградов (1996), Б.А. Ларин (1996), С.И. Ожегов (1974), А.М. Бабкин (1970).

В.Н. Телия в качестве наиболее важных характеристик фразеологизма отмечает следующее его свойство: невыводимость значения фразеологизма из прямых значений составляющих его слов и синтаксических конструкций. (Телия 1998:559). По мнению В.Н. Телия, в настоящее время во фразеологии существует по крайней мере шесть классов фразеологизмов, каждый из которых включает в себя либо только ядро фразеологического состава – идиомы **(1)**, либо фразеологизмы с аналитическим типом значения – фразеологические сочетания **(2)**, либо паремии **(3)**. К этим классам добавляют иногда речевые штампы **(4)**, клише **(5)** и крылатые выражения **(6)**.

Все выделенные типы единиц объединяются по двум признакам: раздельнооформленностью и воспроизводимостью (Телия 1996:58, 60-65). Таким образом, в объем фразеологии входят все типы узуально воспроизводимых сочетаний, которые группируются в сильно размытые множества на основании того или иного характерного для данного народа множества признаков и отношений между ними.

Н.Д. Арутюнова считает, что «идиомы – это одна из форм аномалий языка, сохраняющих свою устойчивость в силу этой своей «аномальности»» (Арутюнова 1987:46).

А.Д. Райхштейн определяет фразеологизмы как «единицы вторичного образования, отличающиеся от обычных словесных комплексов низкой регулярностью языковой организации, базирующейся на семантическом сдвиге того или иного типа и ведущей к обязательной воспроизводимости фразеологических единиц и слабой предсказуемости их плана содержания относительно плана выражения» (Райхштейн 1980:87).

В широком понимании в понятие «фразеологическая единица» (ФЕ) входят фразеологические обороты, сочетания, сращения, единства, выражения, а по некоторым классификациям и крылатые выражения, афоризмы, пословицы и поговорки. Поскольку же разграничение вышеперечисленных типов ФЕ не является исконной целью нашего исследования, а также учитывая тот факт, что общим показателем для всех этих единиц является то, что все они выступают как «значи-

мые» языковые единицы, мы назовем их общим нейтральным термином «фразеологизм», сделав объектом нашего изучения все типы подобных языковых единиц.

Опираясь на исследование конкретного материала, а также существующие в лингвистической науке авторитетные мнения ведущих ученых, мы пришли к следующей дефиниции понятия «фразеологизм»: «Фразеологизмом называется целостная значимая языковая единица, устойчивая по смыслу и неразложимая по своему составу». Семантика фразеологизма чаще всего не вытекает из семантики его компонентов, а в редких случаях отдаленно соотносится с ней. В качестве критериев определения фразеологизма и разграничения его от описательных оборотов речи принято выделять *устойчивость* (под устойчивостью обычно понимается мера, степень семантической слитности, неразложимости компонентов); *целостность* значения, не выводимую из суммы значений составляющих его слов; *раздельнооформленность*; *воспроизводимость* (воспроизводимость соприкасается с устойчивостью и представляет собой регулярную повторяемость, возобновляемость в речи той или иной единицы); *непереводимость* на другие языки; возможность структурных вариантов или новообразований. В целом же, фразеологизм характеризуют как «сочетание слов с переносным значением», как «устойчивое сочетание с идиоматическим значением», как «устойчивую фразу». Во фразеологизме находят метафоричность (Бабкин 1964; Ларин 1996; Попов 1976; Черданцева

1988:88; Телия 1988:30; Чайко 1974:98; Данилов, Куницкая 1986:135), образность (Костючук 1980:120; Гак 1988:60), экспрессивность, эмоциональную окрашенность (Мокиенко 1973:21-34; Латина 1988:94-98; Вакуров 1980) и т.п. Между тем анализ фразеологизмов русского языка с точки зрения значения, формы и употребления позволяет заметить, что ни один из отмеченных признаков ни сам по себе, ни в совокупности с другими не является категориальным, определяющим, отличительным признаком фразеологизма. Фразеологизм имеет свои, только ему присущие категориальные признаки, которые в совокупности позволяют, с одной стороны, выделить его в самостоятельную единицу языка, с другой – отграничить от других единиц языка (лексических, синтаксических). В качестве отмеченных признаков выступают фразеологическое значение, компонентный состав и наличие грамматических категорий. Фразеологическое значение является обобщенно-целостным, хотя степень целостности может быть различной. При этом чем больше компоненты фразеологизма теряют собственно словесные свойства, тем целостнее становится значение фразеологизма и, наоборот.

Таким образом, фразеологическое значение имеет компонентную основу, т.е. от того, какое место занимает компонент в семантической структуре фразеологизма, во многом зависит «механизм образования фразеологического значения». Компоненты же фразеологизмов лишены самостоятельности, а потому и не обладают лексическим значением. С

момента образования фразеологизм всем своим лексическим составом начинает отражать такую внеязыковую действительность, с которой полностью или частично потеряли связь сами по себе его компоненты. Составной частью фразеологического значения выступает категориальное значение, показателем которого является грамматически господствующий компонент фразеологизма, выражающий соотношенность с той или иной частью речи. Мнения ученых по поводу «словной» природы компонентов фразеологизма расходятся. В.П. Жуков, А.И. Молотков, В.Н. Телия, И.И. Чернышева и другие отрицают словный характер компонентов ФЕ, считая, что последние утратили различные категории, которые были присущи их «генетическому источнику – слову» (Жуков 1978:35-45; Молотков 1977:26, 1968:311; Телия 1966:47; Чернышева 1974:259-260). По мнению В.П. Жукова, «компонент – это составная часть фразеологизма, лишенная основных признаков слова. Компонент служит лишь строительным материалом лингвистического знака, а сам по себе «подлинным» и «реальным» знаком не является в силу своей семантической недостаточности» (Жуков 1978:45), т.е. «компоненты фразеологизма лишены собственно семантических признаков слова» (Там же:80).

Другие ученые, наоборот, признают словную природу компонентов фразеологизма. Так, Ю.А.Гвоздарев утверждает, что «компоненты ФЕ сохраняют определенную значимость, без которой фразеологическая единица неизбежно утрачива-

ла бы внутреннюю форму, образность» (Гвоздарев 1983, 1978:175); А.И. Алехина и Т.Н. Федуленкова также считают, что слово является образующим элементом фразеологической единицы (Алехина 1979:111; Федуленкова 2002:233-237). Для более глубокого понимания феномена фразеологичности особенно важно вовлечение в исследование широкого круга языковых единиц, входящих в те группировки, которые сложились в процессе длительного развития языка и которые отражают определенные особенности этого процесса.

В связи с вышеизложенным уместно отметить, что в лингвистической науке последнего периода наблюдается повышение интереса к изучению всевозможных тематических групп фразеологизмов, критерии же отбора фразеологического материала для их классификации у разных ученых существенно отличаются, в зависимости от того, что включено в «тему» исследования.

Так, идеографическая (тематическая) классификация фразеологизмов, выдвинутая некоторыми учеными (Телия 1996; 1976; Добровольский 1990; Караулов 1976 и др.), охватывает следующие группы:

- указание на «натуральные объекты» (**анютины глазки**);
- обозначение времени (**в мгновение ока**). Фразеологизмы этой группы не измеряют время, а характеризуют его в плане интенсивности (темпа) протекания;

- обозначение меры и степени (**с ног до головы; хлопот полон рот; сыт по горло**). Такие фразеологизмы ориентированы на собственно антропометрическое измерение;

- обозначение места (**под носом; под рукой**);

- обозначение акций поведенческого типа:

- а) обозначение физических акций (**носить на руках; брать за горло**);

- б) обозначение волевых акций (**брать в свои руки; взвалить на свои плечи**);

- в) обозначение обмана (**водить за нос; пускать пыль в глаза**);

- г) обозначение наказания (**намылить шею; поломать бока**);

- указание на интеллектуальные акции или состояния (**голова варит; светлая голова; пустая голова**);

- обозначение чувств:

- а) чувства-отношения (**наступить на любимую мозоль**);

- б) чувства-состояния (**скрепя сердце; сердце не лежит**);

- обозначение свойств лица по физическим параметрам (**косая сажень в плечах**);

- характеристика лица по социальному положению (**белая кость**).

Сторонники представленной классификации считают, что выделенные области идеографических полей позволят выявить степень присутствия культурно значимой информации

в плане содержания и обретения ими роли знаков языка культуры.

Одним из новых направлений в лингвистике является контрастивное исследование фразеологизмов, повышение интереса к которому объясняется его непосредственной связью с практическими задачами (Райхштейн 1980; Чернышева 1973; Хакимов 1991). Рост интереса к сопоставительным и контрастивным исследованиям в настоящее время объясняется также расширением международных контактов в самых разных сферах деятельности и необходимостью эффективно решать проблемы, неизбежно возникающие в процессе коммуникативного взаимодействия людей, принадлежащих к разным лингвокультурным общностям.

В основе нашего отбора фразеологического материала лежит другое тематическое деление, включающее более объемные группы фразеологизмов (локальные, темпоральные, соматические, нумеральные и т.д.), из которых мы выбрали для исследования наиболее обширную и универсальную группу – соматические фразеологизмы (далее СФ).

1. ИСТОРИКО–ВРЕМЕННОЕ ОПИСАНИЕ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Как и любой язык в целом, как и любая языковая единица, соматические фразеологизмы также не произошли спонтанно, а появились в языке как естественное следствие эволюционного процесса в широком смысле этого понятия, который длился на протяжении всей истории развития и становления языка. Хотя фразеологический состав языка отличается известной степенью устойчивости, он, подобно лексическому составу, также подвержен различного рода изменениям. Так, может измениться количественный состав фразеологизмов языка за счет утраты некоторых фразеологизмов или появления новых, может измениться соотношение групп, разрядов фразеологизмов по их стилистической характеристике и т.д. При очертании границ понятия «современная фразеология» должны быть непременно учтены все перечисленные и прочие возможные историко-временные изменения внутри данного пласта языка (Бирих 2000; Назарян 1981; Шанский 1985).

Принимая за основу утвердившееся в традиционном языкознании деление фразеологизмов по их происхождению, мы выделили три основных класса соматических фразеологизмов:

- а) исконно русские СФ;
- б) заимствованные СФ;

в) фразеологические кальки.

Самый обширный класс в представленной классификации составляют фразеологизмы первой группы. В отличие от традиционного деления исконно русских фразеологизмов на общеславянские, восточнославянские и собственно русские, мы не придерживаемся столь подробной градации, а объединяем все указанные фразеологизмы в один общий класс: «исконно русские фразеологизмы». Подобное деление избрано нами в целях технического удобства, а также продиктовано и оправдано однородностью изучаемых фразеологизмов, происходящих от общего источника – славянских языков. Различия же между фразеологизмами данной группы могут касаться лишь времени их происхождения.

Итак, в рассматриваемую группу «исконно русские фразеологизмы» входят СФ, характерные лишь для славянских языков и отмеченные яркой национальной спецификой последних. Источниками возникновения исконно русских фразеологизмов могут служить общеславянская фразеология, соответствующие свободные словосочетания, либо уже существующие в языке модели. Фразеологизация свободного словосочетания возможна в результате частого повторения и употребления последнего в языке в метафорическом значении и в отрыве от того конкретного понятия действительности, которое выражается свободным словосочетанием. Что касается исконно русских СФ, возникших по существующей в языке модели, то в процентном отношении, как свидетельст-

ует анализируемый материал, они заметно уступают СФ, которые появились из свободных словосочетаний. Помимо этого, фразеологизмы, образованные по соответствующим моделям, приобретают своеобразную эмоционально-экспрессивную окраску и зачастую отмечаются печатью индивидуальности. В силу этого подобные соматические фразеологизмы воспринимаются скорее как новообразования, нежели как трансформированные варианты и не закрепляются (либо не всегда закрепляются) во фразеологической системе русского языка.

Рассмотрим некоторые примеры:

бить в глаза (от бити въ очи); водить за нос (от водити за носъ); с головы до пят; под горячую руку; очертя голову; сломя голову; наострить уши; бить челом; отвести глаза (очи); уши вянут; ушки на макушке; зашумело в голове и т.д.

Следующую группу составляют заимствованные СФ. Среди соматических фразеологизмов, заимствованных из других языков, известны заимствования из старославянского языка и заимствования из западноевропейских языков. Заимствования из старославянского языка (или просто старославянизмы) составляют весьма обширную группу внутри фразеологической системы русского языка. Они прочно вошли в язык и отличаются широкой употребительностью. Старославянизмы современного русского языка чаще всего тяготеют к церковнославянизмам и библеизмам. Среди по-

следних встречаются СФ, включающие архаичные слова, отчасти вышедшие из употребления, но отличающиеся определенной степенью доступности, а потому и закрепившиеся в современном русском языке. Другая же часть заимствованных старославянских фразеологизмов зафиксирована во фразеологической системе современного русского языка без какого-либо архаичного компонента и характеризуется максимальной доступностью для современного носителя языка как в структурном плане, так и с точки зрения грамматического выражения.

Например:

притча во языцех; око за око; как зеницу ока; как перст одинок; челом бить; с молодых ногтей; зуб за зуб; в поте лица; всем сердцем (душой); имеющий уши да слышит и т.д.

Как уже было отмечено, старославянский язык не является единственным источником фразеологических заимствований для современного русского языка. Внутри фразеологической системы современного русского языка зафиксированы также многочисленные заимствования из западноевропейских языков, которые, однако, в количественном отношении значительно уступают заимствованиям из старославянского языка. Иноязычная основа заимствованных СФ отчетливо проявляется как в графической форме этих фразеологизмов, так и в их фонетическом звучании.

Фразеологические заимствования из иностранных языков в основном характеризуются ограниченностью употребления, и лишь часть их прочно вошла в активный словарный состав современного русского языка.

Ср.: *visavi* (франц.) – *лицом к лицу*.

Тот факт, что иностранные заимствования в большинстве своем не укоренились во фразеологической системе русского языка, возможно, объясняется особенностями их национальной специфики, а те из них, которые получили определенное распространение, либо сосуществуют со своими русскими эквивалентами, либо постепенно уступают место последним.

Среди соматических фразеологизмов, заимствованных из иностранных языков, нередко наблюдается постепенное вытеснение определенной их части из фразеологической системы современного русского языка. Чаще всего это происходит потому, что со временем внутри самой фразеологической системы современного русского языка появляются фразеологические кальки, представляющие собой пословный перевод соответствующих иностранных фразеологизмов.

Сравним, например:

«*иметь зуб*» – калька с французского «*avoir une dent*»;

«*разбивать наголову*» – калька с немецкого «*aufs Haupt schlagen*»;

«*вставлять с левой ноги*» – калька с французского «*se lever du pied gauche*»;

«идти в ногу» – калька с французского «*marcher au pas*»;

«легкая рука» – калька с французского «*avoir la main lègere*»;

«земля горит под ногами» – калька с немецкого «*Boden brent ihm unter den Fubèn*»;

«от всего сердца» – калька с французского «*de tout mon coeur*»;

«невзирая на лица» – калька с немецкого «*ohne Ansehen der Person*».

Поскольку каждый язык подчиняется определенным грамматическим, синтаксическим и семантическим нормам, то понятно, что в результате калькирования (иначе говоря, простого копирования) появляются фразеологизмы, в которых реализованы чуждые заимствующему языку семантико-синтаксические отношения. С другой стороны, часто калькирование порождает в языке новые фразеологические модели, и в этом смысле это следует рассматривать как эволюционный процесс.

Поскольку рассматриваемый в настоящей главе вопрос о происхождении СФ непосредственно связан с процессом исторического развития языка, то понятно, что в этом плане почти невозможно параллельное исследование соотносительных русских и армянских фразеологизмов. Дело в том, что хотя эволюция затрагивает все живые языки, однако процесс исторического развития каждого отдельного языка уникален,

самобытен, и трудно найти какие-либо точки соприкосновения между любыми двумя сравниваемыми языками, независимо от степени их родства.

Исходя из вышепредставленных суждений, в настоящей главе мы проводим отдельное исследование армянских соматических фразеологизмов с точки зрения их происхождения. Собранный фразеологический материал позволил нам выделить две основные группы армянских соматических фразеологизмов:

- а) исконно армянские СФ;
- б) заимствованные СФ.

В процессе исследования мы обнаружили также армянские кальки соматических фразеологизмов, которые, однако, в силу своей немногочисленности, не выделены нами в отдельную группу.

Исконно армянские СФ произошли в основном от староармянских. Отличительным признаком этих фразеологизмов являются их яркая национальная специфика, экспрессивная окраска. Внутри отмеченной группы встречаются СФ, закрепленные в языке в двух формах, и выбор одной из них обычно носит индивидуальный характер, либо обусловлен степенью употребительности этих единиц. В армянском языке известны также устаревшие соматические фразеологизмы, которые либо остались в пассивном запасе, либо проявляют тенденцию постепенного вытеснения новыми эквивалентными выражениями. Сравним, например:

օձիքից պոկ չգալ – վզից կախվել; դեմքը խոտոռել – նրթերը կախել; կռները աղկոտել – ձեռքերը կեղտոտել и т.д.

Как уже было отмечено, определенную часть армянских соматических фразеологизмов составляют заимствования из других языков. Основными источниками заимствований СФ в армянском языке являются восточные языки (преимущественно турецкий, персидский), реже – славянские языки (в частности, русский).

Преобладание заимствований из турецкого и персидского языков обусловлено всем ходом исторического развития прежде всего армянского народа, а затем и его языка. При этом, однако, следует отметить, что подавляющее большинство заимствованных СФ сосуществует в языке с исконно армянскими эквивалентами, но не вытесняется последними. Сравним, например:

հախից գալ – կողերը ջարդել; աչքին թոզ փչել – աչքերը կապել; ափալ-թափալ – ուրբի վրա; բողազին դեմ առնել – կոկորդին կանգնել и т.д.

Что касается заимствований из славянских (в частности, русского) языков, то они связаны с более поздним периодом исторического развития. Например: *քիթը զցել – задирать нос; ալանջը ծակում է – ухо режет; գլուխը խոնարհել – склонять голову; մաւրների արանքով նայել – смотреть сквозь пальцы; ձեռքերը քրք են գալիս – руки чешутся* и т.д.

Несмотря на количественное преобладание восточных заимствований над другими, последние также прочно вошли

во фразеологическую систему современного армянского языка и, что важнее, их число продолжает расти; количество же заимствований из восточных языков остается неизменным.

Фразеологические кальки в армянском языке, как уже отмечалось, нельзя считать распространенным явлением. Собранный фактический материал и наши исследования позволяют заключить, что во фразеологической системе современного армянского языка почти не встречаются кальки из первоисточника, а существующие кальки соответствующих соматических фразеологизмов мы условно назвали «вторичными» или «опосредованными», поскольку они попали в армянский язык не непосредственно из языка-источника, а через русский язык, и в результате они оказались фактически дважды скалькированными. Например:

սիրտը արտը – «от всего сердца» (калька с французского «*de tout mon coeur*»); *ալիս ունենալ* – «иметь зуб» (калька с французского «*avoir une dent*»); *ձախ ոտքից լերկեւիլ* – «вставить с левой ноги» (калька с французского «*se lever du pied gauche*») и т.д.

Подытоживая результаты вышепредставленного анализа, еще раз отметим, что происхождение исследуемых русских и армянских фразеологизмов подчинено разным историческим процессам. Общность же между сравниваемыми соматическими фразеологизмами двух языков состоит в том, что в обоих языках подавляющая часть СФ является исконной, а другая часть – заимствованной или калькированной.

Итак, мы попытались в общих чертах представить исторический процесс развития и становления соматических фразеологизмов, в результате которого они приобрели прочную структурную форму и определенное семантическое выражение и в качестве таковых закрепились во фразеологической системе языка. Однако, как уже было отмечено, подобно другим языковым единицам, фразеологизмы также проходят эволюционный путь развития, т.е. фразеологическая система языка находится в непрерывном изменении, что обусловлено, с одной стороны, постепенным пополнением фразеологического фонда из «внешних» источников и исчезновением из языка фразеологических некротизмов, а, с другой стороны – формированием фразеологических новообразований за счет внутренних, собственно фразеологических ресурсов. Вследствие этого происходят всевозможные изменения, затрагивающие как структурный состав, так и семантическую целостность фразеологизмов. Причиной подобных изменений могли оказаться такие языковые явления, как внутрикомпонентная инверсия, эллипсизация фразеологизма, лексические вкрапления, расширение/сужение состава фразеологизма, абстрагирование, смещение и обособление значения фразеологизма, замена лексических составляющих и т.д.

Представим краткий обзор вышеотмеченных явлений, вызванных процессом исторического развития языка.

1. Расширение значения фразеологизма предполагает увеличение количества денотатов, с которыми соотносится

фразеологизм, т.е. охватывание фразеологической единицей более широкого круга понятий, чем раньше. Подобного типа изменения могут иметь следующие проявления: а) расширение круга слов, с которыми сочетается фразеологическая единица и б) появление нового значения, не зафиксированного в более ранних источниках. Например:

лезть в глаза – 1) стремиться быть замеченным;

2) привлекать к себе чье-либо внимание;

поднять руку – 1) посягать на побои или убийство;

2) покушаться на кого-либо;

3) начать борьбу с кем-либо;

4) осуждать, порицать кого-либо;

колоть глаза – 1) упрекать, стыдить кого-либо;

2) вызывать досаду, раздражение у кого-либо;

(быть) на ногах – 1) в стоячем положении;

2) в бодрствующем состоянии, встав ото сна;

3) в хлопотах, в движении, в работе, не отдыхая;

4) быть здоровым, не болеть;

5) без постельного режима;

поставить на ноги – 1) помочь кому-либо поправить свое состояние;

2) вылечить, избавить от болезни;

3) открыть важную в жизни дорогу;

4) растить, воспитывать, доводить до самостоятельности;

5) заставить активно действовать;

б) будоражить, волновать, бить тревогу.

2. Сужение значения является процессом, противоположным расширению, т.е. в данном случае в значении фразеологической единицы наблюдается уменьшение, сокращение количества денотативных соотнесенностей.

Например, соматический фразеологизм «*сойти с рук*» в XVIII-XIX веках был известен и широко употреблялся в двух значениях: а) остаться без наказания, без плохих последствий; б) быть проданным (о товаре). Уже позднее, в словарях XX века, сохранилось лишь одно (первое) значение выделенного фразеологизма, второе же значение отмечается как устаревшее. Это дает нам основание констатировать наличие в современном русском языке одной денотативной соотнесенности у фразеологизма «*сойти с рук*».

3. Абстрагирование значения. Под этим явлением понимается утрата семантической структурой фразеологической единицы денотативной связи, т.е. утрата соотнесенности значения компонентов с каким-либо конкретным предметом или группой конкретных предметов окружающей действительности.

Например, в современных фразеологических и этимологических словарях отмечается единственное значение СФ «*по рукам ударить*»: «условиться, прийти к взаимному согласию биением руки в руку». Но здесь же дается оговорка: «особенно говорится в просторечии при достижении согласия о браке между родителями жениха и невесты». Вначале «*бить по*

рукам» было ритуальным выражением, оборотом, отражающим обряд, народный обычай с одним денотатом – согласие в обсуждении брака и приданого. В дальнейшем количество денотатов постепенно увеличивалось, и, наконец, любой акт взаимной договоренности между сторонами стал скрепляться отмеченным ритуальным действием и соответственно был вербализован фразеологическим оборотом «ударять по рукам».

Рассмотрим другой пример. Выражение «набить руку» в прошлом употреблялось в значении «приучить твердо писать, или играть на каком-либо инструменте». В дальнейшем произошло абстрагирование конкретного значения, в результате чего указанный фразеологизм получил следующее значение: «приобрести умение и сноровку, опыт в каком-либо деле». Именно в последнем значении СФ «набить руку» и зафиксирован в современных словарях.

4. Смещение значения подразумевает изменение в соотношенности фразеологической единицы с тем или иным денотатом. Например, соматический фразеологизм «наложить руку» первоначально означал «поработать», в настоящее время он известен в значении «присвоить, овладеть»; фразеологизм «на руках», употребляемый в современном языке в значении «в наличии», раньше характеризовался значением «в хранении».

5. Зачастую смещение значений фразеологизма влечет за собой их **обособленность**. Например, соматический фра-

зеологизм «с легкой руки» в источниках XVIII-XIX веков отмечается значением «в добрый час, счастливо, удачно». Словари XX века подчеркивают несколько иной оттенок у этого фразеологизма, а именно: «удачный почин, пример».

6. Замена лексических составляющих известного фразеологизма вызывает нарушение состава последнего. Это явление затрагивает по преимуществу устаревшие слова, вышедшие из активного употребления.

Сравним, например: «бить в глаза» – вместо «бить в очи».

Иногда встречаются случаи замены всей фразеологической единицы новым фразеологизмом. В подобных случаях новый фразеологизм обычно полностью вытесняет устаревший из употребления.

Например: «не с руки» – вместо «не рука»; «с глазу на глаз» – вместо «глаз на глаз» или «между четырех глаз»; «нос к носу» – вместо «нос с носом» и т.д.

Устаревшие формы рассматриваемых фразеологизмов встречаются в основном в произведениях художественной литературы XVIII-XIX веков, в современной же литературе они используются лишь в специальных стилистических целях.

Отметим, что вышепредставленные процессы, вызванные эволюционными изменениями соматических фразеологизмов, не всегда проходят прямолинейно. Так, часто употребление фразеологизма в одном из значений или в одной из форм становится предпочтительнее, а второе значение/фор-

ма – допустимой. В результате постепенно допустимое значение/форма становится неупотребительным и суживается денотативная соотнесенность фразеологической единицы.

Например, первоначально фразеологизм «*под рукой*» означал «тайно, скрытно, негласно». В дальнейшем данный оборот, очевидно, контаминируя с фразеологизмом «*как руку подать*», функционировавшим в тот период в значении «очень близко», приобрел значение «поблизости». Указанные два значения рассматриваемого фразеологизма зафиксированы в «Словаре языка Пушкина» (2000). Однако со временем значение «тайно, скрытно» затухает, и факт «устаревания» в современном русском языке фразеологизма «*под рукой*» в значении «тайно» закрепляется в словаре С.И. Ожегова (1996).

Как уже было отмечено, в результате исторических изменений устаревшие фразеологизмы претерпели различного рода изменения. Нам думается, что некоторые из подобных фразеологизмов могли оказаться основой, источником для возникновения в современном языке совершенно новых фразеологизмов. Так, к примеру, на наш взгляд, известный соматический фразеологизм «*глаз да глаз (нужен)*» мог возникнуть по структурной ассоциации с устаревшим фразеологизмом «*глаз на глаз*», имеющим совершенно иную семантику и т.д.

Подобные ассоциативные модификации можно проследить и в системе армянской фразеологии. Однако, как уже

было отмечено, историко-временные процессы в разных языках развиваются по разным путям, а потому и приводят к разным результатам. Здесь проявляются всевозможные культуроведческие, национальные, ментальные факторы, по-своему отражающие специфические особенности каждого из этих языков.

Процесс изменения (модификационного, трансформационного, ассоциативного) может затрагивать не только устаревшие, но и современные фразеологизмы, и опять же во всех случаях в каждом из рассматриваемых языков этот процесс протекает индивидуально и может быть истолкован лишь в свете национальной специфики этих языков.

Приведем несколько примеров и попытаемся сопоставить их в обоих языках. Так, в современном русском языке укоренился и весьма употребителен соматический фразеологизм *«легкая рука»*, характеризующий удачливого человека. Сравним примеры из художественного текста:

– *Все моя легкая рука! – говорит поручик.*

– *Как я пришел, так и дело пошло.* (Куприн, Река жизни).

Или: *Он заговаривал кровь, испуг, бешенство, выгонял червей, пчелы ему дались, рука у него была легкая.* (Тургенев, Хорь и Калиныч).

В армянском языке также весьма широко распространен эквивалентный СФ *«ծեղքը թեթև»*, семантика которого, однако, не всегда совпадает с семантикой отмеченного русского

фразеологизма. Смыслообъединяющей основой этих фразеологизмов является их общая положительная направленность, которая, очевидно, обусловлена семантической природой адъективного (несоматического) компонента: русское прилагательное «легкий», как и его армянский синоним «թեթև», предполагают нечто безболезненное, не приносящее ущерб, не вызывающее дискомфорт, не доставляющее хлопот и т.д. Однако это всего лишь внешнее и самое общее, поверхностное сходство. При более глубоком анализе выясняется, что армянский СФ «ծեղքը թեթև», хоть и положительно характеризует человека, но включает иной нюанс: здесь речь идет не об удачливом и приносящем удачу человеку, а о человеке, который, производя даже само по себе болезненное действие (укол, удар и т.д.), не причиняет при этом боли. В этом смысле интересно соотнести рассматриваемые соматические фразеологизмы с их антонимами, присутствующими в обоих языках. Сравним: «легкая рука» – «тяжелая рука»; «ծեղքը թեթև» – «ծեղքը ծանր». При сопоставлении выделенных пар четче вырисовывается их несоответствие. Так, в современном русском языке фразеологизм «тяжелая рука» возник по ассоциации с фразеологизмом «легкая рука», однако это всего лишь «внешняя антонимия», поскольку на самом деле эти фразеологизмы не состоят в антонимической паре. Как уже было отмечено, семантика СФ «легкая рука» связана с ассоциативным, переносным восприятием компонентов, семантика же фразеологизма «тяжелая

рука» материально и реально обоснована: она характеризует физическую силу.

Для большей убедительности можно провести такое сравнение: соматический фразеологизм *«тяжелая рука»* часто употребляется в следующей парадигматической форме: *«с тяжелой рукой»*. Сравним: *«У него тяжелая рука»* и *«человек с тяжелой рукой»*. Нетрудно заметить, что в обоих случаях речь идет именно о физической силе.

Фразеологизм же *«легкая рука»* может встречаться в форме *«с легкой руки (чьей-то)»*, где опять же реализовано следующее значение: *«с легкостью, без затруднения»*, но не может употребляться в форме словосочетания в творительном падеже (*«человек с легкой рукой»*). Представленные рассуждения позволяют убедиться в том, что в данном случае нельзя говорить о семантической антонимии рассматриваемой пары СФ.

Выше мы охарактеризовали подобные случаи условным выражением «внешняя антонимия», которая в данном случае касается лишь противопоставления двух прилагательных, входящих в состав рассматриваемых соматических фразеологизмов (ср.: *легкий – тяжелый*)¹. Однако не следует забывать, что выделенные адъективные компоненты в составе соответствующих фразеологизмов выполняют роль зависимых частей, основной же (стержневой) компонент этих СФ выражен соматическим существительным *«рука»*, которое и

¹ Здесь можно говорить даже о «компонентной антонимии»

должно диктовать семантику всего фразеологизма в целом. Так, если заменить прилагательное «*легкий*» другими прилагательными (*длинный, худой, сильный* и т.д.), то можно получить свободные словосочетания, лишённые метафоричности, и тогда к каждому словосочетанию можно будет подобрать соответствующее антонимичное словосочетание, меняя адъективный компонент. При замене же опорного компонента («рука») происходит полный сдвиг в семантике получаемых выражений, что еще раз позволяет убедиться в важности именно этого компонента, являющегося по сути основным носителем семантического значения.

Что касается армянской пары анализируемых соматических фразеологизмов, то здесь мы можем констатировать полную антонимию: как фразеологизм «*ծեղը թեղւ*», так и СФ «*ծեղը ծախր*» дают физическую характеристику лица, а потому и связаны между собой антонимической связью. Значение же «*удачливый, приносящий удачу*», характерное для русского фразеологизма «*легкая рука*», в соответствующем армянском СФ заметно стерто.

В современном армянском языке существует известный соматический фразеологизм «*նլըը թեղւ*», который наделен семантикой, соответствующей семантике русского СФ «*легкая рука*» (удачливый, приносящий удачу). Интересно заметить, что синонимия здесь достигается за счет замещения одного соматического компонента другим. На наш взгляд, подобные случаи возможно объяснить лишь с учетом этнос-

пецифики и национального менталитета носителей сравниваемых языков. С позиций отмеченного подхода в данном случае логический анализ позволяет предположить, что если в русской языковой действительности везение, удача связываются с соматизмом «рука», то в армянской реальности эти явления, хоть и выражаются опять-таки с помощью названия человеческой конечности, но на сей раз – нижней (нога). Отметим, однако, что фразеологизм «*ծնքը թեթև*» зафиксирован в словарях как эквивалентный русскому «*легкая рука*» в первом из отмеченных значений. Как уже было замечено, рассмотренные изменения внутри соматических фразеологизмов не влияют на их семантику. Но при более глубоком анализе выясняется, что некоторые фразеологизмы, известные носителям данного языка на современном этапе его развития, приобрели значения, отличные от тех, которые были им первоначально присущи. Подчас подобное смещение значений бывает резко выраженным, и, нам думается, что это явление связано с изменением значения денотата, реализованного в том или ином конкретном СФ, и с общим процессом эволюции языка.

2. КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

§2.1. ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ В СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

История фразеологического состава языка – это не только история его формирования, но и история мировидения и миропонимания народа, поскольку отбор образов и их вербализация является результатом культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить определенное отношение к ним. Фразеологический состав языка – ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отображаются культурно-историческое мировидение народа, его обычаи, верования. Фразеологизмы способны не только описывать окружающий мир, но и интерпретировать, оценивать его, выражая к нему субъективное отношение (Маслова 2004:75). Образы, лежащие в основе фразеологизмов, в подавляющей своей массе понятны для данной лингвокультурной общности, ибо отражают характерное для нее мировидение и миропонимание, что и позволяет говорить о культурно-национальной специфике фразеологического состава языка, отличающегося большей яркостью, чем его лексический запас (Шмелев, Булыгина 1997; Урысон 1995; Яковлева 1994; Тер-Минасова 2008).

В современной лингвистике наблюдается повышение интереса к изучению фразеологии в лингвокультурологическом аспекте, поскольку именно фразеология ассоциируется с культурно-национальными эталонами, стереотипами, характерными для той или иной лингвокультурной общности. Фразеологический фонд языка является одним из основных хранителей установок, стереотипов, символов отдельно взятой культуры. Фразеологизмы играют важную роль в выявлении национально-культурных особенностей того или иного конкретного лингвокультурного сообщества. Современные исследования в области национальных особенностей фразеологии ведутся в разных направлениях: этимологическом (Бабкин 1968, 1964, 1970; Гвоздарев 1974, 1977; Мокиенко 1990, 1986, 1982, 2003, 1989, 1973; Ройзензон 1974; Шанский 1987, 1988, 2009), культурологическом (Верещагин, Костомаров 1982; Телия 1994, 1993, 1995, 1996, 1966; Тер-Минасова 2008; Добровольский 1991, 1998, 1990; Санников 1999; Михельсон 1994; Маслова 2001; Кубрякова 1988, 2003; Корнилов 2003; Гак 1988, 1999), этнографическом (Гачев 1988; Сорокин 1994; Уфимцева 1974; Мыльников 1989), прагмалингвистическом (Телия 1996; Толстая 1992; Фокина 1996, Скнарев 2006; Лепешев 1981; Кравцов 1992; Вежбицкая 1996, 2001), когнитивном (Алефиренко 1981, 2004; Мелерович 1980, 1986, 1998; Дидковская 1998; Шевченко 2007; Феоктистова 1998, 1996).

Лингвокультурологический подход к изучению фразеологии отражает общность и национально-культурную специфику фразеологической картины мира (ФКМ), отличительными особенностями которой являются универсальность, антропоцентризм, экспрессивность. Поскольку же во ФКМ главным мерилom ценности реалий окружающей действительности является человек, то она представляет собой антропоцентрическую модель мира, где человек осознает себя частью реальной действительности и воспринимает окружающий мир как отражение своего существования. В.Н. Телия считает, что исследование фразеологии с лингвокультурологической точки зрения позволяет раскрыть способы и средства проникновения в язык культурных ценностей и традиций (Телия 1999:15).

Каждому народу свойственны свое восприятие и своя интерпретация окружающего мира, что находит свое отражение в языке и создает национальную языковую картину мира. В формировании же национальной языковой картины мира, как уже отмечалось выше, важную роль играют фразеологизмы. Они отражают особенности этнического мировосприятия, специфические черты национальной культуры, выражают отношение человека к окружающей действительности, оказывают влияние на формирование его мировоззрения и, наконец, транслируют нравственные законы. Фразеологизмы отражают национальную специфику языка, его самобытность. Во фразеологии запечатлен богатый историче-

ский опыт народа, в ней отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. По мнению Е.Ф. Арсентьевой, фразеологизмы представляют собой «сгусток культурной информации» и, экономя языковые средства, они проникают в самую глубину народного духа (Арсентьева 1999:50). Более того, фразеологизмы не только отражают особенности той или иной культуры, но и оказывают влияние на формирование мировоззрения человека, формируют определенные стереотипы поведения, а также свойства, достоинства и недостатки человека, которые ценятся в данном обществе и данной культуре (Маслова 2004:75). Определенные качества национального характера проявляются в языке, и человек с детства, осваивая лексику и фразеологию родного языка, учится воспринимать окружающий мир и себя в нем так, как это принято в данной лингвокультурной общности.

Итак, для единиц фразеологического состава языка характерной чертой является образно-ситуативная мотивированность, непосредственно связанная с мировидением народа-носителя языка. Фразеологизмы возникают в национальных языках на основе отображения обиходно-исторического или духовного опыта языкового коллектива, который связан с его культурными традициями. Они отображают «производственный, исторический, духовный, обиходно-практический опыт лингвокультурной общности» (Добрыднева 1998:248). Мысль о национальной специфике языка высказал в свое

время В. фон Гумбольдт, который считал, что явления действительности каждый народ воспринимает и интерпретирует особым способом, получившим отражение в языке (Гумбольдт 2000:132). В дальнейшем идею национальной обусловленности языка, в частности, его фразеологического корпуса, развили в своих трудах и другие ученые (см.: Маслова 1997:37; Артемова 2002:79; Лебедева 1999:66; Тер-Минасова 2008:213; Вахрушева 2007:53-55; Вежбицкая 2001; Корнилов 2004; Гак 1999; Прокопьева 1995; Стоянова 2002; Хоссейн 1994; Русецкая 2012; Хайруллина 2012; Иванова 2003; Щербина 2008:58; Телия 1996; Степанов 1997:76-78 и другие).

По мнению многих ученых, именно во фразеологическом фонде наиболее полно, непосредственно и ярко проявляется национальная самобытность языка (Гак 1999:260; Верещагин, Костомаров 1980:301; Вернер 1998:121; Щербина 2008:58). А.Ф. Артемова называет фразеологизмы «лингвокультурологическими единицами», имея в виду отраженность в них мировоззрения того или иного лингвокультурного сообщества (Артемова 2002:79). Примерно так же характеризуют роль фразеологизмов в лингвокультурном сообществе и другие ученые, называя их «константами культуры» (Степанов 1997:76-78), «трансляторами культуры» (Гак 2000:200), «орудием и ликом культуры, действительностью нашего духа» (Маслова 1997:37), утверждая о наличии в них «культурно-национальной коннотации» (Телия 1996:214-215, Маслова

2001:55), национального колорита (Лебедева 1999:66). По языку (в частности, по фразеологии) можно проследить историческое развитие нации, ее культурно-нравственные традиции (Добровольский 1997:37-48). А.М. Бабкин характеризует фразеологию как «святую святых национального языка, в которой неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации» (Бабкин 1979:7). Говоря о культурно-национальной маркированности образных языковых единиц, И.А. Стернин отмечает, что последние, представляя собой образный строй любого естественного языка, выражают этническое самосознание народа (Стернин 1989:279-282).

Одной из обширных групп фразеологизмов, отличающихся универсальностью и выраженной антропоцентрической направленностью, являются соматические фразеологизмы, ставшие объектом нашего исследования.

Термин «соматизм» имеет различные толкования. Согласно широкому пониманию, соматизмы (от греческого «*soma*» (*somatos*) – тело) – это средства обозначения явлений, относящихся к сфере телесности. В более узком смысле, соматизм – это любой значащий признак, положение или движение лица и всего тела человека (Верещагин, Костомаров 1980:24).

Процесс осознания себя среди окружающей действительности и восприятия себя как личности человек начал с ощущений, поступающих непосредственно через органы чувств и части собственного тела. Человеческое тело оказа-

лось наиболее доступным для наблюдения объектом, и с помощью «телесных знаков» человек начал познавать мир, ориентироваться во времени и пространстве. Известно, что еще в древности человек начал соизмерять окружающий мир с частями своего тела. Примером могут служить некоторые соматические фразеологизмы, содержащие в своем компонентном составе старорусские названия единиц измерения: *косая сажень в плечах* (Смирнова 2011:508-513).

Впервые в лингвистическую терминологию понятие «соматический» было введено Ф. Вакком (Вакк 1968:23). В применении к материалу русского языка этот термин впервые встречается у Э. Мордковича (Мордкович 1971:244-245).

По мнению Т.Н. Чайко, «благодаря тому, что части тела постоянно находятся перед глазами, они и становятся своеобразными эталонами для сравнения» (Чайко 1974:104). Обилие же соматических фразеологизмов в разных языках

Т.Н. Чайко считает естественным явлением, объясняя это тем, что «соматические лексемы, входящие в их состав, обладают высокой способностью метафоризироваться» (Там же: 106).

В.С. Данилов и Н.В. Куницкая также указывают, что «образование соматических фразеологизмов на основе метафорического и метонимического переноса является наиболее продуктивным фактором их появления» (Данилов, Куницкая 1986:135).

Таким образом, можно констатировать, что соматизмы, благодаря ясности функций частей и органов тела, называемых этими единицами, легкости их аллегорического осмысления, обладают повышенной продуктивностью в сфере фразеологического образования. Выступая как универсальное явление, соматические фразеологизмы составляют значительную часть любого языка (Городецкая 2007:162-166).

По мнению Т.З. Черданцевой, во фразеологизмах, в основе которых лежат реакции внутренних органов и частей тела на внешние раздражители, «отражается взгляд на язык как на двусторонний коммуникативный процесс. Оба участника ситуации, независимо от того, в каком языковом социуме они живут, обладают знаниями о возможностях своего организма, т.е. владеют определенной символикой» (Черданцева 1988:88).

Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, выступая в роли своеобразной ниши для кумуляции мировидения и являясь непосредственным отражением культурного опыта данной языковой общности, наиболее красочно свидетельствует о ее культурно-национальных традициях. В подобном свете фразеологизм выступает как яркое воплощение духовной культуры и этнического менталитета.

С одной стороны, культурные традиции, культурный опыт той или иной конкретной общности воплощаются в языке в виде определенных символов, знаков. С другой сто-

роны, выступая как символическое выражение культуры, язык непосредственно участвует в хранении и воспроизводстве ее стереотипов. Иначе говоря, в символической системе языка «опредмечены» мировидение и миропонимание данной этнической общности, что и обуславливает дальнейшее воспроизводство и передачу из поколения в поколение культурно-национального наследия народа-носителя языка, и особую роль в этом процессе играет фразеологический состав языка. Иначе говоря, помимо описательной, оценочной, интерпретирующей функций, весьма важными являются кумулятивная и транслирующая функции фразеологизмов. Итак, на протяжении культурно-исторического развития народов-носителей языков во фразеологическом фонде языка фиксируется опыт познания мира. Благодаря кумулятивной и транслирующей функциям язык играет решающую роль в формировании личности, национального характера, этнической общности.

В связи с вышеизложенным В.Н. Телия отмечает, что во фразеологическом корпусе языка «концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» (Телия 1996:9). В.А. Маслова также считает, что «фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к по-

колению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» (Маслова 2004:82). На кумулятивную функцию языка, в частности, его фразеологического состава, указывают в своих работах и другие ученые (Добровольский 1998:48-57, Вежбицкая 2001:38). В языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с известными культурно-национальными образами и стереотипами, наиболее характерными для менталитета данного народа. Так, к источникам культурной интерпретации фразеологизмов относятся прежде всего символизированные реалии, получившие образное отражение в фольклоре. Отмеченные источники активно воспроизводятся из поколения в поколение и легко «декодируются» носителями данного языка именно в силу их близости народу и традиционной преемственности в его самосознании. Постигание и осознание подобных «эталонов» национального миропонимания позволяет понять культурное содержание фразеологизмов (Мокиенко 1986, 1989, 2003; Дубровин 1987; Добровольский 1991).

Типичность образов, лежащих в основе значения фразеологизмов и включенность в них символов, отражающих миропонимание народа, свидетельствует о коллективном опыте данной лингвокультурной общности. Например, фразеологизмы, обозначающие пространственную ориентацию («*под боком*», «*под носом*», «*под рукой*», «*бок о бок*», «*(сыт) по горло*», «*(влюблен) по уши*» и т.п.) отображают традиционные эталоны очень близкого, «соматически» легко дости-

жимого расстояния или же принятые в данной лингвокультурной общности условные эталоны физического предела для состояния субъекта. Интересно заметить, что соматические лексемы *нос, бок, рука, горло, уши* сами по себе никак не являются выразителями меры близости, а приобретают это «эталонизированное» значение лишь в сочетании с конкретными предложениями пространственного значения. Подобная символичность (или эталонизированность) образного основания фразеологизмов обусловлена их лингвокультурной универсальностью. В.Н. Телия указывает, что «фразеологизмы могут выполнять роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения, или указывать на их символичный характер и в этом качестве выступают как языковые экспоненты (носители) культурных знаков (Телия 1996:48-52).

Однако не все фразеологизмы обретают роль культурных знаков. Фразеологизмы, образные основания которых как бы «подсказывают» их культурную интерпретацию, имеют двойную соотнесенность с культурой: во-первых, буквальное прочтение внешней формы таких фразеологизмов соотносит образ со стереотипом, символическим выражением, принятым данной лингвокультурной общностью и близким его мировидению. В данном случае для быстрого и легкого опознания подобных фразеологизмов используются обычно какие-либо определенные свойства, ситуации, нюансы, хорошо знакомые носителям данного языка и лежащие в основе их мен-

тальности. С другой стороны, этот образ осознается и расшифровывается носителями данного языка в соответствии с их культурной компетенцией (ср: *пить кровь* – где «кровь» – символ жизненных сил; *родная кровь* – «кровь» – символ родства). Такая двойная соотнесенность и является причиной существования и воспроизведения в языке фразеологических сочетаний, передающих из поколения в поколение народные традиции, дух и культурно-национальное наследие народа (Лосев 1982; Ёηηωωηηηωω 2005).

§2.1.1. УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И УНИКАЛЬНОСТЬ СФ

Сопоставительное изучение фразеологии в контексте культуры позволяет проникнуть в глубь таких проблем, как особенности отражения универсальных культурных концептов в исследуемых языках, определение лингвистических и экстралингвистических факторов, формирующих образность фразеологических единиц.

Как уже было отмечено, имея антропоцентрическую направленность, соматические фразеологизмы в массе своей представляют собой языковые универсалии. Лингвокультурологический анализ факторов фразеологической универсальности позволяет говорить о совпадении культурных кодов или реалий-символов в языках, уже несущих в себе культурный смысл, общность форм культурного мировосприятия, общность мифологического осмысления мира, систему обще-

человеческих ценностей, совпадение метафорического переосмысления при создании образа (Телия 1993). Универсальность фразеосемантических полей соматической фразеологии исследователи объясняют как едиными для всех людей законами окружающего мира, так и основными формами концептуализации знания, а именно: использованием антропоморфной метафоры (Добровольский 1991:95-103; Муравьева 2013:144-151).

Универсальность соматической фразеологии, ее сходство в русском и армянском языках можно объяснить традиционностью символического переосмысления названий частей тела, совпадением символического культурного кода, отражаемого соматическими лексемами. Универсальному символическому переосмыслению прежде всего подвергаются соматизмы, обозначающие части тела с четко выраженными функциями, а также СФ, образность которых основана на описании мимических и жестикуляционных реакций на окружающую действительность (Черданцева 1988:86). Например: голова – символ разумности, ума/глупости (ср.: *светлая голова* – *սիւյճաւ գլուխ*, *голова не варит* – *գլուխը չի աշխարհում*); сердце – символ эмоционального состояния (ср.: *сердце кровью обливается* – *սիրտը արյուն է կաթում*); язык/рот/уста – символ болтливости/молчаливости (ср.: *распутить язык* – *խոսքն շաղ արի*, *набрать в рот воды* – *բերանը ջուր հալսարել*); рука – символ власти (*прибрать к рукам* – *ձեռքը հալսարել*) и т.д.

Сравним также: *выпучить глаза* – *ωζρβτρη ζηβτλ* (мимика удивления), *кивнуть головой* – *αψηυψ ωβτλ* (жест согласия, одобрения).

По мнению Е.Ф. Арсентьевой, «интернациональные элементы» в семантике фразеологизмов обусловлены фразеологическим параллелизмом, основанным на идентичном переосмыслении исходных свободных словосочетаний (Арсентьева 1993:50).

Рассмотрим другие факторы, предопределяющие универсальность (семантическую общность) соматических фразеологизмов.

1. Универсальность СФ может быть вызвана совпадением форм культурного осмысления мира, основанным на типизированных представлениях об окружающей действительности (ср.: *под рукой* – *δτηρη ψηψ*, *перед глазами* – *ωζρη ηψη*).

2. Причиной универсальности может быть образное отражение соматической лексемой общечеловеческих морально-этических установок, личностных качеств человека, его внешнего вида, поведения, социального статуса и т.д. (ср., например: *кожа да кости* – *ψωζηβ ηλ ηυληηβτρη*, *в поте лица* – *ρηρηβ ηωψηβτλ*, *золотые руки* – *ηυλη δτηρη*, *белая кость* – *ιψηψηψ ηυληη*).

3. Универсальность СФ может быть предопределена также использованием в сопоставляемых языках одинаковых средств для создания образности:

а) символической метафоры, предполагающей универсальное переосмысление общечеловеческих жестов и мимических знаков (*махнуть рукой* – *ծենք քաշել*);

б) антропоморфной метафоры, подразумевающей перенос по сходству с физиологическими ощущениями человека (*словно камень на сердце* – *կարծես արդի վրա քար լինի*, *волосы дыбом становятся* – *մազերը բիզ-բիզ կանգնեցին*);

в) зооморфной метафоры, основанной на уподоблении поведению и свойствам животных (*навострить уши* – *կանխնայերը արել*, *змеиный язык* – *օձի լեզու*);

г) сравнительных оборотов (*как зеницу ока* – *աչքի լույսի պես*);

д) метонимии и синекдохи (*злой язык* – *չար լեզու*, *острый язык* – *ուր լեզու*, *каменное сердце* – *քարի սիրտ*).

4. Универсальность характерна также для СФ мифологического и библейского происхождения. Например: *ахилле-сова пята* – *սրիլլեսյան գարշաշար*, *пригреть змею на груди* – *օձ վարածել կրծքին*; *перст Божий, имеющий уши да слышит*.

Итак, подавляющее большинство русских и армянских фразеологизмов, связанных с лексикой «части тела», совпадает по образности и семантике, поскольку данный пласт лексики характеризуется общеупотребительностью и не связан с национальными или историческими особенностями народов-носителей исследуемых языков. Такие фразеологизмы

являются межъязыковыми эквивалентами (полными или частичными).

Однако сопоставительный анализ русских и армянских соматических фразеологизмов с точки зрения их семантической, образной и культурной соотнесенности позволяет заключить, что наряду с языковыми универсалиями в обоих языках встречаются также культурно обусловленные фразеологизмы, отличающиеся национальной спецификой. Наличие во фразеологическом составе двух языков СФ, представляющих специфически национальные образования, свидетельствует об индивидуальности исторического опыта языковых коллективов, о самобытности культуры, об особенностях психического склада народов-носителей языков.

Рассмотрим основные факторы, предопределяющие специфичность образности соматических фразеологизмов.

1. Выбор разных соматических компонентов для репрезентации одинакового смысла. В исследуемом материале часто в синонимичных русских и армянских СФ используются разные соматические лексемы. Например: *зуба не дура* – *քերանի հանր լիւ գիւրի*; *смеяться в бороду* – *բրբի ւիւ ծիծախել*; в *глаза не видать* – *երեսն էլ ւրեստ չի ներել* и т.д.

2. Национально-культурная продуктивность того или иного соматического компонента в сопоставляемых языках. Например, в русском языке наибольшей продуктивностью обладают лексемы-соматизмы «голова», «глаз», «ухо» и др., в

то время как в армянском в плане продуктивности выделяются соматизмы «ծեղք», «խզու», «բերան».

3. Национальные особенности ассоциативно-символического переосмысления одинаковых соматических компонентов. Например, в отличие от армянского языка, в русском языке соматизм «живот», помимо своего прямого значения, использует в СФ и другое значение – жизнь (например: *не на живот, а на смерть; решиться живота; класть живот*).

4. Отражение в образности СФ ритуалов, связанных с сакрально-магическим воздействием. Например: *очертя голову* (СФ связан с ритуалом, защищающим от влияния нечистой силы); *перемывать косточки* (связан с древним славянским ритуалом вторичного захоронения для избавления от родового проклятия); *заговаривать зубы* (связан с древней практикой врачевания).

5. СФ, выражающие проклятия, заклинания или добрые пожелания. Например, в русском языке: *типун тебе на язык; твоими бы устами да мед пить*; в армянском – *խզուի ցիւցիւնի՛ն; արարի՛ր թող ցիւցիւծ լի*.

6. СФ, содержащие реалии, характерные для данного народа. Например, в русском языке: *косая сажень в плечах, семи пядей во лбу* (здесь отражены старые русские единицы измерения).

7. Специфические народные обычаи и суеверия. Например: *лизать пятки* (связан с древнерусским обычаем омовения ног важному гостю).

8. Культурно обусловленные исторические и социальные реалии. Например: *не в бровь, а в глаз* (из обычая целиться в щель для глаз в шлеме врага), *играть на руку* (из речи картежников).

9. СФ-кальки с других языков, отражающие культурные связи между народами. Особенно большое количество калькированных фразеологизмов существует в русской соматической фразеологии. Например:

а) кальки с латинского языка: *рука руку моет, чистыми руками*.

б) кальки с французского языка: *из первых рук, язык хорошо подвешен, голубая кровь*.

Таким образом, наряду с очевидным сходством соматической фразеологии сопоставляемых языков, обусловленным выраженным антропоцентризмом фразеологической номинации, универсальностью соматического культурного кода, в обоих языках существует большое количество национально-специфических единиц, не имеющих точных эквивалентов, что объясняется как лингвистическими, так и экстралингвистическими культурно обусловленными факторами. В подобных фразеологизмах аккумулируется исторический опыт народа, специфика его менталитета, сугубо национальные реалии, что позволяет говорить об уникальности отдельных фрагментов фразеологической картины мира.

Итак, сопоставительный анализ русских и армянских соматических фразеологизмов в плане их культурно-семанти-

ческой соотнесенности позволил выделить три типа соответствий: фразеологические эквиваленты, фразеологические аналоги и безэквивалентные СФ (Комиссаров 1999:181-184).

Отметим, что при выборе основных критериев определения наличия эквивалентности мы руководствовались совпадением семантического значения и соответствием лексической организации СФ.

1. Отличительной особенностью **фразеологических эквивалентов** является то, что при их использовании сохраняются как значение переводимых единиц, так и лежащий в их основе образ. Фразеологические эквиваленты особенно характерны:

а) для фразеологизмов, в компонентном составе которых присутствуют наиболее частотные соматические компоненты (язык, глаз, голова и т.д.). Например: *острый язык* – *սուր լեզու*, *голова трещит* – *գլուխը ցիւլթուլ է*, *есть глазами* – *տեսնելով ուտել*;

б) для соматических фразеологизмов, использующих в своем компонентном составе одинаковые соматические лексемы, а потому и вызывающие в восприятии представителей русского и армянского лингвокультурных сообществ одинаковые образы. Сравним, например: *потерять лицо* – *դեմքը կորցնել*, *стащить из-под носа* – *քթի ցիւլից թողնել*;

в) для устойчивых сочетаний с компонентами-именами собственными не русского и не армянского происхождения, т.е. фразеологизмы-интернационализмы, кальки, восходящие

к античности, библейским сказаниям и иным иноязычным источникам. Например: *плоть и кровь* (*ὄψις ἡ σαρκίς*), *ахиллесова пята* (*σπῆντιχὸν ἀσπίδος*), *зуб за зуб* (*σφίγγει ὀδὸν ἐν ὀδῷ*).

2. Фразеологические аналоги представляют собой такие соответствия, в которых сохраняется комплекс значений фразеологизма, но используется иной образ. Например: *пальчики оближешь* – *ἠσπῆσθαι ζῆλον ὑποκρίσει*.

3. Безэквивалентные фразеологизмы не имеют соответствия в другом языке. Чаще всего они содержат в своем составе архаичный элемент или построены на метафорическом переосмыслении какой-либо местной реалии или культуронима. Значение таких фразеологизмов передается обычно описательным путем, либо с помощью фразеологизма, не содержащего соматического компонента, либо с помощью лексического синонима. Например: *с гулькин нос* (*ὀσμίνης ἄσπις*); *косая сажень в плечах* (*ῥηλύντην*); *семи пядей во лбу* (*ἑπτὰ δακτύλια*).

Заметим, что сама культура, как и сформировавшийся на ее основе менталитет, способны отражать и воспроизводить культурные традиции разных времен и разных слоев народа. При историческом изменении культурных ориентиров (это обычно связано с исторической сменой эпох) меняется и культурно-национальная интерпретация образов и символов, лежащих в основе соответствующих фразеологизмов.

§2.2. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОДОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Высокий удельный вес фразеологизмов с соматическими компонентами во фразеологическом составе языка (по данным фразеологического словаря А.И. Молоткова 1/3) объясняется прежде всего тем, что слова, называющие части тела, относятся к древнейшему пласту лексики языка. Они характеризуются устойчивостью, большой частотностью употребления и разветвленной семантической структурой. Названия частей тела человека условно принято делить на *названия наружных частей (глаза, голова, рука, нога)* и *обозначение внутренних органов (сердце, кровь)*. Мнения лингвистов относительно определения границ соматической лексики сильно расходятся. Например, Ф. Вакк (Вакк 1964) к соматизмам относит совокупность устойчивых словесных комплексов, имеющих в своем составе названия частей человеческого тела, названия жидкостей в теле (кровь), названия человеческих внутренних органов, а также слова, непосредственно связанные с человеческим организмом (нервы, кость и т.д.). Ученый включает в перечисленный ряд и устойчивые словосочетания, связанные с жестикуляционно-мимической символикой. О. Назаров к группе соматической лексики причисляет лишь названия частей тела (Назаров 1973). Мы же в своей работе будем придерживаться первой из вышепредставленных точек зрения.

В зависимости от характера объекта номинации А.М. Кочеваткин делит всю соматическую лексику на следующие группы:

- **сомонимическая лексика** (от греч. *soma* – тело + *ома* – имя), служащая для обозначения частей человеческого тела;
- **остеонимическая лексика** – для обозначения костей человеческого тела и их соединений (от греч. *osteon* – кость);
- **спланхнонимическая лексика** – для номинации внутренних органов (от греч. *splanchna* – внутренности);
- **ангионимическая лексика** – для номинации кровеносной системы (от греч. *angeion* – сосуд);
- **сенсонимическая лексика** – для обозначения органов чувств (от лат. *sensus* – чувство);
- **лексика, обозначающая болезни, недуги.** (Кочеваткин 2001: 200; Мугу 2003:14).

Семантика основной массы фразеологических единиц с соматическим компонентом в составе связана с эмоционально-психической деятельностью человека (Шубина 1979:86). Признавая тот факт, что соматическая лексика способна вербализовать эмоции человека, некоторые ученые тем не менее считают, что в языке происходит лишь приблизительная вербализация переживаемых эмоций, поскольку язык в значительной степени отстает в адекватности их оформления, и «языковое одеяло никогда не может покрыть все эмоцио-

нальное тело человека: оно уже, беднее, примитивнее» (Лаврищева 2010:29; Шаховский 2008:13). Б.А. Булгарова характеризует эмоции как «форму оценивания человеком предметов и явлений окружающего мира» (Булгарова 2008:66-68).

Эмоции представляют собой своеобразную форму отражения реального процесса взаимодействия человека с окружающей средой. В процессе этого взаимодействия человек не остается безучастным и своими переживаниями определенным образом реагирует на те или иные явления и ситуации окружающей среды. В свою очередь, эмоции человека сопровождаются различными выразительными движениями – мимикой, жестами, телодвижениями. Последние зачастую схожи у людей, принадлежащих к разным языковым коллективам, в отличие от конкретных обычаев и ритуалов, характерных в основном для языка определенной лингвокультурной общности.

Так, у искренне радующегося человека округляются и блестят глаза, губы раскрываются в улыбке; разгневанный человек непроизвольно сжимает кулаки; при недоумении человек обычно разводит руками или пожимает плечами. Все эти выразительные движения представляют экспрессивную сторону эмоций и носят сигнальную функцию. Различные жестикоуляционные и мимические движения, являющиеся определенными реакциями людей на соответствующие явления и ситуации, нередко приобретают словесное воплощение. По мнению Т.З. Черданцевой, «переведенный на язык вербаль-

ных знаков жест символизирует определенное состояние или действие лица, к которому он относится в определенном контексте» (Черданцева 1988:87-88). Существуют ритуальные жесты, совпадение которых у разных народов возможно только при общности ритуала.

Вербализованные ситуативные жесты очень часто фразеологизируются. Интересно заметить, что многие жесты фразеологизировались еще в Библии (например: *«рвать на себе волосы»* – знак огорчения, горя). Жесты в принципе всегда символичны, а фразеологизированные жесты приобретают знаковый статус. Хотя опорные компоненты в описании жеста (в частности, определенная часть тела, орган) универсальны и воспринимаются всеми носителями языка в их первичном значении одинаково, но сам жест может восприниматься неоднозначно. Тогда происходит некий условный «договор» о том, например, что должны символизировать сложенные на коленях руки: этот жест имеет место, когда человек не знает, куда деть руки (ср. фразеологизм *«сидеть сложа руки»* – символ безделья).

До появления устной речи (примерно 50000 лет тому назад) основной формой передачи эмоций были язык телодвижений и звуки, издаваемые горлом. В устной речи до сих пор сохранилось множество выражений, косвенно указывающих на важность языка телодвижений (невербального языка) в жизни человека. Сравним, например: *снять груз с плеч; дер-*

жаться на расстоянии вытянутой руки; встретиться лицом к лицу; не склонить головы; плечом к плечу и т.п.

Итак, вполне вероятно, что в появлении, становлении и дальнейшем развитии определенной части фразеологизмов значительную роль сыграла символика. Именно в силу своей символической мотивированности многие слова вошли в компонентный состав соответствующих фразеологизмов. И если жесты могут обладать многозначностью, то фразеологизированные жесты, как правило, однозначны. Однако в дальнейшем, функционируя в речи как языковые знаки, они могут приобретать многозначность в соответствии с возможностями языковой системы.

Как уже было отмечено, жестикуляция и мимические движения, сопровождающие речь на современном этапе, были знакомы еще древним людям. Этот обычай передавался из поколения в поколение и укрепился в языке как символ эмоционального выражения всевозможных человеческих чувств, мыслей и переживаний. Говоря о символической маркированности лексем, мы имеем в виду известные национальные традиции, общечеловеческие символы и жесты (Грушевицкая 2002:170-173).

Так, в образных основаниях тех русских фразеологизмов, которые обозначают пассивное состояние и бездействие, лежат ситуации, указывающие на стереотипную нерабочую позу (например: *сложь руки; спустя рукава; лежать на боку и т.д.*). Фразеологизмы, обозначающие бездействие, обычно

воспринимаются с подтекстом осуждения или пренебрежения, и такое отношение к безделию является общечеловеческой культурной универсалией.

Существуют различные классификации жестов с точки зрения их эмоциональной тональности. Так, возвышенная тональность характеризуется торжественностью и охватывает преимущественно ораторские и ритуальные жесты (например, возложение руки на Библию или на текст конституции во время присяги); нейтрально-обиходные жесты используются обычно для установления контакта (например, жест остановки машины, жесты приветствия и прощания и т.п.). Различают также позитивные (жесты одобрения, поддержки) и негативные (жесты недовольства, гнева) жесты. В работах, посвященных изучению невербальных знаков, выделяют также подробные группы, охватывающие самые разнообразные жесты: жесты защиты, жесты скуки, жесты гнева, жесты доверия, жесты уверенности в себе, жесты оценки, жесты нервозности, жесты открытости и т.п. Понятно, что вышеперечисленный ряд не замыкается и может быть дополнен массой других жестов.

Можно также условно выделить два семантических типа жестов: коммуникативные и симптоматические. Под коммуникативными жестами мы подразумеваем жесты, несущие информацию, которую жестикулирующий намеренно передает адресату. По своей природе это чисто «диалогические» жесты (например: погрозить кулаком, поманить пальцем, по-

казать язык, покрутить пальцем у виска, подмигнуть, кивнуть головой, пожать плечами и т.д.). Жесты второй группы в основном передают эмоциональное состояние говорящего (кусать губы, барабанить пальцами по столу, делать круглые глаза, открыть рот (от изумления) и т.д.). Симптоматические жесты занимают промежуточное положение между коммуникативными жестами и физиологическими движениями. С последними их сближает то, что проявление любой эмоции изначально физиологично (Новый язык телодвижений 2007; Современный язык жестов 2007).

Особенно большую активность в плане символического воплощения, как уже было отмечено, проявляют соматические лексемы, и это вполне понятно, поскольку, являясь названиями частей человеческого тела или лица, они, как никакие другие единицы, теснейшим образом связаны с жестикуляцией, мимикой и выполнением всевозможных ритуальных действий. Соматическая лексика – одна из универсальных лексических групп в любом языке. Соматизмы способны выражать оценочное значение, а также передавать информацию об эмоционально-психическом состоянии человека, становясь знаками других знаков – мимики и жестов, передающих соответствующее внутреннее состояние человека. В определенном смысле соматизмы можно назвать словами-символами, обозначающими части тела (Захаренко 2003; Гудков 2003).

Однако сказанное вовсе не означает, что символика лежит в основе всех соматизмов, входящих в компонентный состав соответствующих фразеологизмов. Наиболее ярко она проявляется в «лицевых» соматизмах, очевидно, в силу их непосредственной связи с мимическими движениями. Так, соматическое существительное «глаз», способное передавать всевозможные человеческие чувства, является стержневым компонентом многих известных фразеологизмов как в русском, так и в армянском языке.

Сравним, например:

вытаращить глаза – *աչքերը չոտել* (знак удивления);

сделать круглые глаза – *աչքերը կլորացնել* (знак удивления с дополнительным оттенком);

строить глазки – *աչքը-նկնքը խաղացնել* (знак кокетства);

глаза разбегаются – *աչքերը շեշուրեշ լինել* (знак растерянности);

верный глаз – *ուր աչք* (знак точности) и т.д.

Другое соматическое существительное «нос» в составе соответствующих фразеологизмов обычно реализует либо символику человеческого нюха, чутья (будучи основным органом обоняния), либо – символику близости к чему-либо. Например:

под носом – *քթի ցիւլ* (знак близости);

нос к носу – *քթը քթի* (знак близости) и т.д.

Соматизм «кулак» («րոննձր»; «րոն»), к примеру, символизирует силу, единство .

Сравним: «*собрать в кулак*» («րոնը հաւաքել») – знак единства; «*давать волю кулакам*» («րոննձրն երհն ազատութիւն տալ») – знак силы.

Соматизм «плечо» («նու») символизирует выносливость, надежность, средоточие бремени. Например:

зваливать на плечи – *նու երհն դնել* (знак тяжести);

выносить на плечах – *նու երհ վրա տանել* (знак тяжести);

ложиться на плечи – *նու երհն ընկնել* (знак бремени);

подставить плечо – *նու դնել տալ* (знак надежности) и

т.п.

Как видно из представленных примеров, определенная часть русских соматических фразеологизмов имеет эквивалентные соответствия в армянском языке, и в подобных случаях мы можем говорить об универсальной символике, т.е. об общечеловеческих символах, присущих не одной нации, а обществу в целом. Для большей убедительности можно привлечь примеры фразеологизмов из разных языков, в основе соматических компонентов которых лежит идентичная символика. Например:

● *задирать нос* (рус.) – *քիթը ցցել* (арм.) – *porter le nez au vent* (франц.) – *turn up cock one's nose* (англ.) – *die Nase hochtragen* (нем.) – **воображать**;

● *прикусить язык* (рус.) – «*լեզունը կծել*» (арм.) – «*bite one's tongue*» (англ.) – *se mordre la langu* (франц.) – *sich auf die zunge bei en* (нем.) – **замолчать**;

● *рвать на себе волосы* (рус.) – «*մազերը փեղփել*» (арм.) – *tear jne's hair* (англ.) – *s'arracher les cheveux* (франц.) – *sich die hare raufe* (нем.) – **переживать, скорбеть**;

● *стиснуть зубы* (рус.) – «*ալիսմտերը սեղծել*» (арм.) – *clench one's teeth* (англ.) – *serer les dents* (франц.) – **сдерживать свои чувства** и т.д.

Итак, вышепредставленные примеры свидетельствуют об универсальности символики соматических фразеологизмов.

Язык телодвижений является внешним отражением эмоционального состояния человека. Определенные невербальные сигналы могут быть врожденными, приобретенными, унаследованными или усвоенными в течение жизни. Ученые установили, что в разных культурах для выражения эмоций очень часто используются одни и те же лицевые сигналы. Безусловно, культуры во многом отличаются друг от друга, но основные сигналы языка телодвижений совпадают во всем мире. Так, когда люди счастливы, они улыбаются, смеются, когда печальны – хмурятся, свое несогласие с чем-либо или отрицание чего-либо люди выражают всем известным жестом – покачиванием головой. К общечеловеческим жестам можно причислить также символику приветствия, прощания, обиды, хорошего/плохого настроения и другие.

Однако, подобно тому как вербальные языки отличаются друг от друга, невербальные сигналы также в разных лингвокультурах могут иметь разное проявление. Наши исследования позволили заключить, что общечеловеческие символы сосуществуют наряду с сугубо национальной символикой, воплощающей национальную специфику, обычаи и традиции каждого отдельного этноса-носителя конкретного языка.

В разных странах одни и те же невербальные знаки (жесты, мимика) могут иметь абсолютно разные значения. Так, очень часто свое теплое отношение к ребенку, умиление, ласку мы выражаем, глядя его по головке. В исламских же государствах голова воспринимается как священное хранилище души, а потому прикасаться к ней не допускается. Если вспомнить довольно частотное русское выражение «лезть в душу» и столь же часто употребляемое антонимичное выражение «не лезть в душу», нередко звучащее в речи как категорический запрет, можно понять, что у русских также «проникновение в душу» человека является весьма нежелательным явлением, т.е. в определенном смысле душа является областью, не допускающей «чужого проникновения». Разница в выражении этого нежелания или запрета заключается в особенностях культурного восприятия данных народов: для русских вместилищем души является не голова, а сердце, голова же выступает как носитель умственных и культурных компетенций человека. Или, к примеру, такой общеизвестный жест, как кивок головой, используемый нами для выра-

жения согласия, подтверждения, одобрения, у разных народов имеет разную интерпретацию. Этот жест причисляется к жестам врожденного характера, а, по утверждению биологов-эволюционистов, он является первым жестом, которым овладевает человек. Известный нам как жест согласия, в Индии, Греции и Болгарии, например, он используется, наоборот, при выражении отрицания.

В последующем символы воплощаются во фразеологии. При этом, на уровне фразеологии прослеживаются те же явления, что и в сфере невербальных знаков. Так, фразеологизмы, включающие соматический компонент, обладающий определенной символикой, в разных языках могут интерпретироваться либо одинаково, либо по-разному, что, безусловно, связано с этнолингвистическим фактором.

Например, если русский соматический фразеологизм «показать язык» и его армянский синоним «լեզու ցույց ցիւլ», подобно лежащему в их основе жесту, употребляются в значении «дразнить», то в Тибете жест высовывания языка используется при приветствии. Или, к примеру, в Италии храбрость ассоциируется с печенью, а во Франции – с желудком, что, на наш взгляд, является отражением национальной символизации денотата, хотя подобная символизация нам может казаться абсурдной.

Итак, как уже было отмечено, фразеологизмы, включающие соматический компонент, непосредственно связаны с семиотикой, с кодовой системой языка, с невербальными

языковыми знаками. С целью освещения этой связи проведем компаративный анализ некоторых невербальных семиотических кодов (жестов) и вербального языка на примере соматических фразеологизмов.

Сравнительное исследование вербальных и невербальных единиц языка, представляющее собой одну из интересных областей компаративной лингвистики, всегда вызывало живой интерес языковедов, последнее же десятилетие ознаменовалось новыми и весьма важными исследованиями в указанном направлении. Так, в частности, семинар по невербальной семиотике, проводимый в рамках РГГУ и МГУ (Крейдлин 2002, 2005, 2006), вплоть до последнего времени работал над масштабным проектом по исследованию целого круга проблем, связанных с семиотикой. Исследователи, участвующие в работе указанного проекта, считают, что при описании частей человеческого тела следует обращать внимание как на формальные (физические) свойства, так и на их функциональные особенности (способность выполнять те или иные действия), поскольку именно комплексный учет внешних и внутренних потенциальных возможностей соматизмов позволит максимально полно раскрыть их номинативное и невербальное выражение в каждом конкретном случае.

Интерпретация номинативного воплощения частей тела традиционно опирается на естественные языки. Однако следует признать, что рамками естественных языков функционирование частей тела не ограничивается, а имеет более ши-

рокое распространение, принимая активное участие в кодовом языке жестов. Более того, именно в языке жестов роль частей человеческого тела особенно актуальна и выразительна.

Вербальные и невербальные семиотические коды находятся в постоянном взаимодействии и неразрывно связаны между собой, в результате чего происходит «фразеологизация» жестов и их переход в номинативный аспект. При сопоставлении номинативного выражения частей тела внутри соответствующих фразеологизмов с теми же частями тела, принадлежащими невербальному языку, между ними обнаруживаются как определенные сходства, так и существенные расхождения. Так, жесты, связанные с частями человеческого тела, обычно не поддаются логической интерпретации, а больше соприкасаются с этническим фактором, общим для данного языкового коллектива; реализация же тех или иных частей тела в составе соответствующих фразеологизмов может иметь конкретное логическое объяснение.

Как уже было отмечено, при компаративном изучении выделенных двух семиотических систем в равной степени важно раскрытие как внешних, так и внутренних характеристик конкретных частей человеческого тела и лица. Для полноты подобного анализа можно провести ряд drobных классификаций частей человеческого тела по разным направлениям. Так, в частности, части человеческого тела и лица могут различаться по следующим характеристикам:

- а)** одиночные/бинарные;
- б)** лицевые/телесные;
- в)** мимические/жестикуляционные;
- г)** активные/пассивные;
- д)** свободные (инструментально функционирующие)/связующие (прикрепленные);
- е)** рациональные/эмоциональные.

Интересно заметить, что внутри представленных характеристик наблюдается попарная взаимосвязь, распределяемая следующим образом: характеристики по активности – пассивности (группа «г») и инструментальному функционированию и связующей роли (группа «д») взаимообусловлены, а характеристики по лицевой и телесной принадлежности (группа «б»), мимическому и жестикуляционному выражению (группа «в») находятся в прямой зависимости друг от друга. К последней паре можно причислить и характеристику по рациональному и эмоциональному признакам (группа «е»). Что касается свойств бинарности и одиночности (группа «а»), то это внешняя характеристика, носящая индивидуальный характер для каждой рассматриваемой части человеческого тела и сохраняющаяся таковой в каждой конкретной фразеологической реализации последнего; характеристика частей человеческого тела по рациональному и эмоциональному признакам, объединенная нами с группами «б» и «в», распространяется на все части человеческого тела, т.е. последние

никак не могут оставаться вне данной классификации и непременно входят в одну из отмеченных «гнезд» .

Коротко раскроем содержание вышепредставленных групп условных характеристик частей человеческого тела:

а) «бинарность» и «одиночность» в отношении к частям человеческого тела и /или лица выступают как внешние, легко опознаваемые свойства. По указанному признаку очевидно следующее распределение:

1) бинарные части тела/лица – глаза, уши, руки, ноги, бока, брови, лопатки, плечи, зубы;

2) одиночные части тела/лица – голова, шея, спина, грудь, нос, рот, животЮ язык.

б) лицевые и телесные признаки также имеют четкое распределение: к первым относятся все органы, расположенные на лице, вторые же включают части, примыкающие к туловищу;

в) условное разграничение мимических и жестикуляционных частей тела основано на различении органов, принимающих участие в мимических выражениях (глаза, брови, язык, нос), и органов, активнее вовлеченных в жестикуляционные действия (голова, руки, плечи, пальцы). Данная группа является как бы повторением группы, делящей части тела по **рациональному и эмоциональному признакам** (группа «е»): вполне очевидно, что рациональный признак характерен для жестикуляционных частей тела, эмоциональный же отличает мимические органы;

г) характеристика по **активности/пассивности** непосредственно связана с возможностью/невозможностью (или ограниченной возможностью) выполнения конкретных действий. Отсюда вполне объяснима прямая связь между данной характеристикой и свойствами **инструментального функционирования и связки** (группа «д»). Говоря о связующем свойстве какой-либо части человеческого тела, мы имеем в виду его неподвижность, «прикрепленность» (например: бок, спина, грудь, ноготь и т.п.). Понятно, что подобные части тела не обладают достаточной свободой для выполнения всевозможных действий, что является прерогативой инструментально функционирующих, «свободных» частей тела, наделенных неизмеримо большей активностью.

Изучение невербальных знаковых кодов, лежащих в основе большинства соматических фразеологизмов, подвело нас еще к одному интересному выводу: в составе фразеологизмов рассматриваемой тематической группы чаще всего имеет место слияние жестовых кодов и обрядовых действий (Муравьева 2013:144-151). И это вполне понятно и логически оправдано, поскольку выполнение определенных действий, как правило, предполагает соответствующее жестикуляционное (или мимическое) сопровождение.

Проведем сравнительный анализ соматических фразеологизмов и соответствующих невербальных единиц, в рамках которого мы попытаемся в общих чертах охарактеризовать все охваченные в работе соматизмы-названия частей челове-

ческого тела, но подробнее остановимся на тех из них, которые обладают наибольшей производительной потенцией. В целях соблюдения системности и четкости анализа мы выбрали алфавитный способ исследования материала.

Бок

В соответствии с вышепредставленным делением данный соматизм можно включить в следующие группы: бинарный, телесный, пассивный. Распределение же его по остальным группам (рациональные и эмоциональные, инструментально функционирующие и связующие, мимические и жестиколяционные) несколько осложнено именно в силу его «пассивности». Об этом же достаточно полно свидетельствует ограниченность числа фразеологизмов, включающих рассматриваемый компонент. Исходя из вышеизложенного, в качестве основных характерных признаков данного соматизма можно выделить следующие: парность, телесность, пассивность. При этом первые два из названных признаков являются неотъемлемыми, изначально присущими соматизму, последний же следует отнести к функциональным характеристикам.

Бровь

Существительное «бровь» входит в следующие группы соматизмов: бинарные, лицевые, мимические, активные, эмоциональные, инструментально функционирующие. Как

видим, по сравнению с предыдущим соматизмом, существительное «бровь» охвачено всеми возможными характеристиками, однако рассматриваемый соматизм также не отмечается широкой употребительностью в составе фразеологизмов. Все фразеологизмы, включающие рассматриваемый соматический компонент, отличаются особой эмоциональной окрашенностью, а потому и наряду с неотъемлемыми признаками данного существительного (парный, лицевой, мимический) в качестве не менее существенной характеристики следует отметить его «эмоциональность».

Волос

Выделенный соматизм, как и предыдущие, не отличается продуктивностью в составе фразеологизмов. Однако он представляет особый интерес в плане классификации по характерным признакам. Заметим, что это один из редких соматизмов, не поддающихся распределению, поскольку ни один из признаков, представленных в нашей классификации, для данного существительного не актуален, а потому можно говорить лишь о «расплывчатости», «размытости», «стертости» характеристик последнего. Волосы являются одной из тех соматических лексем, которые тесно связаны с народной этимологией, с фольклором. Известно, что в старину женщинам, особенно беременным, запрещалось стричь волосы, ибо они выполняли якобы охранную функцию. В народной поэзии отрезание косы представлено как позорное явление, а в

христианстве волосы считались покрывалом для женщины, и «снятие» этого покрывала (стрижка волос) каралось нормами христианской морали. Отголоски этих стереотипов закрепились в народной традиции и с некоторыми изменениями сохранились до сих пор: обычай не стричь волосы ребенку до года.

Дальнейшую классификацию соматизмов, номинирующих соответствующие человеческие органы (части тела), мы будем проводить по группам, объединяемым по семантическому, функциональному и локальному признакам. В соответствии с этим мы выделили четыре основные группы:

1. глаз, голова, нос, ухо;
2. рот /уста, язык, губа, зуб;
3. горло, грудь, шея, сердце;
4. рука, палец, локоть, ладонь, плечо, ноготь;
5. нога, колено, пятки.

1. Соматизмы-названия частей человеческого тела/лица объединены в первую группу по принципу локальной близости.

Глаз

В отличие от вышерассмотренных соматизмов, существительное «глаз» обладает весьма высокой активностью в составе соответствующих фразеологизмов, что вполне понятно и естественно, если учесть широкую вовлеченность

данного органа в мимические действия, т.е. в языковые коды, которые, как известно, лежат в основе большинства фразеологизмов. Именно глаза являются одним из тех важных органов, посредством которых выражаются всевозможные эмоции, способные передать внутреннее психическое состояние человека; именно глаза могут характеризоваться невероятно обильной гаммой эпитетов, соотносимых с душевным миром человека. Помимо этого, в определенном смысле глаза можно назвать главной и самой важной частью человеческого лица, поскольку первоначальное представление о предмете (или явлении) у человека создается через глаза (зрительное восприятие), после чего сигнал передается в голову (в мозг), где происходит «обработка» зрительной информации, а далее – переход ее в суждение. Иначе говоря, без первоначального зрительного восприятия последующие процессы были бы невозможны.

Принимая во внимание вышеизложенное, а также опираясь на конкретный анализ соматизма «глаз», выделим те характеристики, которые присущи рассматриваемому существительному. В соответствии с предложенной классификацией соматизм «глаз» можно отнести к бинарной, мимической, лицевой, активной, эмоциональной и инструментально функционирующей группам органов. Следует отметить, что рассматриваемый соматизм легко поддается классификации по всем представленным характеристикам, среди которых трудно определить доминирующую, преобладающую над всеми

другими, что, в свою очередь, объясняется функционально-эмоциональной гиперактивностью выделенного соматизма. Следует также отметить, что в составе соответствующих фразеологизмов соматическое существительное «глаз» по-разному реализует присущие ему характеристики. Так, в одних фразеологизмах реализуется «первичное» функциональное свойство, непосредственно связанное с функцией зрения (например: *острый глаз; не отрывать глаз, зоркий глаз; глаз как алмаз*), в других – эмоциональная характеристика (*глаз не осушить; глазом не моргнуть; сделать круглые глаза; глаза на лоб полезли; глаза на мокром месте*), а в третьих – ассоциативный перенос, метафоризация (*залить глаза; не верить глазам, ни в одном глазу*).

Голова

Выделенный соматизм, как и предыдущий, относится к группе наиболее частотных соматизмов, входящих в состав фразеологизмов. Классификационное распределение присущих ему характеристик имеет определенные особенности. Так, внутри общей классификации четко вырисовываются следующие постоянные характеристики соматического существительного «голова»: одиночность, жестикуляционность, активность. Что касается остальных характеристик, то здесь трудно выделить однозначное распределение: в антонимичной паре «рациональное и эмоциональное выражение» соматизм «голова» в равной мере вписывается в обе характери-

стики; распределение же по признакам «инструментально функционирующий и связующий» может оказаться спорным, и в этом смысле заслуживает особого внимания. На наш взгляд, отнесение рассматриваемого соматизма к инструментально функционирующим органам человека весьма убедительно, учитывая все многообразие жестикуляционных действий, выполняемых данной частью человеческого тела; с другой стороны, не менее логично и причисление его к «связующим» частям, поскольку именно с головой непосредственно связаны шея и плечи.

Таким образом, обе характеристики свойственны соматизму «голова» и существенны для его описания. В качестве же главного свойства этого существительного в компонентном составе соответствующих фразеологизмов, очевидно, в первую очередь выступает жестикуляционная характеристика. Помимо этого, важность той части человеческого тела, которая именуется соматизмом «голова», заключается еще и в том, что именно на ней сосредоточены все лицевые органы, обладающие особой мимической активностью, а, следовательно, и большой символической потенцией, реализуемой в дальнейшем в сфере фразеологии.

- Соматизм «голова» в составе фразеологизмов часто функционирует в своем прямом значении как часть тела. Ср. фразеологизмы «*склонить голову*», «*хвататься за голову*», «*голова закружилась*» и т.д.

- При рассмотрении головы как части человеческого тела не следует забывать о главной связи, предопределяющей одну из наиболее важных функций человеческого организма – функцию мышления, которая осуществляется за счет мозга. Отсюда легко понять смысл заметно метафоризированных фразеологических выражений типа «голова работает», «голова варит», «вбивать в голову», «ломать голову» и т.п.

- Фразеологизмы с соматическим компонентом «голова» могут указывать на интеллектуальные способности человека, присущие ему качества: *голова варит*, *светлая голова*, *голова садовая*, *голова дубовая* и т.п.

Интересно также заметить, что фразеологизмы, включающие соматический компонент «голова», связаны с наиболее важными, ответственными, серьезными действиями и ситуациями. В качестве логического суждения-предположения относительно сказанного мы склонны думать, что указанная особенность подобных фразеологизмов, очевидно, связана с расположением данной части человеческого тела, выше которой ничего не следует. В свете указанного суждения можно, например, логически эксплицировать смысл СФ «*выше головы не прыгнешь*», «*на голову выше*», «*висеть над головой*» и т.д. Помимо всего прочего, достаточно обратиться к этимологии слова «голова» (главный), весьма прозрачно вырисовываемой в выражениях типа «*сам себе голова*», «*хлеб всему голова*» и т.п.

Анализ конкретного фразеологического материала показывает, что большинство фразеологических единиц с соматическим компонентом «голова» обладает положительными коннотациями. Отрицательная коннотация связана лишь с образом стихийно-неразумного человека (ср.: *непокорная голова, буйная голова, бесшабашная голова, бесталанная голова*).

Нос

Соматическое существительное «нос» достаточно широко представлено в сфере фразеологии, что, на наш взгляд, можно объяснить как его анатомическим строением (это единственный лицевой орган, резко выделяющийся на лице человека), так и важностью и разнообразием функций, выполняемых данным органом. Главная функция этого существительного связана с обонянием, улавливанием и различением запахов. Возможность концептуализации соматизма «нос» в соответствующих фразеологических единицах может быть достигнута следующими путями:

а) за счет переосмысления первичной функции соматизма – функции обоняния/чутья (например: *держат нос по ветру, бросаться в нос*);

б) за счет использования выделенного соматизма в значении «близости» (например: *«под носом», «из-под носа», «на носу»*);

в) за счет использования строения этого органа, который является единственным лицевым органом, выделяющимся на лице («*уткнуть нос*», «*вздернуть нос*», «*повесить нос*», «*совать нос*»). В данном случае фразеологизмы с соматическим компонентом «нос» указывают на различные качества человека: любопытство, заносчивость, обидчивость и т.д.;

г) другая символика соматизма «нос» связана со способностью реагировать на разные ситуации, явления. Например: *не по носу* (не нравится), *крутить носом* (выражать несогласие), *воротить нос* (выражать презрение);

д) в ряде фразеологизмов соматизм «нос» выступает как символ уязвимого места на лице, вероятно, в силу вышеотмеченного анатомического строения. Например: *утереть нос*, *прищемить нос*, *хоть кровь из носу*.

Лицевой орган «нос», представленный соответствующим соматическим существительным, относится к одиночным мимическим органам. Что касается остальных классификационных характеристик, то они представлены расплывчато по отношению к данному человеческому органу, а потому и каждую из этих характеристик, на наш взгляд, будет уместно сочетать с наречием «умеренно»: умеренно активный, умеренно эмоциональный, умеренно функционирующий.

Ухо

Если особое значение предыдущего органа предопределено жизненной важностью той функции (обоняния), которую

он выполняет в человеческом организме, то не менее необходимую функцию несет и другой орган – ухо. Именно слуховая функция рассматриваемого человеческого органа обеспечивает высокую активность использования соответствующего соматизма во фразеологии. Известно, что слуховая способность дает возможность человеку воспринимать устную речь, приобщаться к информации о реальной действительности, что в свою очередь позволяет ему правильно рассчитывать свои действия, опасаться или, наоборот, быть уверенным в определенных ситуациях. Указанные возможности соматизма «ухо», называющего соответствующий слуховой орган, и концептуализируются во фразеологизмах. Например: *навести уши, держать ушки на макушке, краем уха, медведь на ухо наступил, держать ухо востро, тугой на ухо, насторожить уши* и т.д. Определенная часть фразеологизмов с соматическим компонентом «ухо» содержит информацию о поведении человека, различных чувствах-отношениях (например: *ухом не ведет, по уши, развесить уши, уши вянут* и т.д.).

Соматизм (орган) «ухо» представляет собой бинарный лицевой орган, обладающий следующими характеристиками: рациональностью и способностью функционирования. Это один из тех человеческих органов, который нельзя назвать ни мимическим, ни жестикуляционным, ибо по существу он не участвует ни в мимических, ни в жестикуляционных действиях, что связано с неподвижностью его расположения. В

рамках же характеристики по признакам «активность-пассивность» ухо, пожалуй занимает «промежуточное» положение.

2. Соматизмы-названия частей человеческого тела/лица, объединенные во вторую группу (**рот/уста, язык, губа, зуб**), также отличаются в первую очередь локальной близостью: все они являются лицевыми органами. Более того, их объединяет не просто локальное, а узколокальное расположение: все выделенные органы сосредоточены в ротовой полости и составляют речевой аппарат человека. Однако локальный фактор, выступая как основной критерий общности рассматриваемых органов, не является их единственным отличительным критерием. Указанные части человеческого тела (лица) характеризуются также такими признаками, как мимически-жестикуляционная способность, высокая активность, эмоционально-рациональная окрашенность и инструментальное функционирование.

Безусловно, все органы, составляющие речевой аппарат и входящие в представленную группу, функционально важны для человека, поскольку именно при их совместном участии обеспечивается осуществление наиболее важных функций для жизнедеятельности человека: процессы говорения, коммуникации, приема пищи и т.д. Однако частотность использования указанных соматизмов во фразеологии представлена по-разному. Исследование конкретного фразеологического материала позволяет заметить, что наибольшую активность в

плане образования фразеологизмов проявляют соматические существительные «рот/уста» и «язык», несколько реже в составе фразеологизмов встречается соматизм «зуб», соматическое же существительное «губа» представлено во фразеологии несколькими выражениями (например: *губа не дура; молоко на губах не обсохло; надувать губы; не по губе; кусать губы; сжать губы; по губам мазать*), хотя с помощью губ человек выражает различные эмоции, такие как обида, раздраженность, гнев, выдержка, радость. Важно также отметить, что слово «губы» получило широкое распространение лишь в XVI-XVII века, поэтому во фразеологизмах чаще используется синонимичный соматизм «уста» (ср.: *из уст в уста, из первых уст, у всех на устах, не сходить с уст* и т.д.).

Интересно заметить, что фразеологизмы, включающие соматический компонент «рот», построены в основном на обыгрывании двух функций данного органа: функции говорения/молчания и вкусовой функции (например: *не успеть и рта раскрыть; набрать в рот воды; открыть рот; закрыть рот; лишний рот; не брать в рот; таять во рту*); во фразеологизмах же с соматизмом «язык» реализована по преимуществу главная функция этого органа – говорение/молчание (например: *вертеть языком; длинный язык; держать язык за зубами; язык без костей; срывать с языка; проглотить язык; распускать язык; не сходить с языка* и т.д.).

3. Соматические существительные, являющиеся названиями частей человеческого тела, входящих в третью группу (**горло, грудь, шея**), подобно соматизмам предыдущей группы, объединены по локальному признаку, причем, соматизмы «горло» и «шея» локально совпадают. В выделенном ряду некоторую локальную «отдаленность» проявляет соматическое существительное «грудь», которое, однако, обнаруживает непосредственную функциональную связь с остальными частями тела, номинированными вышеотмеченными соматизмами рассматриваемой группы. Следует отметить, что соматизмы данной группы получили весьма скудное отражение во фразеологии, что, очевидно, связано с функциональной ограниченностью указанных частей тела, в свою очередь затрудняющей метафорическое переосмысление соответствующих соматических лексем.

Тем не менее, определенная метафоризация этих соматизмов представляется возможной при учете символики указанных частей человеческого тела, закрепленной народной традицией. Так, «горло», будучи органом, непосредственно связанным с пищеварительной системой, в компонентном составе соответствующих фразеологизмов выступает в основном с концептуализацией функции приема пищи (например: *не лезть в горло; застревать в горле; сыт по горло; становиться поперек горла*); «шея», обладая наибольшей подвижностью и «выносливостью» среди соматизмов данной группы, в соответствующих фразеологизмах реализует имен-

но эту символику (например: *свернуть шею; сидеть на шее; висеть на шее* и т.п.); соматизм же «грудь», наделенный символикой надежности (возможно, ввиду его локальной близости к сердцу), защиты, опоры, выступает во фразеологизмах в названной функции (например: *стоять грудью; защищать грудью; пригреть змею на груди* и т.п.).

Соматизмы, составляющие рассматриваемую группу, относятся к одиночным частям тела с ограниченной, а порой и опосредованной жестикуляционной активностью. Характерность же для них рациональных или эмоциональных признаков представляется нам спорной, поскольку логически очевидно, что эмоциональная сфера является прерогативой лицевых органов, рациональный же признак в этих соматизмах трудноуловим. С другой стороны, если учесть, что грудь – это та часть тела, в которой расположено сердце (один из самых «эмоциональных» органов), то в таком случае можно считать вполне приемлемой эмоциональную характеристику соматизма-части тела «грудь».

Что касается соматизма «шея», то его можно причислить к группе связующих соматизмов, учитывая следующий веский аргумент: шея является той связующей частью, на которой держится самая важная часть человеческого тела – голова. Так, общеизвестен фразеологизм «*голова на плечах*», подразумевающий умного, способного мыслить человека. Восстанавливая истинное анатомическое строение человеческого организма (тела) и сопоставляя его с выделенным фра-

зеологизмом, мы обнаруживаем недостающее звено в общей цепочке – шею, что и позволяет нам причислить данный фразеологизм к связующим частям тела.

Итак, соматическое существительное **«сердце»** как наименование одного из важнейших человеческих органов, также можно отнести к рассматриваемой группе. Заметим, что фразеологизмы с указанным соматическим компонентом весьма широко распространены в языке. Основная функция сердца – моторная, жизненно необходимая. Это одиночный телесный орган с ярко выраженным инструментальным функционированием и максимальной эмоциональностью. Интересно заметить, что все фразеологизмы с соматическим компонентом «сердце» построены на обыгрывании именно эмоциональной характеристики этой лексемы, и это вполне понятно, поскольку сердце известно нам прежде всего как «эмоциональный» орган, способный чувствовать, любить, ненавидеть, жалеть, страдать, тосковать и т.п. В этом смысле во фразеологической системе языка наблюдается такая закономерность: все (или почти все) фразеологизмы с компонентом «сердце» имеют варианты/синонимические формы употребления, в которых выделенный соматизм замещен словом «душа». Последние характеризуются большей абстрагированностью (сравним: *сердце не лежит – душа не лежит; до глубины сердца – до глубины души; от всего сердца – от всей души; камень на сердце – камень на душе* и т.д.).

Фразеологизмы с компонентом «сердце» способны выражать следующие характеристики:

- характеристику человека: *мягкое сердце, доброе сердце, каменное сердце, золотое сердце* и т.д.;

- поведение человека в обществе: *покорять сердце, разбивать сердце, срывать сердце, открывать сердце* и т.п.;

- различные оттенки чувств и состояний человека: *сердце сжимается, сердце кровью обливается, отлегло от сердца, принимать близко к сердцу*;

- отношение человека к окружающей среде: *от чистого сердца, сердце не лежит, запасть в сердце, положить руку на сердце*.

Подчеркивая ярко выраженную эмоциональную характеристику соматизма (органа) «сердце», следует отметить и другую важную функцию, которую выполняет сердце через эмоциональное же восприятие. Первоначальное восприятие предмета, лица, явления, ситуации обычно поступает в сердце, получая там «эмоциональный отклик», и процесс этот, как правило, протекает очень быстро, ибо сердце не может мыслить, взвешивать, рассчитывать: оно всего лишь «чувствует» (ср.: *сердце разрывается; сердце замирает*). В других случаях внешний сигнал, поступающий к сердцу, не задерживается там, а движется дальше – к голове, и тогда уже эмоции отходят на задний план, и начинает работать мозг, в результате чего принимается рациональное решение. Таким обра-

зом, сердце в некоторых случаях оказывается опосредованным участником в принятии рациональных решений, а, следовательно, – и опосредованным имплицитным компонентом фразеологизмов, включающих компоненты, связанные с мыслительной деятельностью человека (например: *думать головой*; *на свежую голову* и т.п.).

4. Данная группа соматических существительных включает соматизмы-названия частей человеческого тела, объединенные в первую очередь по локальному признаку: **рука, плечо, локоть, ладонь, палец, ноготь**. Внутри рассматриваемой группы можно выделить соматизм-доминанту, представленный существительным «рука», известным как название верхней конечности человеческого тела; остальные же соматизмы, входящие в данную группу, по существу являются более мелкими частями, расположенными на верхней конечности или примыкающими к ней.

Доминирующая позиция соматизма «рука» в общем ряду соматизмов рассматриваемой группы получила весьма яркое отражение и в сфере фразеологии. Исследование конкретного материала позволило выявить заметное количественное преобладание в языке фразеологизмов с соматическим компонентом «рука» над фразеологизмами с другими соматическими компонентами, входящими в данную группу.

Части тела, представленные соматическими существительными выделенной группы, можно охарактеризовать как парные, жестикуляционные, телесные, рациональные. По

признакам «активность/пассивность», «инструментально функционирующие и связующие» наблюдается неравномерное распределение этих соматизмов. Так, наибольшей активностью в этом ряду обладают соматизмы-наименования таких частей тела как **рука, плечо, палец**; меньшей активностью отличаются **ладонь, ноготь, локоть**, что, очевидно, объясняется разной степенью подвижности этих частей. Обладая рядом общих признаков, функций и характеристик, входящие в данную группу части тела отличаются индивидуальностью символики, на основе и вокруг которой строятся фразеологизмы, включающие в свой компонентный состав тот или иной конкретный соматический компонент.

Например, за соматизмом «рука» закреплена следующая символика, отраженная в соответствующих фразеологизмах:

- хватательная: *забирать в свои руки; запустать руку; прибрать к рукам* и т.п.;
- символика выполнения важных, решительных действий: *умывать руки; складывать руки; сбывать с рук; носить на руках; поднимать руку* и т.п.;
- символика власти, силы: *иметь руку, большая рука*;
- символика главного орудия труда: *засучив рукава, не покладая рук, горит в руках*.

На основе анализа конкретного фразеологического материала можно утверждать, что большая часть фразеологизмов с соматическим компонентом «рука» имеет отрицательную коннотацию (ср., например: *руки чешутся, ходить по рукам*,

махнуть рукой, под горячую руку, с пустыми руками, сложа руки и т.д.), но в определенной части фразеологизмов с выделенным соматическим компонентом использовано позитивное значение соматизма «рука» (например: *протянуть руку, не покладая рук, подать руку, положить руку на сердце*).

Ладонь, как часть тела (точнее, руки), представляющая собой широкую открытую поверхность, где все видно отчетливо, без прикрас, в составе немногочисленных фразеологизмов реализует именно признак открытости, неприкрытости (например: «*как на ладони*»).

Соматизм «**палец**», называющий известную часть верхней конечности, в составе фразеологизмов чаще всего концептуализирует признак подвижности (ср., например: *по пальцам можно пересчитать; пальцем не шевельнуть; обводить вокруг пальца; палец о палец не ударить*). В противовес этому, соматизм «**ноготь**», как абсолютно неподвижная часть пальца, лишенная способности выполнения каких-либо действий, в компонентном составе соответствующих фразеологизмов использует габаритный признак, признак мельчайшей, ничтожной частицы. Например: *с ноготь; ногтя не стоит*.

Несколько более разнообразная символика связана с другой частью руки – **плечом**.

- Основной функцией плеч, обусловленной их строением, прочностью, принято считать функцию ношения тяжести, бремени, которая весьма широко представлена в соответ-

вующих фразеологизмах (например: *взваливать на плечи; ложиться на плечи; выносить на плечах* и т.п.), имеющих антонимичные пары, выражающие избавление от этого бремени (ср.: *сваливать с плеч; свалиться с плеч; словно гора с плеч упала*).

По сути, в основе антонимичной пары фразеологизмов «*по плечу*» – «*не по плечу*» реализована та же функция ношения бремени, но с той лишь разницей что, во-первых, значение этих фразеологизмов метафоризировано и больше делается упор не на само ношение тяжести, а на выносливость, способность/неспособность, готовность/неготовность носить эту тяжесть.

- Другой не менее распространенной и известной функцией плеч (как части тела) выступает наличие жизненного опыта, выражаемое во фразеологизмах временными формами (например: *за плечами*). При актуализации указанной функции происходит некое членение времени на два больших отрезка: прошлое и настоящее, и совершенно очевидно, что в соответствующих фразеологизмах, как правило, маркируется именно прошлое.

Интересно заметить, что в кодовой символике невербального языка выражение прошлого также связано с плечевой жестикуляцией, а именно: взмахом кисти руки назад через плечо.

- Следующее свойство плеч связано с опорной функцией, предопределенной их силой. Указанная функция ярко ак-

туализована во фразеологизмах типа «чувство плеча»; «подставить плечо»; «опереться на плечо»; «дружеское плечо» и т.п. Обратим внимание на реализацию формы числа соматизма «плечо» в выделенных фразеологизмах: здесь используется только форма единственного числа, хотя данный соматизм относится к числу парных соматизмов и дает возможность выбора формы числа. Однако нетрудно понять, что вышеуказанная семантика опоры соматизма «плечо» исключает использование формы множественного числа, ибо для дружеской опоры и поддержки вполне достаточно одного плеча, тем более, что понятие «опоры» в соответствующих фразеологизмах отличается заметной семантической абстрагированностью и больше тяготеет к психологической сфере.

● Широкое использование во фразеологии получила еще одна функция плеч, имеющая прямое отношение к невербальным знакам – жестикуляционная способность. Хотя плечи как часть тела не отличаются особой подвижностью, тем не менее при их непосредственном участии могут совершаться некоторые жестикуляционные действия, через которые в каждом конкретном случае актуализируется определенная семантика, закрепленная народными традициями. Подобные жестикуляционные проявления получили отражение в фразеологизмах типа «расправлять плечи», «повести плечами», «пожимать плечами», «опустить плечи» и т.п. В отмеченных фразеологизмах плечи занимают активную позицию, поскольку «обладатель» плеч сам выполняет ими конкретные

действия, независимо от мотивации последних. В других жестах, опять же связанных с плечами, последние играют пассивную роль, оставаясь неподвижными, ибо «обладатель» их здесь уже не принимает непосредственного участия в выполнении определенных действий плечами, не является инициатором этих действий, а сам подвергается действиям со стороны другого лица (например: *хлопать по плечу*). В указанных случаях жестикуляционные действия извне, направленные на «обладателя» плеч, позволяют эксплицировать внутренние отношения между двумя участниками акта.

5. Группа **нога, колено, пятка, стопа** объединяет соматизмы-названия нижних человеческих конечностей, среди которых главенствующее место принадлежит соматическому существительному «нога» как общему наименованию нижней конечности; остальные соматизмы данной группы следует рассматривать как составные части ноги. Части тела, называемые выделенными соматизмами, объединены в общую группу прежде всего по локальному признаку. Другим общим свойством соматизмов выделенной группы является их принадлежность к парным и телесным частям. Остальные характеристики соматизмов этой группы наиболее отчетливо и полно выражены лишь в соматизме «нога». Отмеченная часть человеческого тела характеризуется высокой активностью и способностью к инструментальному функционированию. Соматическое существительное «нога» весьма широко исполь-

зуется в компонентном составе соответствующих фразеологизмов.

Основные функции указанной части человеческого тела – это функция передвижения, перемещения (ср.: *идти в ногу; размять ноги; уносить ноги; ноги не будут*) и опорная функция (например: *еле держаться на ногах; валиться с ног; почва уходит из-под ног; твердо стоять на ногах*). Другие функции в значительной мере метафоризированы и фразеологизированы (например: *вставать с левой ноги; на короткой ноге; на широкую ногу* и т.д.). Следует также отметить, что в некоторых фразеологизмах соматизм «нога» попадает в пассивную позицию вследствие того, что действие исходит не от посессора, а направлено на него, т.е. выполняется действие не самим посессором, а другим лицом. Например: *поставить на ноги; валить с ног; повергать к ногам; поднять на ноги* и т.д. И, наоборот, сравним случаи, где активная роль посессора ноги очевидна: *встать на ноги; валиться с ног; падать к ногам; подняться на ноги*.

Заметим, что во многих фразеологизмах с компонентом «нога» наблюдается реализация основных жестов, связанных с нижней конечностью, что объясняется ее расположением относительно других частей человеческого тела: это самая нижняя «точка» человеческого тела.

Мы не беремся описывать подробно функции и характеристики всех остальных частей ноги, входящих в рассматриваемую группу, поскольку они относятся к пассивным частям

тела, отличаются известной степенью неподвижности и весьма скудно представлены в компонентном составе соматических фразеологизмов; в имеющихся же фразеологизмах эти соматизмы использованы по признаку смежности с ногой – доминирующим соматизмом данного ряда.

Подытоживая результаты проведенного анализа, сделаем некоторые общие выводы:

- наиболее четкой классификации поддается распределение соматизмов-названий частей человеческого тела по двум следующим характеристикам: **«бинарные/одиочные»** и **«лицевые/телесные»**; остальные же признаки в рамках анализируемых групп соматизмов либо совмещаются, либо плотно переплетаются, либо трудно поддаются дифференциации;

- как правило, мимическими и эмоциональными признаками характеризуются «лицевые» соматизмы, жестикуляционными и рациональными – «телесные»; причем, из «телесных» соматизмов (частей тела) наиболее сильно жестикуляционная способность проявляется в наименованиях подвижных частей тела (**рука, нога, плечо**), в малоподвижных или неподвижных же частях тела, выраженных соответствующими соматизмами, жестикуляционная способность заметно ограничена пассивными жестами (ср.: **грудь, колено, бок** и т.д.);

- характеристика соматизмов-названий частей человеческого тела по признаку **«активность/пассивность»** в основном опирается на «связанное» (прикрепленное) и «свобод-

ное» положение этих частей тела, что, по сути, имеет прямое отношение к связующим и инструментально функционирующим признакам;

- соматизмы, выступающие как названия лицевых органов, определенным образом взаимосвязаны, и в этом звене ведущая роль принадлежит **глазам и ушам**, от которых сигнал поступает к остальным органам – в первую очередь, к голове и/или сердцу, а оттуда соответственно к рукам, ногам, плечам, бровям и т.д.;

- кодовая семиотика, связанная со многими частями тела, зачастую подвергается фразеологизации, в результате чего в языке появляются соответствующие соматические фразеологизмы;

- наличие в русском языке большого числа жестовых фразеологизмов позволяет судить об активности процесса фразеологизации жестовых знаков, по сути представляющих физиологические движения, приобретшие соответствующую символику.

В идентичном ракурсе можно проанализировать и соответствующие армянские соматизмы-названия частей человеческого тела/лица. В рамках этого анализа нами будут охвачены лишь самые частотные и употребительные армянские соматизмы, которые мы распределили по отдельным группам (гнездам) в нижеследующей последовательности:

1. աչք, գլուխ, քիթ, ականջ;
2. բերան, լեզու, շրթունք, ատամ;

3. կոկորդ, կուրծք, վիզ, սիրտ;

4. ձեռք, ուս, մատ, եղունգ;

5. ոտք, ծունկ, կրունկ.

Приступая к изучению вышепредставленных групп соматизмов, объединенных по локальному расположению, отметим, что объединение выделенных соматизмов в первую группу (**աչք, գլուխ, քիթ, ալկանջ**) объясняется тем, что все они являются названиями тех частей человеческого тела, которые непосредственно связаны с основными жизненно важными функциями организма: зрительной (**աչք**), слуховой (**ալկանջ**), обонятельной (**քիթ**) и мыслительной (**գլուխ**). Вполне очевидно, что представленный критерий объединения перечисленных соматизмов в эту группу должен предполагать включение сюда и соматизма «**բերան**», функции которого (вкусовая, жевательная, глотательная, говорения и т.п.) столь же необходимы и важны, как и функции вышеперечисленных органов. Однако мы сознательно не включили соматизм «**բերան**» в рассматриваемую группу, поскольку функции этого соматизма непосредственно связаны с рядом важных функций других органов, составляющих вместе с соматизмом «**բերան**» речевой аппарат человека, и потому считаем целесообразнее отдельное рассмотрение этой группы соматизмов.

Мы не будем проводить подробного анализа отдельных соматизмов, представленных в первой группе, поскольку вполне очевидно, что части тела, названные последними, во всех языках имеют одинаковое строение и расположение и

выполняют одинаковые функции, отличаясь лишь формами наименования.

Однако, помимо номинативного выражения, другим, более важным различием между рассматриваемыми армянскими соматизмами, называющими указанные части тела, и их русскими эквивалентами выступают различия кодовой семиотики, закрепленной в них. Последние же связаны с этническими, фольклорными, ментальными различиями, имеющимися между носителями разных культур, непосредственным и объективным образом отраженными в самих языках.

Как и в русском языке, в армянском языке также все выделенные соматизмы встречаются в составе соответствующих фразеологизмов, однако частотность их использования в качестве компонентов соответствующих фразеологизмов в этих языках распределяется по-разному, что также связано с национальными особенностями языков и, в первую очередь, – с разной символикой, закрепленной за каждым названием конкретной части тела.

Так, кодовая символика многих соматизмов-названий определенных частей человеческого тела в обоих языках зачастую совпадает. Сравним, например: *не успеть и глазом моргнуть* – *աչքը չթափրթած*; *мерить глазами* – *աչքերով չափել*; *краем глаза* – *աչքի արևելք*; *вставать с левой ноги* – *ձախի սրբից արթնանալ*; *падать на колени* – *ծնկի գալ*; *задрать нос* – *քիթը փնկել*; *кивать головой* – *գլխով անել*; *разинуть рот* – *բերանը բաց մնալ*; *махнуть рукой* – *ձեռք*

բաշեի; по рукам – ձեռք ձեռքի խիտել и т.п. Символика же других русских соматизмов (частей тела) не имеет в армянском языке идентичного соответствия (ср., например: *по губам мазать – գլուխը յուղել*).

Таким образом, сопоставительный анализ русских и армянских соматизмов-наименований частей человеческого тела с точки зрения соотношения их с невербальными знаками подводит нас к одному главному выводу: семиотические различия, лежащие в основе символики, присущей тем или иным частям человеческого тела, обусловлены совокупностью этнолингвистических факторов, характерных для каждого из этих языков.

§ 2.3. ИСТОЧНИКИ КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СФ

Национальная символика тесно связана с этническими особенностями, народными обычаями, традициями, народной этимологией, лежащими в основе каждого конкретного языка. Более глубокий анализ изучаемой тематической группы фразеологизмов позволяет нам ближе подойти к источникам их происхождения и раскрыть их этимологическую основу, а через нее – проникнуть в богатый волшебный мир народного творчества, познакомиться с интереснейшими традициями и обычаями народов-носителей исследуемых языков.

Среди многочисленных источников культурно-национальной интерпретации особенно важны ритуальные формы народной культуры, такие как сватовство, свадьба, поминки и т.п.; мифы, поверья, заклинания. Немаловажным источником культурной интерпретации являются также пословицы, которые передают из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором ярчайшим образом отразилась народная мудрость и целая жизненная философия народа-носителя языка.

Другим источником культурной интерпретации выступает система образов-эталонов, характерная для данной лингвокультурной общности и отраженная в устойчивых сравнениях.

Кроме образов-символов, в качестве источника культурной интерпретации могут фигурировать различные слова-символы и словосочетания-символы (или, точнее, слова и словосочетания, имеющие символьное прочтение). Сравним, например: *держатъ в руках* – *държѣтъ нѣкъѣмѣ*; *сердце кровью обливается* – *ирѣдѣтъ шрѣдѣмѣ ѣ ѣшѣмѣ* и т.п. Понятно, что сами соматические лексемы «рука» и «сердце» не являются носителями какой-либо символики, но в составе представленных фразеологизмов их собственные значения отходят на второй план, уступая место символьному прочтению: так, «рука» символизирует власть, «сердце» – орган чувств, через который проходят все человеческие переживания.

В качестве иных источников культурной интерпретации можно отметить христианство с его нравственными установ-

ками и ритуалами (ср.: *трудиться в поте лица – քրքիր թափել*), а также интеллектуальное национальное и общечеловеческое (мировое) достояние: философию, литературу, искусство.

Этимологический прием ввода культурно-национальной интерпретации позволит ближе подойти к исходной для образного основания конкретного фразеологизма ситуации, лежащей в основе метафоры.

Опираясь на этимологический словарь В.М. Мокиенко по фразеологии (Мокиенко 2003) и дополнив его собственными примерами, ниже мы представляем этимологическое толкование некоторых фразеологизмов, включающих в свой компонентный состав соматические лексемы, принадлежащие к разным соматическим гнездам, сопоставляя их с армянскими эквивалентами.

Глаз (око)

Ни аза в глаза – Возникновение этого фразеологизма связано с названием первой буквы старой русской азбуки. Аз – символ начала, основ знаний. Незнание даже первой, самой простой в произношении и написании буквы алфавита стало фразеологическим символом абсолютного незнания, крайнего невежества. Армянский эквивалент данного фразеологизма звучит так: «*ա-ն ու ք-ն իրարից չի ցարբերուծ*». Интересно заметить, что здесь, как и в русском варианте, для указания на невежество человека опять-таки используются начальные

буквы армянского алфавита: ш и р, но с той лишь разницей, что в армянском фразеологизме упоминается не одна, а две первые буквы алфавита и не старого, а нового армянского алфавита.

Как зеницу ока – Это выражение восходит к Библии: «Он нашел его в пустыне безводной, жаждущего от зноя, ограждал его, смотрел за ним, хранил его, как зеницу ока своего». Эквивалентный армянский фразеологизм «*աչքի լոյսի լիցի*» также имеет библейские истоки.

Для отвода глаз – Происхождение данного фразеологизма связано с заговорами и прочими магическими действиями знахарей, у которых это был вид гипноза, применяемый не только для обмана, но и для отвлечения внимания больного от болезни. Данное значение в армянском языке передается фразеологизмом «*աչքերը կապելու համար*», что полностью эквивалентно соответствующему русскому фразеологизму, поскольку «завязанные» глаза слепы и, более того, здесь уже нет нужды прикладывать какие-либо усилия, чтобы отвлечь чье-то внимание.

Пускать пыль в глаза – Выражение это произошло от метафоризации латинского «*pulverem oculis offundere*», связанного с борьбой гладиаторов, которые пускали пыль в глаза сопернику, чтобы ослепить его. Армянский фразеологизм «*աչքերին թոզ փչել*» также восходит к отмеченному латинскому выражению. Понятно, что как в русском, так и в армянском фразеологизмах велика роль метафоризации, благо-

даря которой представленные фразеологизмы приобрели значение «обманывать»: пыль (թոզ), как и любая другая помеха, мешает зрению, т.е. реальному восприятию и, наоборот, способствуют искаженному восприятию действительности.

Голова

Давать голову на отсечение – представляет собой кальку с французского «*donner sa tete a couper*» или с немецкого «*ich lass mir den korf abschneiden*». Вероятно, армянский фразеологизм «*գլխիս կտրելիս*» скалькирован с того же французского, но через русский источник.

Забубенная головушка – Значение этого фразеологизма связано с прилагательным «забубенный» и существительным «забубены» (вздор). Изменение значения произошло под влиянием названия метки на одежде арестанта («бубнового туза», т.е. красного и желтого). В словаре В.И. Даля отмечается: «забубенщина» – разгул, пирование.

Представленный фразеологизм не имеет соответствия в армянском языке, поскольку в основе его лежит сугубо русская реалия.

Без царя в голове – Фразеологизм имеет фольклорную основу и представляет собой усеченную форму пословицы «*свой ум – царь в голове*». Постепенно отрицательная форма фразеологизма вытеснила первоначальную форму. Данный

фразеологизм имеет в армянском языке следующее соответствие: *գլխով քսի՛ր է*.

Губа

Губа не дура – Данный оборот возник в результате эллипсизации известной поговорки «у него губа не дура, язык не лопатка: знает, где горько, где сладко». Армянский эквивалент данного фразеологизма «*բերանի համը իմանալ*» включает иной соматизм (բերան – рот), выполняющий ту же оценочно-вкусовую функцию, что и соматизм «губа» в представленном русском фразеологизме.

Кусать губы – Истоки этого выражения ведут к античной эпохе (ср. лат. «*mordere labrum*»). В «Одиссее» Гомера последователи Пенелопы «кусили себе губы» после речи Телемаха. В армянском языке не существует конкретного эквивалента представленного фразеологизма.

Живот

Живот положить – умереть, погибнуть за что-либо или за кого-либо. Слово «живот» в древнерусском языке имело два значения: «жизнь» и «движимое имущество». Отсюда понятно, что фразеологизм «*живот положить*» следует понимать в одном из двух возможных смыслов – «потерять жизнь» или «потерять состояние». В отличие от возможности альтернативного восприятия данного русского фразеологизма его армянский эквивалент имеет однозначное прочтение,

а именно: армянский фразеологизм «*լյւիւրը լիւր*» означает «отдать жизнь».

Не на живот, а на смерть – Учитывая вышепредставленные значения слова «живот», здесь следует констатировать очевидную реализацию значения «жизнь». В качестве эквивалентного фразеологизма можно привести армянский фразеологизм «*լյւիւրը լիւր*», резко отличающийся от выделенного русского фразеологизма стилистической принадлежностью.

Зуб

Не по зубам – Выражение это образовано по модели словосочетаний типа «не по нутру», «не по вкусу». Первоначально имелась в виду твердая пища, затем произошла дальнейшая метафоризация и расширение значения. Армянский эквивалент данного фразеологизма восходит к выражению «*նի՞ն չի ցիւրի*», в котором отсутствует соматический компонент.

Ни в зуб ногой – Традиционно принято считать, что оборот относится к эпохе крепостничества и означал он следующее: «кто-либо при надобности даже зуботычину для поощрения дать не может». Позднее «ни в зуб» стало синонимом «ни аза», и для усиления экспрессии было добавлено слово «ногой». Постепенно оборот приобрел более обобщенное значение и вступил в сочетание с интеллектуальными глаголами «понимать», «смыслить». Наконец, забвение первоначального

образа привело к его скрещению с выражением «ни ногой», в результате чего появился просторечный фразеологизм «ни в зуб ногой». Данный фразеологизм не имеет конкретного соответствия в армянском языке, что обусловлено разными путями исторического развития двух народов.

Заговаривать зубы – Это выражение восходит к народному фольклору и связано с лечением больных словами, заклинаниями, заговорами, которым в древности занимались волхвы, кудесники, знахари. Специальные заговоры бывали рассчитаны на то, чтоб унять зубную боль. Знахари или бабы-ворожеи шептали около больного, прыскали его наговорной водой, и зубная боль проходила. Люди часто верили таким заговорам даже больше, чем традиционной медицине. Однако многие с недоверием относились к таким заклинаниям. Отсюда и ироническая окраска выражения, обычно используемого в ситуациях, когда шарлатана сердито прерывали фразой: «Брось ты мне зубы заговаривать!»

В армянском языке в качестве эквивалентного соответствия выделенному русскому фразеологизму выступает весьма распространенный в разговорной речи фразеологизм «գլուխը փակել». Понятно, что в данном случае нельзя говорить о полном сходстве анализируемых фразеологизмов, поскольку армянский фразеологизм «գլուխը փակել» никак не связан с заговорами, что достаточно очевидно при сравнении компонентного состава обоих представленных фразеологизмов: «зубы» – в русском, «գլուխ» – в армянском.

Назубок знать – Выражение это связано с древним обычаем пробы золотых монет, колец и т.д. на зуб для удостоверения в их подлинности. На фальшивых или полых золотых изделиях после надкуса оставались вмятины. В результате дальнейшей метафоризации выражение «*знать назубок*» стало означать «наизусть». Именно это значение выражают эквивалентные армянские фразеологизмы «*սնզիր իմանի*» и «*բերանի իմանի*».

Кость

Перемывать косточки – Это выражение имеет древние истоки и связано с так называемым обрядом «вторичного захоронения». Первоначально оно употреблялось в прямом значении (мыть косточки умерших). По суеверным представлениям некоторых народов всякий нераскаявшийся грешник, если над ним тяготеет проклятие, после смерти выходит из могилы обычно в виде вампира и губит людей, высасывая у них кровь. Заклятие снимается только тогда, когда кости вампира перемывают чистой водой и снова погребают.

Лоб(чело)

Семи пядей во лбу – Данный фразеологизм возник на основе представлений о том, что по высоте лба можно судить об умственных способностях человека. Старинная мера длины «пядь» равнялась расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев. Выражение основано на

гиперболе, число же «7» использовано не случайно: в народном языке оно имело особое магическое значение. В армянском языке нет равнозначного соответствия данному фразеологизму, поскольку в основе его лежит сугубо русская мера измерения, однако носителю армянского языка хорошо знакомо выражение «*խելքի ծով*», имеющее идентичный смысл. Указанный армянский фразеологизм синонимичен русскому фразеологизму «*ума палата*», но с иной стилистической принадлежностью.

Бить челом – В основе этого выражения лежит принятая форма приветствия или обращения с почтительной просьбой к высокопоставленным людям. Поклон до земли в Древней Руси был проявлением высшего почтения. Так же низко кланялись, били челом, когда подавали царю жалобы, получившие название челобитных. В XVIII веке, после реформы Петра I, обычай бить челом и писать челобитные был забыт, а выражение стало употребляться в переносном значении. Отсутствие в армянском языке эквивалентного соответствия представленному фразеологизму можно объяснить разными путями исторического развития и соответственно разными культурно-национальными особенностями двух народов.

Нога

Без задних ног – Возникновение данного фразеологизма связано с наблюдениями над поведением животных. После работы лошадь ложится и спит, совершенно расслабив зад-

ние ноги. Если в это время попытаться поднять ее, она встанет на передние ноги, а задние ее не будут слушаться.

С левой ноги – Понятие о «правом» и «левом» издавна соединялось с понятиями о добре и зле. Считалось, что каждый человек имеет доброго духа-покровителя, ангела-хранителя с правой стороны, а злого духа-искусителя – с левой. Например, в Древнем Египте верили, что через левое ухо приходит «дыхание смерти»; в Древней Греции считалось, что правая сторона сулит успех, а левая – неудачу. И до сих пор у некоторых народов сохранились подобные суеверия. В основе представленного фразеологизма лежит бытующее у многих народов поверье о том, что встать с постели с левой ноги – значит, будучи в плохом настроении, провести дурной день. Отметим, что данный фразеологизм получил широкое распространение и в армянском языке: *ձախի ուրբից լեր լեւիւմ*. Очевидно, закрепленная за понятиями «правый» и «левый» символика присуща всем народам. В армянском языке, в частности, все, что связано с «левым», по суеверным представлениям обречено на неудачу, провал.

На широкую ногу – Появление этого фразеологизма связывают с модой на обувь с острыми, загнутыми кверху носками, зародившейся в Англии в XII веке при короле Генрихе I. Король имел нарост на большом пальце правой ноги и для удобства носил башмаки с длинными носами, а придворные сразу же подхватили эту «моду». Размеры обуви свидетельствовали о зажиточности их владельца и устанавливались зако-

ном. Возможно также, что выражение «на широкую ногу» возникло в народной символике и отталкивается от универсальной метрической символики ноги, отраженной в метрической терминологии разных языков. Данному русскому фразеологизму в армянском языке соответствует фразеологизм «*սիրք-փսիրք*», не содержащий соматического компонента.

Отрясти прах от ног своих – Выражение это восходит к Евангелию и связано со следующим древним обычаем: отрекаясь от старой дружбы, родства, покидая ставшее ненавистным место, человек у порога ударял ногой о землю, как бы отряхивая пылинки, не желая уносить с собой даже мельчайшей частички с этого места.

Нос

Комар носу не подточит – Первоначально данный фразеологизм использовался для характеристики такой мастерской по точной подгонке бревен, досок друг к другу, между которыми невозможно было просунуть и тончайшего комариного носа. В дальнейшем его значение расширилось (ср.: *не подсунуть пальца; не подточить булавки*).

С гулькин нос – Этот фразеологизм возник на основе звукоподражания «гуль-гуль», которое в свою очередь произошло от слов «гулька», «гуля» (голубь). Данный фразеологизм имеет сугубо русское происхождение, а потому и не имеет соответствий в армянском языке.

Оставлять с носом – Данное выражение восходит к древнему народному обычаю, когда жених подносил родителям невесты «нос», т.е. подношение (производное от глагола «нести» – подарок, приношение). И если вдруг жениху отказывали, подарок отвергали, он оставался «с носом», т.е. уходил со своим «носом», подарком. Появившийся на основе сугубо русского обычая представленный фразеологизм не имеет соответствия в армянском языке.

Зарубить на носу – В данном выражении «нос» рассматривается как существительное, производное от глагола «носить»: это носимая при себе бирка, на которой делали зарубки. Первоначально этот оборот содержал шутивную угрозу, чем и объясняется предпочтительно-повелительная форма фразеологизма. В дальнейшем произошло абстрагирование и последующее расширение значения фразеологизма, что позволило его включить в группу соматических фразеологизмов. Армянский эквивалент данного фразеологизма представлен выражением «*ալիւնջիւ ող անել*», полностью совпадающим по своей семантике с семантикой рассматриваемого русского фразеологизма.

Рука

Легкая рука – Данный фразеологизм основан на суеверном представлении многих народов о «легкой» (удачливой) и тяжелой руке. Этот фразеологизм весьма частотен и в армянском языке. Сравним: *թելը ձեռք*.

Бить по рукам – Выражение это связано с обрядом сватовства на Руси, который обычно завершался «рукопобитьем»: отцы жениха и невесты били по рукам, тем самым закрепляя свое согласие на брак. Позже значение этого фразеологизма заметно расширилось, и сегодня этот жест употребляется как знак согласия на любую сделку.

Как рукой сняло – Представленный фразеологизм связан со знахарским врачеванием, обычаем целительных «отводов», при котором знахарь произносил заговор, проводя по больному месту рукой и тем самым снимая боль. Этот способ врачевания получил распространение у многих народов.

Приложить руку – Данный фразеологизм связан со старинным делопроизводством. Издавна отпечаток пальца на воске или просто на бумаге считался равноценной заменой подписи: подделать его невозможно. В старину, когда неграмотный человек оставлял на документе отпечаток пальца, говорили: «руку приложил». Канцелярские стереотипы, имея сильное влияние на народную речь, до сих пор еще встречаются в заявлениях, заканчивающихся словами: «К сему...» (далее подпись). Постепенно значение этих слов еще больше расширилось, и выражение «приложить руку» стало означать «быть соучастником в каком-либо деле». Именно в указанном значении весьма частотным является армянский эквивалент представленного фразеологизма, выступающий с иным соматическим компонентом («палец» вместо «руки»). Сравним: *приложить руку* – ձաշղը խառը լինել.

Рукой подать – В старину рука служила мерой длины, и первоначально данное выражение означало «расстояние в длину руки» и употреблялось в сравнительной форме: *как руку подать*. Затем со временем оно приобрело общее значение «близко». В армянском языке есть синонимичный фразеологизм «*ձեռքի մեկնեսու՛ կհասնի*», где тоже использовано понятие близкого расстояния. Очевидно, в основе этого фразеологизма лежит универсальная символика расстояния протянутой руки. Понятно, что речь идет об общей для всех людей части тела, имеющей у всех приблизительно одинаковую длину, а расположение на расстоянии протянутой руки – это совсем близко, почти рядом.

Сердце

Скрепя сердце – В данном случае «скрепя» произошло от деепричастия «скрепив». Предполагается, что данный фразеологизм мотивирован обычным произвольным жестом хватания себя за сердце при сильном сердцебиении от волнения в надежде «поддержать» сердце, не дать ему разорваться, «скрепить» его. В дальнейшем этот фразеологизм был сильно метафоризирован и приобрел значение «нехотя». Армянский эквивалент последнего представлен выражением «*ցիցի ի սիրի*».

Ус

Мотать на ус – Возникновение этого фразеологизма связано с символикой усов и с древней системой запоминания – завязыванием узелков на ниточке или веревочке. Шутливая трактовка этого выражения заключалась в следующем: чем длиннее ус, тем больше можно на него «намотать» жизненного опыта. Данному русскому фразеологизму соответствует синонимичный армянский фразеологизм «*սկսիւնքիւ օղիւնքի*», в котором использован другой соматический компонент.

Сами с усами – Известно, что усы и борода у многих народов считаются символами мужской зрелости, самостоятельности. оборот «*сами с усами*» представляет собой осколок шутливого ответа человека, подчеркивающего свою зрелость, опытность, умелость и намекающего на то, что его собеседник не имеет возрастного преимущества.

Ухо

Вешать лапшу на уши – Это один из символов постперестроечного периода, знаменующего всеобщую социальную апатию и недоверие как к правительственным структурам, так и к средствам массовой информации. Лапша на ухах – это всеобщая дезинформация, стремление обмануть простой народ. оборот имеет арготическое происхождение: в воровском аргю «лапша» означает также «лоскутки ткани». Отсюда и расшифровка первоначального выражения: «закрыть уши

лоскутком ткани с целью усыпить бдительность обкрадываемого, сделав его глухим». В качестве частичного эквивалента здесь можно привести армянский жаргонный фразеологизм «գլուխը արդուկել»:

Держать ухо востро – Происхождение данного фразеологизма основано на наблюдениях за поведением животных, напрягающих уши при предчувствии опасности. Возможно, армянский синоним «սկանչները արած փսիել» тоже возник на основе зоологических наблюдений.

Навострить уши – Этот фразеологизм также появился на основе учета зоологических наблюдений, а именно: имеется в виду рефлексивное свойство многих животных поднимать уши при улавливании звуковых сигналов об опасности. Армянский эквивалент данного фразеологизма представлен выражением «սկանչները արել».

Язык

Притча во языцех – Данное выражение восходит к Библии. В старославянском «во языцех» представляет собой форму местного падежа множественного числа существительного «язык», означающего «народ, племя»; «притча» – нравоучительный рассказ. Итак, «притча во языцех» – это притча, известная всем народам. Армянский эквивалент данного фразеологизма представлен выражением «մտրի փարթի», в котором использован соматизм «մտր».

Типун тебе на язык – Данное выражение восходит к знахарским заклинаниям, призванным наказывать лжецов. «Типун» – небольшой роговой бугорок на кончике языка у птиц, который помогает им склеивать пищу, а увеличение размеров этого бугорка может стать причиной болезни. В армянском языке существует эквивалентный фразеологизм «*խորհրդ անտառի լեզու*», содержащий проклятие на язык человека, озвучивающего недобрые вести. Данный армянский фразеологизм является полным синонимом русского фразеологизма «*отсохни язык*».

Русские фразеологизмы *как рукой сняло, бить по рукам, с гулькин нос, комар носу не подточит* не имеют армянских фразеологических эквивалентов, их семантика чаще всего передается описательными конструкциями.

Фразеологизмы *бить челом, семи пядей во лбу* также безэквивалентны, поскольку в их основе лежат сугубо русские реалии.

Во фразеологической системе русского языка зафиксированы также «ФЕ-формулы словесной магии», например, угроза, запрет: *ноги не будет*; клятвенное уверение: *отсохни у меня руки*; обороты, связанные с обрядовой магией: *кровь заговорила*; выражения, восходящие к Евангелию: *умывать руки* (Согласно евангельской легенде, Пилат, отдавая Иисуса толпе для казни, умыл руки и сказал, что он не виновен в крови праведника сего. О ритуальном умывании рук, служившем свидетельством непричастности умывавшего к чему-

либо, рассказывается в Библии); выражения, восходящие к средневековому судопроизводству: *язык укоротить*. Представленные фразеологизмы имеют эквивалентные соответствия в армянском языке, что свидетельствует об универсальной природе фразеологизмов. Сравним: *ноги не будет* – *պըջի դնի*; *отсохни у меня руки* – *ծեղքերի չըրնիս*; *кровь заговорила* – *արյունը խոսեց*; *умывать руки* – *ծեղքերը լվանիս*; *язык укоротить* – *լեզուն կարճացնել*.

Итак, невозможно интерпретировать фразеологизмы, не зная историю народа, его традиции. Каждый фразеологизм несет в себе прямую или опосредованную культурную информацию о мире. Во фразеологизмах сохраняются отпечатки предыдущих исторических периодов, составляющие его культурно-национальную специфику и выявляющие имеющиеся в них интернациональные особенности (Ганапольская 2011).

При исследовании фразеологизмов важно проследить, как изменяется их культурно-национальная и этимологическая интерпретация, какие ментальные сдвиги происходят при историческом изменении культурных ориентиров, связанных со сменой эпох.

Вышепредставленный этимологический анализ охватил лишь небольшую часть фразеологизмов с соматическим компонентом в составе с целью иллюстрации эволюции, сдвига первоначальных значений.

3. СТРУКТУРНО–СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

§3.1 КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ СФ

Роль антропологического фактора во фразообразовании очевидна и неоспорима, ибо подавляющее большинство фразеологизмов так или иначе связано с человеком, с различными сферами его деятельности. Фактор адресата является важнейшим элементом коммуникации. Кроме того, человек стремится наделить человеческими чертами объекты внешнего мира, в том числе и неодушевленные. Еще Шарль Балли утверждал: «Извечное несовершенство человеческого разума проявляется также и в том, что человек всегда стремится одухотворить то, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва и бездушна; его воображение постоянно наделяет жизнью неодушевленные предметы, но это еще не все: человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности» (Балли 2001:221). Отсюда понятна известная обширность и продуктивность группы соматических фразеологизмов. По подсчетам ученых эта группа составляет около 15% общего фразеологического фонда языка.

Широкое употребление соматизмов в составе фразеологических единиц в значительной степени обусловлено тем, что соматизмы представляют собой один из древнейших сло-

ев в лексике различных языков и входят в ядро основного состава словарного фонда языка. Характерной чертой соматической фразеологии является наличие в языках многочисленных аналогов, очень близких по образной направленности словосочетаний. Эта особенность резко отличает соматические фразеологизмы от других тематических групп фразеологических единиц. Совпадение образности соматических фразеологизмов в разных языках объясняется не только процессом заимствования, но и общими закономерностями, приводящими к возникновению близких фразеологических единиц, демонстрирующих универсальный характер переноса соматических лексем, их функционально-семантическую динамику в составе фразеологизмов. Обилие соматических фразеологизмов в разных языках естественно, т.к. соматические лексемы, входящие в их состав, обладают высокой способностью метафоризироваться.

Почему же названия частей человеческого тела и лица так продуктивно используются в качестве метафорических универсалий? Дело в том, что при назывании нового объекта у человека возникает ассоциация прежде всего с тем, что ему хорошо знакомо, с чем он может сравнивать их, а таковыми являются прежде всего именно соматизмы. Однако при создании метафор названия частей человеческого тела и лица проявляют продуктивность разной степени: одни из них употребляются весьма часто (**голова, глаз, нос, рот, рука,**

нога, язык и другие), другие – значительно реже (**плечо, локоть, ноздря, кулак, палец, пятка, ноготь**).

Очевидно, наибольшую продуктивность в образовании фразеологизмов проявляют те соматические лексемы, функции которых в жизни человека предельно ясны, с чем также связана легкость их переосмысления. С этой точки зрения наименования частей тела можно условно разделить на названия внешних частей, более очевидных и доступных для обозрения, и обозначение внутренних органов, скрытых для наблюдения.

Как видно из заглавия настоящей работы, объектом нашего исследования явилась одна из весьма распространенных во фразеологической системе языка тематических групп фразеологизмов – группа соматических фразеологизмов (СФ). В эту группу входят фразеологизмы, включающие в свой состав в качестве обязательного компонента соматическое существительное, обозначающее название какой-либо части человеческого тела или лица. Реже отмечаются случаи, когда оба компонента СФ представлены соматическими существительными. Например: *рука об руку; бок о бок; лицом к лицу; нос в нос* и т.д. Фразеологизмы последнего типа составляют небольшую группу и характеризуются общностью семантики (все они в широком смысле подразумевают близость расстояния) и структурным однообразием, выражаемым повтором соматического компонента. Что же касается обычных, более распространенных СФ, то второй компонент их

(несоматический) может иметь разное выражение, восходя к глагольной, адъективной, адвербиальной и другим основам.

Поскольку СФ, как и любые другие фразеологизмы, являются устойчивыми выражениями, состоящими из двух и более слов, то при анализе их состава следует рассматривать все составляющие компоненты. Подобно любому сочетанию слов, соматические фразеологизмы также состоят из стержневого (опорного, доминирующего) компонента и «вспомогательных» компонентов, образующих так называемое «лексическое окружение» фразеологизма.

Назвав выделенную группу фразеологизмов термином «соматические», мы вовсе не склонны были подчеркнуть доминирующую позицию соматического компонента в них. Исследуемый фразеологический материал наглядно показывает, что в одних фразеологизмах рассматриваемой группы соматический компонент и в самом деле выступает в роли стержневого, в других – отходит на второй план, но во всех случаях наличие его в составе СФ обязательно и незаменимо в рамках данной тематической группы. Нарушение указанных принципов (обязательности и незаменимости) внутри соматических фразеологизмов может привести либо к утрате ими смысла вообще, либо – к приобретению новой семантики (Дашиева 2010; Городецкая 2007; Мрикария 1999; Урысон 1994). Для наглядности проиллюстрируем это на произвольных примерах.

Например, если во фразеологизмах *золотые руки*, *каменное сердце*, *играть на руку* соматические компоненты заменить соответственно существительными «**часы**», «**скала**», «**гитара**», то перед нами предстанут обычные свободные словосочетания: *золотые часы*, *каменная скала*, *играть на гитаре*. Иначе говоря, в представленных примерах в результате замены соматического компонента несоматическим существительным фразеологизм утрачивает свое первоначальное значение и превращается в свободное словосочетание.

В результате же замены в аналогичных фразеологизмах соматического компонента существительным с фразеологически связанным значением мы получим новый фразеологизм, а не свободное словосочетание. Так, сравним: *золотой характер*, *каменная тишина*, *играть на нервах*. Заметим, что иногда новый фразеологизм, появившийся как следствие замены соматического компонента, может приобретать антонимическую окраску по отношению к исходному фразеологизму. Сравним, например: *играть на руку* – *играть на нервах*.

Ясно, что выделенные фразеологизмы сами по себе антонимами по отношению друг к другу не являются, но по той внутрисемантической окраске, которая имплицитно кроется в каждом из них, они предполагают противоположные ощущения.

Среди исследуемого фактического материала встречаются также случаи замены одного соматического компонента другим соматическим же компонентом: *на широкую руку – на широкую ногу; на лбу написано – на лице написано* и т.д. Указанные вариантные пары СФ активно сосуществуют в языке и характеризуются заметной семантической общностью, исходящей, вероятно, от семантики именно соматического компонента. Подобно любой доминанте, доминирующий компонент фразеологизма диктует свое лексическое окружение. Лексическое окружение соматических фразеологизмов не влияет на их семантику, а всего лишь участвует в оформлении фразеологической модели в соответствии с нормами данного языка (Козлова 1983; Куприянов 1971; Лайпанова 2007; Османова 1992). Лексическое окружение фразеологизма может быть многословным и ограниченным, что также не связано с семантическим полем каждого конкретного фразеологизма. Среди слов, составляющих лексическое окружение фразеологизма, выделяются постоянные и варьирующиеся (факультативные) компоненты. Указанные определения условно введены нами для разграничения слов, без которых фразеологизм не может существовать, от слов, которые могут быть заменены или просто опущены.

Проиллюстрируем это на конкретных примерах.

- Фразеологизмы с постоянным лексическим окружением: *лицом в грязь не ударить; выгребать жар чужими руками; есть за обе щеки; держат ухо востро; наступать на*

пятки; набрать в рот воды; работать не покладая рук; медведь на ухо наступил и т.д.

- СФ с варьирующимся (факультативным) лексическим окружением: *идти (шагать) в ногу; смотреть (глядеть) во все глаза; бежать (мчаться) во все лопатки; кричать (орать) во все горло; висеть (держаться) на волоске; мараить (пачкать) руки; на дружеской (короткой) ноге; камень на сердце (на душе) и т.д.*

- СФ с привычным лексическим окружением, которое часто может быть опущено: *выплакать (все) глаза; показать свое (истинное) лицо; выдавать себя (с головой); предлагать руку (и сердце); из рук вон (плохо); отрясти от (своих) ног прах и т.д.*

Н.М. Шанский делит фразеологизмы на «первичные» и «вторичные» (Шанский 1985). К первой группе он относит фразеологизмы в своем «чистом виде», без словесного окружения; во вторую группу включаются «расширенные» фразеологизмы, т.е. фразеологизмы в принятом словесном окружении.

Сопоставительный анализ русских и армянских СФ с точки зрения лексического окружения выявил определенные совпадения и ряд расхождений между этими фразеологизмами. Случаи соответствия между эквивалентными русскими и армянскими соматическими фразеологизмами, безусловно, объясняются совпадением конкретного денотата в этих языках и универсальным характером фразеологизмов.

Рассмотрим это явление на произвольном примере синонимической фразеологической пары «висеть на волоске» и «մազից կախված լինել»». В обоих языках представлены одинаковые составляющие компоненты СФ: «висеть» – «կախված լինել» и «на волоске» – «մազից». На наш взгляд, подобное совпадение могло быть обусловлено фактом наличия во многих языках (в данном случае в русском и армянском) определенных общих языковых реалий, заменяющих соответствующие явления действительности. В данном фразеологизме речь идет о шаткости, неустойчивости, минимальной вероятности удачного исхода, а потому и слово «волосок», как тончайшая, даже невидимая и весьма непрочная нить, исчерпывающе отражает внутренний смысл рассматриваемого выражения. В армянском языке это слово имеет лексический синоним в форме слова «մազ». Наконец, в обоих языках стержневой компонент сочетается с глагольным компонентом, и в целом фразеологизм приобретает структурную целостность и логическую завершенность. Действительно, СФ «висеть на волоске», как и его армянский эквивалент, максимально полно отражают семантику опасности, неустойчивости, шаткости, имплицитно заключенную в слове «волос» (մազ).

Другим известным русским фразеологизмам «золотые руки» и «золотое сердце» в армянском языке соответствуют идентичные СФ «նուր ձեռքեր» и «նուր սիրտ». Как видно из представленных примеров, в обоих случаях налицо структур-

но-семантическое сходство рассматриваемых фразеологизмов. На наш взгляд, абсолютное тождество представленных СФ вызвано одинаковым восприятием в этих языках лежащего в основе данных фразеологизмов денотата, выраженного адъективным компонентом «золотой» («սուլի»). Очевидно, понятие «золотой» (սուլի), соотносящееся с драгоценным металлом, в обоих языках служит символом чего-либо прекрасного, бесценного.

Итак, в качестве обобщающего вывода можно констатировать, что в разных языках (в данном случае в русском и армянском) этимологические значения некоторых фразеологизмов вращаются вокруг почти одинакового семантического поля, выявляя таким образом очевидную общность мировоззрения носителей этих языков.

Однако наши наблюдения над конкретным фразеологическим материалом показывают, что, помимо случаев тождественности, между соотносительными русскими и армянскими фразеологизмами с точки зрения их структурного состава наблюдаются также расхождения.

Сравним, например: *смеяться в бороду* – *քրթի ցիւլ ծիծաղել*; *сердце не лежит* – *սիրտը չի կայնում*; *мастер на все руки* – *ծերքից ամեն բան գալիս է*; *держат в руках* – *բռն մեջ ցիւղել*; *мизинца не стоит* – *եղունգը չարժէ*; *в глаза не видеть* – *երեսն էլ փեսիտ չլինել* и т.д.

Нетрудно заметить, что в представленных примерах синонимичные пары русских и армянских СФ расходятся в

форме выражения лишь одного из составляющих компонентов, второй же компонент этих фразеологизмов, как правило, совпадает. Реже наблюдаются случаи, когда в соотносительном армянском СФ сдвинуты оба (или все) компоненты, в результате чего мы имеем дело с новой формой фразеологизма, сохраняющей, однако, синонимическую связь со своим русским эквивалентом.

Сравним, например: *пальчики оближешь* – *մաղնեղի հեղի կուրես*; *мотать на ус* – *ալանջին օղ անել*; *губа не дура* – *բերանի համը գիտի* и т.д.

Заметим, что характерной особенностью данных фразеологизмов является присутствие в них соматического компонента, отличного от того, который реализован в соотносительных русских СФ.

В других случаях армянские синонимы соответствующих русских СФ выступают и вовсе без соматического компонента. Например: *во все лопатки* – *ամբողջ թափով*; *семи пядей во лбу* – *խելքի ծով*; *сердце в пятки уходит* – *լեղալիցի լինել*; *на скорую руку* – *ափալ-թափալ*; *оставаться с пустыми руками* – *դառնալու դառալով*; *сбивать с рук* – *մեկի վրա անհանել*; *нос не дорос* – *ուր չի անուր* и т.д. С точки зрения структурно-грамматического состава можно выделить два типа соматических фразеологизмов:

1) номинативные СФ, имеющие форму словосочетания: *поставить на колени* (*ծնկի բերել*), *брать за горло* (*կոկորդից բռնել*) и т.д.;

2) коммуникативные СФ, имеющие форму самостоятельного предложения: *в глазах потемнело* (*ωζρβρη ιηιωδ υρβυεγ*), *сам себе голова* (*ηυρβυ ηη ριηηι ιηβρη ε*) и т.д.

В плане структурного построения соматические фразеологизмы отличаются друг от друга степенью спаянности компонентов. Так, к примеру, если во фразеологизмах типа «*вытаращить глаза*», «*играть на руку*», «*чесать язык*» и других заметна максимальная структурная спаянность, то во фразеологизмах «*сломя голову*», «*очертя голову*», «*высунув язык*» и т.п. эта спаянность значительно ослаблена, что, очевидно, обусловлено отсутствием грамматических форм у их компонентов.

По своей структуре СФ могут соответствовать слову, словосочетанию или предложению, о чем пойдет речь в соответствующем разделе нашего исследования.

Компоненты фразеологизмов не могут быть квалифицированы как отдельные слова, принадлежащие к той или иной части речи. В составе фразеологизмов они в разной степени утрачивают свои словесные свойства: предметную соотнесенность, отдельное лексическое значение, живые синтаксические связи и функции, грамматические категории и словообразовательные возможности, являясь по сути уникальными словоформами особого рода, представляющими одну целостную языковую единицу.

Поскольку ни один из компонентов фразеологической единицы, взятый в отдельности, не закреплен за десигнатом

или денотатом, и только все ее материальное выражение в целом связано с ними, в распоряжение грамматики поступают не отдельные компоненты, а все фразеологическое единство, выступающее в предложении в качестве самостоятельной и неразложимой семантико-грамматической единицы. Последняя в отличие от слова как определенной части речи имеет не синтетический, а дискретный характер выражения категориально-грамматического значения.

§3.1.1. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ИЗМЕНЕНИЙ ВНУТРИ СТРУКТУРНОГО СОСТАВА СФ

В процессе исследования конкретного материала нами выявлены случаи, когда в привычное и закрепленное фразеологической системой русского языка лексическое окружение соответствующего фразеологизма часто вклинивается нерегулярный, варьирующийся лексический элемент, нарушающий и привычный состав, и структурно-семантическую целостность модели данного фразеологизма, а подчас влияющий и на его стилистическую окраску.

Например: *не верить своим глазам – не верить своим собственным глазам; руки чешутся – руки сильно (больно) чешутся; проглядеть глаза – проглядеть все глаза.*

Включение нового элемента в уже закрепившийся в языке фразеологизм обычно не затрагивает его семантику, а

лишь придает дополнительную экспрессивную окраску соответствующему СФ.

Явление вклинивания дополнительного (непостоянного, факультативного) компонента в состав известного фразеологизма характерно и для армянской фразеологии. Например: *աչքերին չհալալալ – սեփական աչքերին չհալալալ; ձեռքերը քոր են գալիս – ձեռքերը ուժեղ քոր են գալիս; ալանջին օղ անել – ալանջին լալ օղ անել*.

«Вторичный» фразеологизм (т.е. фразеологизм вместе с лексическим окружением) может включать как слова, принадлежащие к активной лексике (лексику свободного употребления), так и лексемы ограниченного употребления (связанную лексику).

Трансформация состава фразеологизма может также быть результатом построения его по принципу ассоциации с уже существующим и закрепленным в языке фразеологизмом. Например: *сложить голову – сломить голову; с головы до ног – с головы до пят; от всей души – от всего сердца* и т.д.

Ассоциативное построение фразеологизма часто сливается с понятиями вариантности и синонимии. В армянском языке описанное явление не получило широкого распространения.

Другим весьма распространенным видом фразеологической трансформации является инверсия. Инверсия в первую очередь нарушает целостность и устойчивость фразеологиз-

ма, которые, как известно, являются важнейшими его свойствами.

Проиллюстрируем явление инверсии на конкретных примерах:

перемывать косточки – косточки перемывать; набрать в рот воды – воды в рот набрать; не лезть в горло – в горло не лезть; забирать в свои руки – в свои руки забирать; марать руки – руки марать; с ног до головы – с головы до ног и т.д.

Сравним с армянским: *իր ձեռքը վերցնել – վերցնել իր ձեռքը; աչքից ընկնել – ընկնել աչքից; գլխից ձեռք քաշել – ձեռք քաշել գլխից; աչքին չերևալ – չերևալ աչքին.*

Следует отметить, что в сфере русской фразеологии явление инверсии является в определенном смысле универсальным явлением, поскольку способность к инверсионной трансформации проявляет подавляющее большинство русских фразеологизмов. На примере сопоставительного анализа мы убедились также, что рассматриваемое явление свойственно и армянской фразеологии, однако частотность инверсионных трансформаций армянских СФ заметно уступает их частотности в русском языке.

Кроме рассмотренных случаев фразеологических трансформаций, являющихся определенными отклонениями от языковых норм, внутри языковой системы происходят также более глобальные модификации, вызванные процессом исторического развития языка. Речь идет об «обновлении» со-

става архаичных фразеологизмов. При этом архаичные и синонимичные им «обновленные», современные формы СФ обычно параллельно сосуществуют в языке, и выбор той или иной из них связан в каждом конкретном случае со стилистическими факторами. В определенных же случаях наблюдается вытеснение из фразеологического фонда языка устаревших фразеологизмов новыми формами.

Исторические трансформации, происходящие во фразеологической системе языка, являющиеся результатом общего процесса его исторического развития, не следует рассматривать как аномальные явления, ибо они неразрывно связаны с общим эволюционным процессом.

§3.1.2. ЧАСТОТНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ СФ

В лингвистике известны разные точки зрения относительно возможности структурного моделирования фразеологических единиц. Некоторые ученые выдвигают тезис об их структурной немоделируемости, понимаемой как невозможность построения ФЕ по заданной модели с предсказуемым значением (Амосов 1989:108; Кунин 1970:211). С другой стороны, исследовательская практика последних лет показывает, что при рассмотрении проблемы структурной моделируемости фразеологических единиц с позиций плана описания, а не порождения ФЕ такая моделируемость вполне приемлема (Мокиенко 1980:13; Райхштейн 1980:62).

Разделяя мнение ученых, констатирующих моделируемость ФЕ, мы выделили следующие типы (модели) наиболее частотных соматических фразеологизмов:

1. имя прилагательное + имя существительное: *светлая голова, правая рука, золотые руки* и т.д. (ср. с армянским: *սլաշմառ գլուխ, աջ ձեռք, ոսկի ձեռքեր*);

2. предлог + имя существительное + имя существительное в родительном падеже: *до мозга костей, в поте лица* (ср. с армянским: *մինչև ուղն ու ծուծը*);

3. имя существительное + предлог + падежная форма имени существительного: *море по колено, кровь с молоком, кожа да кости* (ср. с армянским: *ծուրը ծնկից է ,կաշին ու ոսկորները*);

4. предлог + имя прилагательное + имя существительное: *от чистого сердца, до седых волос, с молодых ногтей* (ср. с армянским: *մաքուր սրտով*);

5. глагол + предложно-падежная форма имени существительного: *водить за нос, обводить вокруг пальца, висеть на волоске, зарубить на носу* (в армянском: *մաշնելի վրա խաղաղնել, մազից կախված լինել*);

6. деепричастие + имя существительное/имя существительное с предлогом: *сломя голову, сломя руки, скрепя сердце, положила руку на сердце* (ср. с армянским: *ձեռքերը ծալած, ցավն ի սիրտ, ձեռքը սրտին դրած*);

7. предлог + имя прилагательное + имя существительное: *на равной ноге, на широкую ногу* (ср. с армянским: *հավասար, փոքր-փոքր*);

8. имя существительное + предлог + имя существительное: *рука об руку, плечом к плечу, бок о бок* (ср. с армянским: *ծեղք ծեղքի, քի քիի, կողք կողքի*);

9. предлог + имя существительное: *под носом, за спиной, под рукой, из-под носа* (ср. с армянским: *քթի փակ, ծեղքի փակ, քթի փակից*);

10. СФ с подчинительными союзами: *как снег на голову, хоть глаз выколи, как на ладони* (в армянском языке эти фразеологизмы передаются описательным путем: *անսպասելի ձևով, մութ-մթնոլորտի*);

11. СФ с отрицательными частицами: *ни кожи ни рожи* (ср. с армянским: *մարդու նման չի*); *руки не доходят – ժամանակ չկա*.

Коротко обобщим результаты анализа, проведенного выше.

● При сопоставительном анализе компонентного состава СФ непременно следует учитывать национальный фактор (языковое мышление, национальный менталитет, культурное развитие, национальные традиции, обычаи и т.п.), лежащий в основе формирования фразеологизмов и предопределяющий особенности путей их развития.

● Компонентный состав СФ включает стержневую основу и лексическое окружение.

- Стержневой центр СФ не всегда совпадает с соматическим компонентом СФ.

- Лексическое окружение соматических фразеологизмов может включать постоянные и факультативные компоненты.

- С учетом состава лексического окружения соматические фразеологизмы можно условно разделить на «первичные» и «вторичные».

- Абсолютного тождества между соотносительными русскими и армянскими СФ в плане их лексического окружения не наблюдается, что обусловлено национальной спецификой каждого из этих языков.

- Нерегулярные случаи относительного тождества окружающих элементов в составе соотносительных русских и армянских соматических фразеологизмов объясняются совпадением в обоих языках денотата, лежащего в основе соответствующего фразеологизма.

- При более частном обобщении можно констатировать, что в процентном соотношении среди соотносительных пар русских и армянских СФ тождественности «первичных» фразеологизмов значительно больше, чем «вторичных».

- Состав соматических фразеологизмов может подвергаться трансформационным изменениям вследствие вклинивания дополнительных (непостоянных) компонентов, ассоциативного построения фразеологизмов и инверсии.

- Трансформационные изменения внутри состава соматических фразеологизмов не вызывают семантического сдвига.

- Более глобальные изменения состава СФ являются следствием исторического развития языка.

- По структурно-грамматическому составу различаются номинативные (имеющие форму словосочетания) и коммуникативные (соотносящиеся с предложением) соматические фразеологизмы.

- При рассмотрении СФ с позиций плана описания, а не порождения выявляется их моделируемость.

§3.2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СФ

От значения, роли и важности функций частей тела зависят количество, тематическое многообразие подгрупп фразеологизмов, включающих соответствующие фразеологизмы (Гриднева 1998; Блюм 2000; Чепасова 1983; Чусов 1981; Ковшова 1990). Так, можно выделить следующие основные семантические подгруппы внутри общей группы соматических фразеологизмов:

- соматические фразеологизмы, выражающие отношение человека к окружающей среде и другим людям, а также характеризующие взаимоотношения людей (например: *махнуть рукой; обводить вокруг пальца; заговаривать зубы; водить за нос* и т.д.);

- фразеологические единицы, передающие физическое и эмоциональное состояние человека (например: *рвать на себе волосы; кусать локти; волосы встают дыбом; словно мороз по коже; море по колено; валиться с ног; без задних ног* и т.д.);

- фразеологизмы, дающие качественно-оценочную, образную характеристику человека (например: *голова варит; буйная головушка; золотое сердце; мастер на все руки; ветер в голове; губа не дура; семи пядей во лбу* и т.д.);

- фразеологические единицы, отражающие традиционную символику, связанную с частями тела (например: *положа руку на сердце; собрать в кулак; по пальцам можно пересчитать; с мизинец; пожать руку; сидеть сложа руки* и т.д.

- фразеологизмы, указывающие на расстояние (например: *рукой подать; в двух шагах; под носом; под боком* и т.п.);

- фразеологизмы, указывающие на темп движения (например: *в мгновение ока; одним духом; сломя голову* и т.д.).

Вышепредставленными значениями не ограничивается широкий круг семантического поля соматических фразеологизмов, но мы отметили лишь те группы, которые отличаются наибольшей частотностью в языке.

§3.2.1. КЛАССИФИКАЦИЯ СФ ПО ОСНОВНЫМ СОМАТИЧЕСКИМ ГНЕЗДАМ

Поскольку основным объектом нашего исследования являются соматические компоненты в составе фразеологизмов представленной тематической группы, мы решили условно распределить их по отдельным фразеологическим гнездам в соответствии с соматическим компонентом. Организация связанных значений слов в подобного рода фразеологические гнезда-парадигмы во фразеологии не исследовалась, поскольку выделение таких связей предполагает результат, отличный от того, который опирается на связанное значение слова как на фразообразующий компонент сочетаний. А между тем на фоне фразеологических парадигм ключевых слов (стержневых компонентов) отчетливо выступает фразообразующая роль таких слов, а вместе с этим и смысловые признаки слов-компонентов, предопределяющие выбор последних.

Таким образом, выделение нами фразеологических гнезд по соматическому компоненту, хоть и носит условный характер, но при этом позволяет четче классифицировать исследуемый материал.

Итак, внутри самой указанной группы ФЕ могут быть выделены отдельные подгруппы (или «гнезда»). Критерием отмеченной дробной классификации выступает распределение соматических фразеологизмов по отдельным соматическим

лексемам, семантическое наполнение которых служит основой для процесса фразеологизации. Такое положение соматических лексем во фразеологическом фонде языка опирается на их особое место в присущих той или иной культуре формах эмоционально-оценочного и интеллектуального освоения окружающей человека действительности. В свою очередь эта роль определяется местом объектов соматической номинации, т.е. конкретных частей тела и лица, в повседневной жизни людей.

По мнению В.Архангельского, фразеологические обороты образуются главным образом на основе корневой лексики, что ведет к группированию устойчивых сочетаний слов во фразеологические гнезда, объединяющие фразеологические единицы, имеющие в своем составе одно и то же слово в качестве стержневого компонента и реализующие различные виды лексических значений этого слова (Архангельский 1964:64; Шанский 1996:19).

По наличию соматического «указателя» русские СФ распределены нами по 29 фразеологическим гнездам в следующей алфавитной последовательности: **бок, борода, брови, волосы, глаз, голова, грудь, губы, живот, зуб, кожа, кость, кулак, ладонь, лоб, лопатки, мизинец, нога, ноготь, нос, палец, плечо, пятка, рот, рука, спина, шея, ухо, язык.**

Выделенные соматические подгруппы резко отличаются друг от друга по количеству образуемых фразеологизмов и по частотности употребления последних в языке. Отметим

также, что почти во всех указанных подгруппах зафиксированы СФ, относящиеся к разным стилям языка; немало среди них также устаревших и даже почти полностью вышедших из употребления фразеологизмов, встречающихся лишь в художественной речи.

При попытке дифференциации «первичных» (основных, наиболее важных) и «вторичных» соматических гнезд приходится сталкиваться с некоторыми трудностями. Как уже было отмечено, части человеческого тела, номинируемые соответствующими соматическими лексемами, определенным образом связаны с жестикуляционными действиями, а потому и каждая из этих лексем, в зависимости от конкретного функционального значения, по-своему важна. Помимо этого, здесь следует обратить особое внимание на этнокультурологический фактор, во многом предопределяющий степень важности роли того или иного соматического гнезда или отдельных соматизмов-наименований конкретных частей человеческого тела в каждом конкретном из рассматриваемых языков. Так, в одних языках невербальные коды передаются чаще всего одними соматическими лексемами, в других же языках активнее действуют иные гнезда. При этом следует проникнуть в глубь исторического развития языков, учитывая проблему национальной самобытности, обычаи, традиции и привычки наций-носителей изучаемых языков. Вероятность совпадения основных соматических гнезд в плане невербальной семиотики чаще всего допустима в пределах родственных языков,

при проведении же сопоставительного анализа соматических гнезд в русском и армянском языках выявляются определенные несоответствия.

Из всего существующего многообразия соматических гнезд фразеологизмов в настоящей главе нами рассматриваются лишь те из них, которые характеризуются наибольшей частотностью употребления в обоих языках. Общим признаком исследуемых групп СФ является то, что один из составляющих компонентов этих фразеологизмов обязательно восходит к конкретному соматическому существительному. Данное утверждение имеет логическое основание и подтверждается иллюстрируемым материалом: соматический компонент в языке всегда выражается именем существительным.

Рассмотрим некоторые наиболее распространенные соматические гнезда.

Глаз

Соматический компонент фразеологизмов этой подгруппы выражается именем существительным «глаз». Интересно заметить, что подавляющее большинство указанных фразеологизмов использует форму множественного числа существительного «глаз» (глаза). Внутри этой подгруппы зафиксированы также устаревшие фразеологизмы, соматический компонент которых представлен старой формой существительного «глаз» – «око». Например: *око за око; как зеницу ока; пуце ока; в мгновение ока.*

Несмотря на архаичность формы, соматические фразеологизмы, включающие компонент «око», активно используются в современном русском языке и, более того, не имеют современных синонимичных форм.

Приведем примеры СФ с соматизмом «глаз»: *для отвода глаз*; *дурной глаз*; *на глаз*; *не осушать глаз*; *с глаз долой*; *с глазу на глаз*; *бросаться в глаза*; *во все глаза*; *выплакать все глаза* и т.д.

Представленная соматическая подгруппа фразеологизмов особенно характерна для разговорного стиля языка. Внутри выделенной подгруппы отмечается в основном совпадение между исследуемыми русскими СФ и их армянскими эквивалентами.

Сравним, например: «*есть глазами*» – «*աչքերով ուզել*»; «*резать глаза*» – «*աչք ծակել*»; «*не верить глазам*» – «*աչքերին չհավանալ*»; «*вырастать в глазах*» – «*աչքին բարձրանալ*»; «*бросаться в глаза*» – «*աչքի ընկնել*»; «*перед глазами*» – «*աչքերի տակ*»; «*с глаз долой*» – «*աչքից հեռու*»; «*простым глазом*» – «*սովորական աչքով*» и т.д.

Реже отмечаются случаи расхождения, которые, на наш взгляд, обусловлены национальной спецификой каждого из рассматриваемых языков. Сравним, например:

«*во все глаза*» – «*աչքերը չորս արած*»; «*с глазу на глаз*» – «*երես տ երես*» и т.д.

Обратим внимание на синонимическую пару «*простым глазом*» и «*սովորական աչքով*». На первый взгляд, наблюда-

ется некоторое несоответствие в выражении адъективного компонента (простой – սւզորիակա՛ն). Однако при более детальном рассмотрении синонимия двух выделенных прилагательных очевидна: «простой» – это характеристика чего-либо непримечательного, неяркого, обычного. Именно эту «обыденность», непримечательность и отражает армянский адъективный компонент «սւզորիակա՛ն» в составе соответствующего фразеологизма, о чем весьма прозрачно свидетельствует его этимологический состав: «սւզորիակա՛ն» – սյն, ինչը խորդ չէ աչքի հա՛մար.

Голова

В данную подгруппу входят СФ, соматический компонент которых представлен существительным «голова». Вторым компонентом фразеологизмов выделенного типа могут оказаться слова, обнаруживающие принадлежность к разным частям речи: имени существительному, имени прилагательному, глаголу. Отметим, что функцию стержневого (опорного) компонента указанных СФ может выполнять как соматическое существительное «голова», так и другие слова, входящие в состав этих фразеологизмов, иначе говоря, роль доминирующего компонента во фразеологизмах представленной соматической подгруппы не закреплена за каким-либо конкретным компонентом. Фразеологизмы данной подгруппы характерны для разных стилей речи, но среди них перебивают разговорно-бытовые СФ.

Например: *светлая голова; голова на плечах; без царя в голове; ветер в голове; каша в голове; висеть над головой; на голову выше; на свежую голову; не выходить из головы; с ног до головы; как снег на голову; очертя голову* и т.д.

При сопоставительном исследовании аналогичных армянских СФ выясняется, что часть русских фразеологизмов рассматриваемой подгруппы имеет синонимичные соответствия в армянском языке (ср.: *с ног до головы* – *պարից գլուխ*; *голова кружится* – *գլուխը ցլուցլուս է*; *хвататься за голову* – *գլուխը բռնել*; *не выходить из головы* – *գլխից դուրս չգալ*; *отвечать головой* – *գլխով ցլուցլուսիլուսիլ արիլ* и т.д.); другая часть передается с помощью описательных выражений (ср.: *как снег на голову* – *շուր անսպասելի ձևով*; *валить с больной головы на здоровую* – *մեղքը ուրիշի վրա գցել*); третьи употребляются в форме лексических соответствий (ср.: *без царя в голове* – *թերևսմիտ*; *очертя голову* – *գլխից ցլուցլուսիլ* и т.д.). Некоторые же русские соматические фразеологизмы вообще не имеют армянских эквивалентов, что можно объяснить отсутствием в армянском языке конкретных денотатов, реализованных в соответствующих русских СФ: *с повинной головой, хоть кол на голове теши* и т.д.

Нога

В основе соматического компонента фразеологизмов рассматриваемой подгруппы лежит существительное «нога», которое обычно выступает в роли опорного составляющего.

Второй компонент в составе исследуемых СФ чаще всего соотносится с глагольными и адъективными основами.

Например: *становиться на ноги; на дружеской ноге; на равной ноге; бросаться со всех ног; не слышать ног под собой; вверх ногами; вставить с левой ноги; путаться под ногами; сбиваться с ног; шагать в ногу; без задних ног; протянуть ноги* и т.д.

Русские фразеологизмы с опорным соматизмом «нога» в армянском языке не всегда имеют идентичное соответствие.

Сравним, например: *едва держаться на ногах* – *հազիւ պիքի վրի վրի Կանգնելի*; *вставить с левой ноги* – *ծախի պիքից վեր կենիւ*; *ноги не будет* – *պիք չի դի* и т.п.

Но: *бросаться со всех ног* – *փախչելի*; *на дружеской ноге* – *մերերիւ լինելի*; *перевернуть вверх ногами* – *շուք վրի*; *уносить ноги* – *փախչելի*; *в ногу* – *համընթաց*.

При более глубоком анализе нетрудно выяснить, что большинство последних армянских эквивалентов соответствующих русских СФ хоть и не содержат материально выраженного соматизма «*пир*», но имплицитно соотносятся с ним. Так, выражения «*համընթաց քայլելի*» («идти в ногу») или «*փախչելի*» («уносить ноги») подразумевают движения, выполняемые именно нижними конечностями.

Рот

Фразеологизмы, входящие в выделенную соматическую подгруппу, содержат в качестве обязательного компонента

соматическую лексему «рот». Поскольку же рот является органом, отвечающим за такие важные в жизни человека функции, как говорение, употребление пищи, коммуникация, то можно предположить, что и тематическое многообразие фразеологических единиц данной подгруппы будет непосредственно связано с основным лексическим значением слова «рот». Многообразие фразеологических единиц с выделенным соматическим компонентом зависит прежде всего от функции данного органа в жизни человека. Большей частью это образные метафорические обороты речи, в основе которых лежат наблюдения за поведением человека. Со всеми значениями существительного «рот» имеются фразеологические обороты, которые образованы в результате семантического преобразования обычных сочетаний слов.

Например: *лишний рот; маковой росинки во рту не было; не брать в рот; смотреть в рот; тает во рту; набрать в рот воды; рта не раскрыть, затыкать рот* и т.д.

Однако сам факт присутствия лексемы «рот» в составе той или иной фразеологической единицы еще не является доказательством участия семантических составляющих данной лексемы в значении всего фразеологического оборота. В том случае, когда мы имеем дело с полным переосмыслением значения словосочетания, лежащего в основе фразеологического единства, можно говорить о нейтрализации собственно лексического значения компонента «рот». Анализ подобных фразеологических единиц показал, что таких примеров не-

много. Этот факт свидетельствует прежде всего о высокой способности лексемы «рот» мотивировать фразеологизмы, участвовать в процессах переосмысления семантического сдвига. Исходя из конкретных функций, присущих соматизму «рот», фразеологизмы данной подгруппы можно распределить по более дробным группам:

- «рот» в значении органа говорения;
- «рот» в значении органа приема пищи;
- «рот» как часть лица, участвующая в передаче информации с помощью мимических действий;
- случаи полного переосмысления значения знаменательного компонента «рот» в составе фразеологизма.

Интересно отметить, что фразеологизмы, семантика которых тем или иным образом связана с функциями, присущими соматическому существительному «рот», не всегда включают указанную лексему. Однако даже материальное отсутствие компонента «рот» в подобных случаях не влияет на правильное восприятие семантики соответствующих фразеологизмов: указанный компонент в таких фразеологизмах реализуется опосредованно, через иные соматизмы, так или иначе связанные с функциями органа «рот». В некоторых же фразеологизмах анализируемого типа можно заметить и вовсе отсутствие какого-либо соматического компонента, и в таких случаях семантику соматизма «рот» следует искать среди лексического окружения данного фразеологизма и прежде всего – в его глагольном компоненте, зачастую концентри-

рующем в себе большинство функций органа «рот» (например, глаголы «есть», «кушать», «говорить», «спорить», «общаться» и др.).

Внутри представленных нами основных функций органа «рот» можно выделить более узкие, частные функции.

1. **Функция говорения** может включать следующие значения:

- **болтливость** («чесать язык»);
- **что-то надоедливо твердить** («натереть себе мозоль на языке»);
- **красноречивость** («язык хорошо подвешен»);
- **молчаливость** («рта не раскрыть»; «набрать воды в рот»);
- **умение контролировать себя в разговоре** («держат язык на привязи»);
- **одновременно говорить** («в один голос»).

2. **Функция приема пищи** может разбиваться на следующие значения:

- **жадность** («есть за обе щеки»; «считать куски у кого-то во рту»);
- **экономность** («поджимать живот»);
- **бедно жить** («перебиваться с хлеба на квас»);
- **раздражать аппетит** («пальчики оближешь»; «слюнки потекли»).

3. Мимическая функция многообразна:

- **брезгливость** («*поджимать губы*»);
- **сильное удивление** («*разинуть рот*»);
- **принужденный смех** («*сложить губы трубочкой*»);
- **обида** («*надуть губки*»);
- **усмешка** («*смеяться в бороду*»).

Как видно из примеров, многие из представленных фразеологизмов не содержат соматизма «рот», и тем не менее во всех них последний имплицитно содержится.

При соотнесении рассмотренных фразеологизмов с их армянскими эквивалентами заметных расхождений не наблюдается.

Сравним, например: *разинуть рот* – բերանը բաց լինի; *набрать в рот воды* – բերանը ջրը հալարել; *заткнуть рот* – բերանը փակել и т.д.

Итак, мы убедились, что подавляющая часть фразеологизмов представленной подгруппы использует для образования своей семантической ткани какую-либо из сем лексемы «рот». Мы попытались сгруппировать фразеологизмы данного соматического гнезда на основе выделения той семы компонента «рот», которая легла в основу их семантики. В итоге оказалось, что наиболее продуктивной в смысле потенциалов к фразеологической мотивации оказалась сема, связанная со значением лексемы «рот» как органа говорения. И это вполне объяснимо, т.к. именно эта сема отражает одну из наиболее

важных в жизни человека функций рта как средства осуществления вербальной коммуникации.

Рука

Соматический компонент исследуемой подгруппы СФ представлен существительным «рука». Собранный фразеологический материал позволяет заключить, что в составе фразеологизмов указанного типа могут использоваться обе формы числа данной соматической лексемы. Второй компонент таких фразеологизмов обнаруживает принадлежность к разным частям речи, среди которых наибольшей частотностью характеризуются глагольные и адъективные основы.

Например: *рука об руку; по рукам; руки коротки; прибрать к рукам; с пустыми руками; золотые руки; мартать руки; от руки; развязывать руки; под рукой; руки чешутся; сложа руки; играть на руку; набивать руку; на скорую руку; поднимать руку; сходить с рук* и т.д.

Соотносительные пары русских и армянских СФ внутри данной соматической подгруппы в основном обнаруживают совпадение.

Сравним, например: *рука об руку – ձեռք ձեռքի; протянуть руку – ձեռք մեկնել; набивать руку – ձեռքը վարժեցնել; руки чешутся – ձեռքերը քրք են գալիս; сложа руки – ձեռքերը ծալած; золотые руки – ոսկի ձեռքեր* и т.д.

Как видно из примеров, в рамках рассматриваемой подгруппы часто встречаются фразеологизмы в форме пред-

ложно-падежных сочетаний с одним-единственным знаменательным компонентом – соматизмом «рука». Сравним: *под рукой; от руки; по рукам; в руках; на руку* и т.д.

Наличие подобных предложно-падежных сочетаний свойственно и фразеологизмам, входящим в соматическое гнездо «нос» (например: *под носом; в нос; из-под носа; на носу* и т.д.).

Фразеологизмы данной подгруппы обнаруживают очевидное структурно-семантическое сходство с фразеологизмами, относящимися к соматическому гнезду «нога», что, вероятно, можно объяснить тем, что оба соматизма («рука» и «нога») обозначают названия человеческих конечностей: верхней и нижней. Данная соматическая лексема определенным образом связана и с жестикуляцией: с помощью рук можно выразить разные чувства и состояния (ср.: *разводить руками – удивление, недоумение; руки опускаются – отчаяние; сложа руки – безделье; поднять руку – замахиваться, покушаться; махнуть рукой – отстать; положить руку на сердце – искренность; по рукам – соглашение* и т.д.).

В основе многих армянских фразеологизмов, входящих в эквивалентное соматическое гнездо «*ձեռք*», также лежит элемент символики. Например: *ձեռքը սեղմել; ձեռքով անել; ձեռք բարձրացնել; ձեռքը արգիլն դրած; ձեռքերը ծալած* и т.д.

Язык

Подгруппа СФ с соматическим компонентом «язык» также весьма широко распространена в языке. Среди фразеологизмов данной подгруппы преобладают в основном глагольные фразеологизмы. Внутри указанной группы зафиксированы СФ, заимствованные из старославянского языка («*притча во языцех*»). Большинство же фразеологизмов этой подгруппы принадлежит к разговорно-бытовому стилю языка. Для многих СФ рассматриваемого типа характерно явление синонимии, что свидетельствует об активном функционировании данных фразеологизмов в речи.

Рассмотрим примеры: *язык без костей; высунув язык; длинный язык; держать язык за зубами; проглотить язык; находить общий язык; говорить на разных языках; язык не поворачивается; язык заплетается; язык отнялся; срываться с языка* и т.д.

Армянские фразеологизмы данной соматической подгруппы включают в свой компонентный состав эквивалентное соматическое существительное «լեզու». При сопоставлении их с соотносительными русскими СФ в основном наблюдается совпадение, однако, как и в предыдущих подгруппах, здесь также встречаются несоответствия, и это вполне естественно, поскольку речь идет о разных языках, фразеологические системы которых (как и языковая система, в общем) подчиняются разным принципам, а также предопределяются национальной спецификой.

Сравним, например: *проглотить язык* – *ἔφαγόν ἑνὶ γλῶσσει*; *дать волю языку* – *ἔταξεν ἡσυχαστικῶς τὸν γλῶσσει*; *злой язык* – *ζῆλον ἔφαγε*; *находить общий язык* – *ῥητήριον ἔφαγε ἀλλήλοις*; *длинный язык* – *ἐπιγλῶσσει ἔφαγε*.

Но: *наступать на язык* – *ἔπιβηκεν*; *чесать язык* – *ζῆλον ἔφαγε*; *язык хорошо подвешен* – *ἐπιγλῶσσει ἔφαγε*; *язык на плече* – «*ἠπείσθη*» и т.д.

Следует отметить, что для исследуемой соматической подгруппы фразеологизмов характерна высокая степень метафоризации.

При более подробном анализе можно говорить об определенной семантической связи фразеологизмов данной подгруппы с фразеологизмами, входящими в соматическое гнездо «рот», что объясняется общностью функции соматизмов, входящих в указанные подгруппы: обе эти лексем-соматизмы («рот» и «язык») выступают в роли наиболее активных посредников в актах говорения и вкусового восприятия.

Интересно заметить, что помимо семантического значения конкретных фразеологизмов, входящих в разные соматические гнезда, каждое из указанных гнезд характеризуется своей «внутренней», имплицитной семантикой, распространяемой на семантику всего фразеологизма в целом. Последняя в известной степени обусловлена функциями и символикой соответствующих лексем-соматизмов.

Так, к примеру, соматическое гнездо «рука» включает по преимуществу фразеологизмы, обозначающие выполнение важных действий. Думается, это связано именно с основной функцией соматического компонента рассматриваемых фразеологизмов, указывающего на верхнюю человеческую конечность, участвующую в выполнении наиболее важных действий, а именно: брать, давать, отнимать, поднимать, опускать, дарить, вырывать, хватать, бить, резать и т.д.

Наоборот, соматизм «нога», обозначающий нижнюю конечность, участвующую в координации движений, употребляется в тех случаях, когда речь идет о согласованности, ритмичности действий.

Фразеологическое гнездо «голова» объединяет соматические фразеологизмы, определенным образом связанные с умственной деятельностью: здесь проявляется семантика лексемы «голова» как мыслительного аппарата.

Все фразеологизмы, относящиеся к соматическому гнезду «сердце», чувственно окрашены, что опять-таки обусловлено семантикой выделенного соматизма.

Интересно проследить за семантикой соматической лексемы «глаз», лежащей в основе многих фразеологизмов исследуемой тематической группы. Логический анализ позволяет утверждать, что именно через указанный соматизм происходит распределение конкретных функций между многими другими соматическими гнездами. Первоначальное знакомство с предметом или явлением у человека происходит с помо-

щью органа зрения. Это внешнее представление о предмете, визуальное впечатление. Затем от зрительного органа информация в виде сигнала поступает в другие органы: в основном это голова (мозг) и сердце. В свете представленных рассуждений можно объяснить появление в языке таких СФ как «*войти в сердце*»; «*выкинуть из сердца*»; «*выкинуть из головы*» и т.д.

Как уже было отмечено, соматические фразеологизмы, подобно другим фразеологическим единицам, представляют собой устойчивые сочетания слов, состоящие из двух и более компонентов. При этом один из компонентов СФ выступает в роли опорного, стержневого, а другой (или другие) составляет его лексическое окружение.

Понятие опорного, доминирующего компонента СФ в нашем восприятии сливается с понятием смыслового центра фразеологизма, ибо именно доминирующий компонент формирует семантику всего фразеологизма в целом. Установление смыслового центра фразеологизма непосредственно связано с процессом деактуализации компонентов последнего. Однако в языке не существует фразеологизмов, все компоненты которых деактуализованы. Процесс деактуализации затрагивает лишь один из компонентов фразеологизма, другой же его компонент (исключительно опорный) сохраняет определенную связь с соотносительным словом свободного употребления и выполняет смыслообразующую функцию. Например: *длинный язык*; *мозолить глаза*; *валиться из рук*;

рука не дрогнет; вешать нос; задирать нос; защищать грудь; морочить голову; выдавать себя с головой и т.д.

В представленных примерах соматические компоненты максимально деактуализованы и почти не влияют на смысл соответствующих СФ. Наоборот, слова «длинный», «мозолить», «валиться», «не дрогнет», «вешать», «задирать», «защищать», «морочить», «выдавать» проявляют очевидную связь с соответствующими словами свободной лексики и определяют смысл всего фразеологизма. Иначе говоря, в выделенных фразеологизмах в роли опорных компонентов выступают не соматические, а другие компоненты.

Сравним с армянским: *длинный язык* – երկար լեզու; *вешать нос* – «քիթը կախել»; *задирать нос* – քիթը փնկել; *защищать грудь* – կրծքով սաշարկանել и т.д.

Между представленными армянскими соматическими фразеологизмами и их русскими эквивалентами наблюдается полное совпадение в плане выражения опорного компонента. В ряде же случаев отмечаются заметные расхождения между исследуемыми парами русских и армянских СФ.

Сравним, например: *морочить голову* – գլուխը փանել; *затыкать рот* – բերանը փակել.

В данных армянских фразеологизмах оба компонента выступают как смыслообразующие, и здесь высока степень метафоризации глагольного компонента, что отражается на фразеологизме в целом.

Итак, на основании исследования конкретного материала можно заключить, что деактуализация внутри соматических фразеологизмов (если она имеет место в каждом конкретном случае) может затрагивать только один из компонентов фразеологизма; чаще же всего оба компонента (или все компоненты) выступают как «равноправные».

Например: *тупун на язык* (լեզուն ւիւշիւնծւի); *хлопать ушами* (ալիւնջնեղը կախել); *язык развязался* (լեզուն բացւել); *язык не поворачивается* (լեզուն չի պտտւում); *язык проглотить* (լեզուն կուլ ւրի); *голова работает* (գլուխն աշխատում է) и т.п.

Во фразеологических словарях русского и армянского языков зафиксированы также СФ с повторяющимся соматическим компонентом (например: *рука об руку* – ձեռք ձեռքի; *бок о бок* – կողք կողքի; *плечом к плечу* – քիւ քիւի; *лицом к лицу* – երեսն առ երեսն; *нос в нос* – քիթ քիթ и т.д.), прояснению семантики которых способствует именно повтор его единственного знаменательного компонента. Предлоги же (об, о, к, в), как и все другие служебные компоненты, оторваны от семантики и играют лишь связующую роль.

Синонимичные армянские соматические фразеологизмы образованы беспредложным способом, что продиктовано грамматическим строем данного языка.

Определенный интерес в плане установления смыслового центра представляют однословные соматические фразеологизмы (например: *на носу*; *под носом*; *за спиной*; *в руках*; *за*

глаза; в глаза; под боком; под рукой; на глазах; в кулаке и т.д.). На первый взгляд, поиск опорного, господствующего компонента (смыслового центра) во фразеологизмах подобного типа представляется бессмысленным и абсурдным. Однако при более серьезном исследовании нетрудно выяснить, что в отличие от вышеуказанных СФ с повторяющимся соматическим компонентом функция предлогов в однословных соматических фразеологизмах несколько иная: они не просто связывают слова, а способствуют конкретизации, уточнению семантики соответствующих фразеологизмов.

Так, фразеологизм *«под носом»*, благодаря именно семантическому наполнению предлога «под», который означает «ниже определенного уровня», приобретает известное значение. Или, к примеру, в СФ *«на носу»* предлог «на» в значении «на поверхности», присоединяясь к знаменательной лексеме-соматизму «нос», получает значение близости расположения. В подобных случаях, возможно, следует говорить о частичной деактуализации предлогов. Семантику вышепредставленных соматических фразеологизмов нужно воспринимать в структурном комплексе, соответствующем модели **«предлог + соматизм + лексема-сопроводитель»**. Последний элемент представленной модели может быть материально выраженным или подразумеваемым компонентом. В самом деле, почти все фразеологизмы этого типа обычно выступают в привычном окружении слов-сопроводителей. Мы умышленно употребили адъектив «привычный», поскольку это окружение

в каждом конкретном случае обычно кажется настолько знакомым, что часто может и не быть зафиксировано, но обязательно подразумевается носителями данного языка.

По мнению некоторых ученых, семантическая несамостоятельность слов с фразеологически связанными значениями препятствует выполнению ими символической функции языка – функции обозначения. В этих случаях данную функцию выполняет фразеологическое сочетание в целом, включая указанные слова. Отмечая, что ограничения на сочетаемость слов в составе фразеологизмов накладываются языком, фразеологи утверждают, что эти ограничения не могут быть представлены в виде каких-либо обобщенных правил, и за исходное при описании семантики сочетаний и ограничений в сочетаемости их слов-компонентов следует принимать слово со связанным значением. Проблема выбора одних компонентов и «блокировки» других здесь снимается за счет апелляции к воспроизводимости фразеологизмов в готовом виде и к нормативным ограничениям в сочетаемости связанных значений слов, поскольку их семантика лишена номинативной ценности. Как известно, еще В. Порциг заметил, что значение слова может самым непосредственным образом подсказывать его «существенные связи», соответствующие «природной» предрасположенности реалии, обозначаемой словом, к некоторым ее проявлениям, например: «рука» – хватать; «глаза» – смотреть и т.д. (приводится по Шафикову 1999).

Исследование семантических закономерностей сочетаемости на основе выявления лексических валентностей слова шло по пути расширения диапазона понятия таких существенных связей. Приверженцы отмеченного взгляда, основываясь на предикатные слова, считают, что некоторые слова с атрибутивным или процессуальным значением существуют в определенной лексико-семантической парадигме благодаря наличию других слов, целиком входящих в значение первых (например: «шагать» – двигаться с помощью ног; «кусать» – помощью зубов и т.п.), за счет чего между такими двумя словами устанавливаются в синтагматике отношения лексической импликации (ср.: шагать ← ногами; кусать ← зубами и т.п.).

Однако подобная синтагматическая зависимость не является всеобъемлющей. Она актуальна лишь для обладающих таким типом значения, который описывает свойства класса референтов и семантика которых может поэтому имплицировать признаки, несущие информацию о свойствах самих референтов, т.е. избирать лексических «партнеров» по сочетаемости на основе таких референтных пресуппозиций. Но понятие «лексической солидарности» приобретает заметную неопределенность, когда речь идет о закономерностях сочетаемости слов с абстрактным значением (например: *любить*, *чувствовать*, *надеяться*, *мечтать* и т.д.), где связи не ограничены привычным кругом лексических единиц. Слова последнего типа могут сочетаться с целым рядом слов, зачас-

тую не имеющих ничего общего в семантическом плане. Возможность такого типа сочетаний, вероятно, объясняется их переосмыслением, метафоризацией, а также ассоциативно-синтагматическими связями (сравним, например: «*указующий перст*» и «*перст судьбы*»).

Ассоциативные связи по смежности запрограммированы структурой мышления и актуализируются в значениях слов. Синтагматические пресуппозиции, отражая логические законы мышления о мире, играют весьма существенную роль в переосмыслении несвободной сочетаемости.

Сравним, например, соматические фразеологизмы «*завязать глаза*» и «*завязать руки*», семантика которых предопределена ограничительным значением глагола «завязать», который в результате переосмысления вызвал к жизни выделенные связанные сочетания. С другой стороны, иное переосмысление значения того же глагола породило словосочетания с новой семантикой. Например: *завязать дружбу; завязать роман; завязать войну* и т.д. В последних примерах очевидна семантика начала действия, хотя общеизвестно еще одно значение этого глагола: конец действия.

Законы сочетаемости слов, отражающие предметно-логические связи наблюдаемого и чувственно воспринимаемого мира и закономерности сочетаемости слов, основанные на коннотативных их пресуппозициях, отображающих ассоциативные связи, присущие словам, обозначающим невидимые объекты, распределены в языке по противоположным

сферам семантики – экстенциональной, где сочетаемость регулируется свойствами самих обозначаемых и интенциональной, где обозначаемые не являются непосредственно воспринимаемыми в ощущениях элементами действительности, и сочетаемость слов здесь регулируется такими свойствами обозначаемых, которые приписываются им сознанием на основе аналогии с элементами предметного ряда.

Например, в СФ *«жмурить глаза»* действие, названное глагольным компонентом, однозначно может быть выполнено именно соматизмом «глаза». Наоборот, фразеологизмы *«белая кость»*, *«большая рука»*, *«золотое сердце»* и другие относятся к интенциональной сфере семантики, т.е. они возникли по ассоциации с подобными, уже существующими в языке фразеологизмами, а также могли быть результатом человеческих представлений о данных понятиях, а не отражением их материальных свойств. Так, по всей вероятности, семантика фразеологизма *«белая кость»*, указывающая на знатность происхождения, сформировалась в результате нашего представления о прилагательном *«белый»* как о символе чистоты, светлости. Отсюда понятно наличие в языке антонимичного фразеологизма *«черная кость»*. То же самое можно сказать и относительно фразеологизма *«золотое сердце»*, появление которого связано с представлением о прилагательном *«золотой»* как о чем-то прекрасном, блестящем, ценном, что в свою очередь продиктовано ассоциативной связью: золото – благородный драгоценный металл.

§3.2.2 ДВА ПОДХОДА К КЛАССИФИКАЦИИ СФ

У каждого типа фразеологических единиц имеются свои семантические особенности (например, мотивированность/немотивированность значения). Но у них имеются и некоторые общие черты: та или иная степень переосмысления значения и фразеологической абстракции, основанная на раздельно-оформленности целого и цельнооформленности частей во фразеологических структурах. Буквальное значение компонентов фразеологических единиц, а также буквальное или переосмысленное значение их прототипов – составная часть семантической структуры мотивированного фразеологизма.

Хотя фразеологизмы и уступают словам в отношении многозначности, семантическая структура фразеологических единиц также чрезвычайно сложна. Это объясняется переосмысленным характером фразеологического значения, переплетением в нем различных аспектов, раздельнооформленностью фразеологизмов и сложностью их структуры, диапазон которых охватывает обороты от одновершинных фразеологических единств до сложных предложений. Главный путь преобразования фразеологического значения – переосмысление при вторичной фразеологической номинации, которое бывает простым и сложным. Путем простого переосмысления образуются фразеологические единицы, прототипом которых являются переменные словосочетания или предложения, значениями которых они опосредованы. Самый распространен-

ный вид переосмысления в этом случае – метафорическое переосмысление, т.е. перенос наименования с одного денотата на другой, с ним ассоциируемый, на основе реального или воображаемого сходства.

Переосмысление фразеологической единицы может быть основано и на совокупности буквальных значений ее компонентов в тех случаях, когда переменный прототип не употребляется в языке. Подобные обороты являются обычно яркими образцами фразеологического новаторства.

Сложное переосмысление при вторичной фразеологической номинации, подобно простому переосмыслению, возникает в результате преобразования буквального значения прототипа, но с обязательным присутствием осложняющего фактора, каковыми могут являться немотивированность значения фразеологической единицы, ассоциации с экстралингвистическими факторами.

Каждое переосмысление – образное семантическое преобразование, но не каждое семантическое преобразование является переосмыслением. Переосмысление возникает как окказиональное семантическое преобразование прототипа будущего фразеологизма, т.к. он находится еще в своей потенциальной стадии и не является единицей языка. Когда потенциальный фразеологизм, дополняясь элементами устойчивости, становится единицей языка, семантическое преобразование теряет свой окказиональный характер и переходит в узуальное явление.

Основными параметрами переосмысления являются: полное или частичное преобразование, его зависимость от характера переменного прототипа или от буквального значения компонентов потенциального фразеологизма. Техника переосмысления заключается в том, что старая форма используется для вторичного наименования путем переноса названий и семантической информации с денотатов прототипов фразеологических единиц на денотаты самих фразеологических единиц.

В числе важнейших и неотъемлемых признаков соматических фразеологизмов, как и всех остальных тематических групп фразеологизмов, выделяются семантическая слитность и структурная целостность (Мрикария 1999; Лайпанова 2007; Васильева 1986; Вахрушева 2007). Указанные две особенности СФ тесно взаимосвязаны, переплетаются друг с другом, подчас даже взаимообусловлены, что дает нам основание объединить их под общим понятием «структурно-семантическая целостность СФ». В свою очередь, понятие структурно-семантической целостности фразеологизма связано с другими его свойствами (метафоричностью, деактуализацией компонентов) и может быть раскрыто лишь в свете последних.

Наблюдения над фактическим материалом показывают, что при метафоризации свободных словосочетаний входящие в их состав компоненты подвергаются семантической деактуализации и утрачивают денотативную направленность,

вследствие чего часто становится невозможным установление их собственного значения. Степень деактуализации компонентов соответствующих фразеологизмов постоянно колеблется, и условно можно выделить три степени деактуализации: сильная (полная), средняя (частичная) и слабая (почти неуловимая).

Например, во фразеологизмах *комар носу не подточит; только пятки сверкают; утереть нос; хоть кол на голове теши; чувство локтя; язык проглотишь* наблюдается полная деактуализация компонентов, вследствие чего их собственное значение полностью расходится с собственным значением соответствующих свободных словосочетаний.

Наоборот, собственное значение СФ *под носом; рукой подать; бок о бок; на дружеской ноге; руки коротки; как гора с плеч; марть руки; молоко на губах не обсохло; на лбу написано; не отрывать глаз* и т.п. легко соотносится с соответствующими свободными словосочетаниями именно в силу слабой деактуализации компонентов.

С понятием «деактуализация» переплетается понятие «внутренняя форма», давно укоренившееся в лингвистике. Еще Фердинанд де Соссюр упоминал о существовании «внутренней формы» у слова (Соссюр 1977). В. Гумбольдт считал, что внутренняя форма вытекает «из духа народа или национальной духовной силы» (Гумбольдт 2000:132; см. также: Астахова 1990; Вайсгербер 2004; Филипенко 2002). Исследование способа организации внутренней формы – одна из харак-

терных черт постклассического периода развития фразеологии, о чем свидетельствуют работы, проводимые как в синхронно-сопоставительном плане, целью которых является сопоставление фразеологизмов разноструктурных языков на уровне идентичности или сходства лежащих в их основе образов (Солодуб 1985), так и в плане диахроническом (Мокиенко 1973; Кругликова 1998). С развитием языка интерес к этому понятию стал усиливаться, и в современной теории языкознания учение о «внутренней форме» языковых единиц стало неотъемлемой частью науки о языке в целом. Так, Ю.А. Гвоздарев определяет внутреннюю форму как ближайшее этимологическое значение языковых единиц (Гвоздарев 1978); В.Г. Гак и А.М. Мелерович считают внутренней формой контрастный признак, связывающий название с его источником (Гак 1977; Мелерович 1980). Более того, по мнению В.Г. Гака, «внутренняя форма фразеологизмов является образным или символически-образным представлением их значения. Основная особенность внутренней формы состоит в том, что она способна вызвать определенные ассоциации у говорящего и у адресата и тем самым осуществить акт коммуникации» (Гак 1983:121).

Как и любая языковая единица, фразеологизм также имеет «внутреннюю форму», внутренний смысл. В.П. Жуков считает, что внутренняя форма обуславливает общее (целостное) значение фразеологизма и во многом определяет до-

бавочные семантические оттенки, накладываемые на основные (Жуков 1978).

Осознание важности мотивационной обоснованности фразеологизмов диктует необходимость исследования самой образной структуры внутренней формы – ее метафоричности, «символичности».

Под «внутренней формой» фразеологизма вообще и СФ, в частности, мы понимаем то скрытое, имплицитное содержание, которое чаще всего не выводится ни из семантического значения составляющих компонентов, ни из их лексического значения.

Одним из наиболее эффективных методов раскрытия «внутренней формы» фразеологизма является аппликация, основанная на наложении фразеологизма на соответствующее свободное сочетание слов и выявление таким путем разницы между ними. Поскольку целостность, неразложимость (невыводимость) считаются одними из обязательных отличительных признаков фразеологизма, то отсюда вытекает естественный вывод о том, что значение последнего нельзя вывести из значений составляющих его компонентов. Однако данный вывод не является категоричным, поскольку, как уже было отмечено выше, фразеологизмы со слабой степенью деактуализации компонентов определенным образом соотносятся с соответствующими словосочетаниями, включающими лексику свободного употребления. Иными словами, абсолютная невыводимость значения фразеологизма из значений со-

ставляющих его компонентов относится лишь к фразеологизмам с сильной степенью деактуализации. В подобных случаях установление собственного значения фразеологизма возможно с помощью обращения к его внутренней форме.

Так, к примеру, значение СФ *«на короткой ноге»*, отличающегося высокой степенью деактуализации, нетрудно вывести, обращаясь к его внутренней форме, которая в данном случае predeterminedена метафоричностью доминирующего адъективного компонента **«короткий»**. При этом здесь наблюдается интересная тройная взаимосвязь между метафоричностью, деактуализацией и внутренней формой.

Напротив, семантика синонимичного СФ *«на дружеской ноге»* не связана с его внутренней формой, а вытекает из значения адъективного компонента **«дружеский»**, свободного от метафоричности и лишённого деактуализации.

Семантическая слитность соматических фразеологизмов в значительной степени обеспечивается также непроницаемостью их структуры. Так, фразеологизмы *сломя голову; рукой подать; краем уха; мастер на все руки; золотое сердце; медный лоб; буйная головушка* и другие исключают вклинивание в свой компонентный состав дополнительных лексем. В других же случаях такое вклинивание вполне возможно, допустимо, а в некоторых случаях даже характерно.

Исследование конкретного фразеологического материала показывает, что в подавляющем большинстве случаев соматические фразеологизмы характеризуются фразеологически

связанным значением, намного реже семантическое поле СФ бывает связано с предметно-логическим денотатом, а потому и может иметь относительно свободное значение.

Поясним это на конкретных примерах.

Например, СФ *«из рук в руки»* может присоединять (включать в свой состав) не любой глагол, а лишь глаголы **передавать, переходить**; фразеологизм *«на волоске»* может вступать в связь только с глаголами **висеть, держаться**; соматические фразеологизмы *«на руку»*; *«как гора с плеч»*; *«во все лопатки»*; *«во все горло»*; *«в поте лица»*; *«голыми руками»*; *«невооруженным глазом»*; *«во все уши»* функционируют соответственно в соединении с глаголами **играть, упасть/свалиться, бежать/мчаться, кричать/орать, работать/трудиться, брать/хватать, видеть, слушать**.

В противовес вышепредставленным фразеологизмам со связанными значениями, СФ со свободными значениями способны к более широким связям. Например:

не лезет в горло (матери, никак);
вешаться на шею (ему, насильно, без стыда);
язык развязался (у друга, вдруг, неожиданно);
мерить глазами (соперника, презрительно);
срываться с языка (у него, невольно, вдруг).

Однако необходимо отметить, что в данном случае ряд присоединяемых слов не может быть неограниченным, поскольку речь идет об относительно, а не абсолютно свободном значении.

Аналогичная картина наблюдается и при исследовании соотносительных армянских соматических фразеологизмов. Например:

լոկորդով մեկ (գոռալ/ բղավել); *անգեն ասքով* (տեսնել/երևալ); *ծեռքից ծեռք* (անցնել/ գնալ/ ընկնել).

Но: *լեզուն բացվեց* (ընկերոջ, հանկարծ); *լեզվից թոցնել* (իր, ակամայից, հանկարծակիորեն); *վզին փաթաթվել* (նրա, գոռով, անամոթաբար) и т.д.

Итак, мы убедились, что наряду с другими свойствами взаимосвязанность компонентов и непроницаемость компонентного состава СФ во многом влияют на степень семантической слитности последних. Нарушение этой взаимосвязанности обычно приводит к утрате фразеологизмом присущего ему семантического значения.

Компоненты фразеологизмов не могут быть квалифицированы как отдельные слова, принадлежащие к той или иной части речи. В составе фразеологизмов они в разной степени утрачивают свои словесные свойства: предметную соотнесенность, отдельное лексическое значение, живые синтаксические связи и функции, грамматические категории и словообразовательные возможности, являясь по сути уникальными словоформами особого рода, представляющими одну целостную языковую единицу.

Поскольку ни один из компонентов фразеологической единицы, взятый в отдельности, не закреплен за десигнатом или денотатом, и только все ее материальное выражение в

целом связано с ними, в распоряжение грамматики поступают не отдельные компоненты, а все фразеологическое единство, выступающее в предложении в качестве самостоятельной и неразложимой семантико-грамматической единицы. Последняя в отличие от слова как определенной части речи имеет не синтетический, а дискретный характер выражения категориально-грамматического значения.

При выделении семантико-грамматических разрядов фразеологических единиц среди ученых нет единого мнения ни о принципах грамматической классификации фразеологического материала, ни о количественном составе выделяемых разрядов. Часто категориально-грамматическая квалификация фразеологизма основывается на толковании его значения. Другая часть ученых в качестве критерия семантико-грамматического определения фразеологизма выдвигает морфологический признак – форму его грамматически господствующего компонента. Некоторые же ученые главное внимание уделяют семантико-синтаксическим функциям фразеологизмов.

При выявлении категориальной сущности фразеологической единицы в известной степени может также быть использован метод идентификации. Категориально-грамматическое значение многих СФ соответствует их фразеологическому значению и в этом смысле предопределяется лексико-грамматическим значением слова-идентификатора или опорного слова описательного оборота, с помощью которого интерпре-

тируется фразеологическое значение. Например, значение соматического фразеологизма «*прикусить язык*» соответственно передается глаголом **замолчать**.

Однако подобное сопоставление не всегда является надежным критерием определения категориально-грамматической природы фразеологических единиц. Дело в том, что в семантико-грамматическом плане фразеологическая единица и слово, несмотря на существующую между ними содержательную и функционально-грамматическую близость и соизмеримость, представляют собой разные единицы языка. В отличие от лексического значения, органически и тесно связанного с категориально-грамматическим значением в структуре слова, фразеологическое значение связано с грамматическим значением не так заметно, что объясняется отдельно оформленным строением фразеологических единиц. В связи с этим значения многих фразеологизмов трудно (или невозможно) передать с помощью слова (или описательного оборота) соответствующего категориально-грамматического типа. Опора только на фразеологическое значение создает опасность искажения общего грамматического облика фразеологической единицы, т.к. категориальная характеристика единицы целиком зависит в этом случае от ее семантической интерпретации, от выбора «формулы» толкования ее значения, и в этом случае элемент субъективизма неизбежен: в зависимости от авторского восприятия значение одной и той же фразеологической единицы может быть передано словами,

принадлежащими к разным частям речи, близким по лексическому значению.

При причислении фразеологической единицы к тому или иному семантико-грамматическому типу недостаточно только одного критерия – семантического, морфологического или синтаксического, а необходим комплексный подход, который предопределяется многоаспектной и сложной природой фразеологической единицы.

Семантико-грамматические группировки фразеологических единиц, выражая одни и те же категориальные значения, во многом изоморфны друг другу и в грамматическом отношении сосуществуют в одной плоскости, соприкасаясь и контактируя друг с другом.

Однако фразеологические единицы, представляя собой вторичные по отношению к словам образования, являются в языке самостоятельным и особым семантико-грамматическим средством номинации, не повторяющим и не дублирующим части речи.

Итак, несмотря на существование множества разных мнений относительно установления главных семантико-грамматических критериев фразеологических единиц, их можно свести к двум основным точкам зрения.

По мнению сторонников одного из этих направлений, показателем категориального значения фразеологизма является его грамматически господствующий компонент, выражаю-

щий наиболее обобщающее значение: процессуальность, предметность, качество и т.д. (Жуков 1978: 30).

Представители другой точки зрения склонны считать критерием категориального значения не тот грамматически доминирующий компонент, который фактически реализован в соответствующем фразеологизме, а ту материально нереализованную единицу, с которой непосредственно соотносится данный фразеологизм, и в этом случае фразеологизм сопоставляется с эквивалентными лексическими или синтаксическими единицами языка: словом, словосочетанием, предложением.

С позиций первого подхода СФ *«очертя голову»*, *«во все горло»* следует рассматривать в группе субстантивных фразеологизмов; сторонники же противоположной точки зрения квалифицируют их как адвербиальные фразеологизмы, основываясь на их семантической соотнесенности с наречиями **быстро** и **громко**.

§3.2.3 КЛАССИФИКАЦИЯ СФ ПО ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В рамках настоящего исследования мы представляем обе вышеупомянутые точки зрения относительно категориальной принадлежности анализируемой тематической группы фразеологизмов и проводим соответственно две классификации соматических фразеологизмов: по категориальной принад-

лежности доминирующего компонента и по семантической соотнесенности СФ с той или иной частью речи. Отметим, что внутри обеих классификаций нами выделяются однородные группы СФ с учетом степени их распространенности в языке: субстантивная, адъективная, глагольная и адвербиальная. Фразеологические же единицы, соотносимые с рядом числительных и местоимений, в языке редки.

Категориальные значения внутри отдельных групп обычно синтагматически взаимопредопределяемы. Так, к примеру, категориальное значение процессуальности чаще всего выражается глагольными основами.

Проиллюстрируем это на конкретных примерах: *махнуть рукой; есть глазами; повесить голову; строить глазки; навострить уши; утереть нос; сложить голову; скалить зубы; развязывать руки; закрывать глаза; прожужжать уши; прикусить язык; предлагать руку; ломать голову; плыть в руки; перемывать косточки* и т.д.

Интересно заметить, что иногда грамматически реализованное категориальное значение оказывается по существу формальным признаком, поскольку выступает в слабой позиции, а потому не влияет на фразеологическое значение. Подобные фразеологизмы хоть и по категориальному признаку причисляются к той группе, к которой восходит грамматически господствующий компонент, но реально соотносятся с той частью речи, которая имплицитно, но в сильной позиции кроется в них.

Например, СФ *«рукой подать»* по категориальному признаку относится к группе субстантивных фразеологизмов, т.к. в основе его лежит грамматически господствующий компонент, выраженный существительным **«рука»**, но ввиду ослабленности значения последнего и, наоборот, выраженности адвербиального значения, он семантически соотносится с наречием и и часто может быть заменен синонимичным наречием **«близко»**.

Между категориальным и синтаксическим значениями фразеологизмов (СФ) существует определенная взаимосвязь, которая, однако, не всегда одинаково проявляется. Некоторые ученые склонны рассматривать в этой связи дублетность (Жуков 1978:56). Однако, опираясь на исследование фактического материала, можно утверждать, что данная точка зрения носит характер частного суждения, ибо указанная связь не обладает достаточной широтой распространения и прослеживается далеко не всегда.

Итак, как уже было отмечено, среди рассматриваемых групп СФ наибольшей частотностью характеризуются глагольные, субстантивные, адъективные и адвербиальные фразеологизмы.

Представим вначале классификацию фразеологизмов по частеречной принадлежности их господствующих компонентов.

Глагольные СФ

Выделенную группу составляют соматические фразеологизмы, включающие в качестве обязательного компонента глагол. Последний сочетается с компонентами из других рядов, образуя устойчивые фразеологические модели. При исследовании подобных моделей СФ выясняется, что в одних из них глагол выступает в позиции стержневого компонента, в других же фразеологизмах он попадает в состав лексического окружения.

Например, в нижеприведенных соматических фразеологизмах основную смыслообразующую функцию выполняет именно глагольный компонент:

зжмурить глаза; прикусить язык; вбивать в голову; вешаться на шею; вешать голову; не лезть в горло; срываться с языка; склонять голову; скалить зубы; сердце разрывается; голова трещит и т.п.

В других СФ, напротив, позиция глагольного компонента заметно ослаблена, основная же смысловая нагрузка фразеологизма лежит на компонентах, отличных от глагольного.

Например: *оставаться с носом; находить общий язык; смотреть сквозь пальцы; смотреть иными глазами; пускать пыль в глаза; держать уши на макушке; волосы дыбом встают* и т.д.

Среди рассматриваемого фразеологического материала весьма часто встречаются соматические фразеологизмы с семантически равноправными компонентами.

Например: *кусать себе локти; перемывать косточки; пальчики оближешь; отвечать головой; отбиваться от рук; ногтя не стоит; не верить своим глазам; наступать на пятки; лезть в голову; лежать на боку.*

В аналогичных армянских глагольных СФ также оба (или все) компонента обычно одинаково важны для формирования семантики всего фразеологизма.

Сравним, например: *գլուխը մտնել; արքերին չհալալալ; ձեռքից գնալ; մալը մալին չիսել; գլուխը կախել* и т.д.

Одной из отличительных особенностей глагольных соматических фразеологизмов является способность к формообразованию. Проиллюстрируем это на конкретных примерах:

прибрать к рукам – прибрал к рукам, прибрали к рукам...; наострить уши – наострил уши, наострили уши...; в глаза не видать – в глаза не видал, в глаза не видели... и т.д.

При исследовании глагольных СФ особое внимание следует обращать также на грамматические формы глагольного компонента, по-разному реализуемые в разных фразеологизмах. Так, в одних СФ возможна реализация всех существующих грамматических форм глагола (лица, числа, залога, наклонения, времени, вида), в других же фразеологизмах – лишь части из них.

Сравним, например: *не отрывать глаз; отбиваться от рук; морочить голову; забирать в свои руки; забивать голову; не показывать носа; смотреть иными глазами.*

Но: *скалить зубы; язык проглотить; пальчики оближешь; ухо режет; глазом не моргнуть; зарубить себе на носу; поломать зубы.*

Среди грамматических форм глагола особое место занимает видообразование. Наши наблюдения над глагольными соматическими фразеологизмами в плане способности их глагольного компонента к образованию видовых пар выявил следующий факт, часто переходящий в закономерность: видовой показатель конкретного глагола, входящего в состав соответствующего фразеологизма, как правило, влияет на смысловое значение фразеологизма в целом, а реализация разных видовых форм глагола может стать причиной появления в языке разных по значению фразеологизмов и тем самым выступать в качестве основного смыслоразличительного признака.

Сравним, к примеру, видовые пары некоторых соматических фразеологизмов:

закрывать глаза (не замечать, игнорировать) – закрывать глаза (умереть);

пялить глаза (тарашить глаза) – выпялить глаза (*широко раскрыть*);

показывать пальцем (осуждать) – показать пальцем (точно указать).

Возможность реализации глаголом обеих видовых форм является не только причиной порождения разных фразеоло-

гизмов, но и позволяет дифференцировать фразеологизм от соответствующего свободного словосочетания.

Сравним, например, некоторые соматические фразеологизмы с соотносительными свободными словосочетаниями:

махнуть рукой – махать рукой;

гнуть спину – согнуть спину;

чесать затылок – почесать затылок;

держат в руках – подержать в руках;

утереть нос – утирать нос и т.д.

Таким образом, реализация видовых форм глагола способствует семантической дифференциации структурно совпадающих фразеологизмов, а также позволяет правильно разграничить фразеологизмы от соотносительных свободных словосочетаний.

Среди соматических глагольных фразеологизмов весьма широко распространены фразеологизмы, в которых глаголы употребляются только в одной строго фиксированной видо-временной форме, несмотря на их потенциальную способность к видообразованию.

Например: *натянуть нос; сложить голову; язык проглотить; утереть нос; рука не дрогнет; зарубить себе на носу; махнуть рукой; пальчики оближешь; словно гора с плеч упала и т.д.*

Сравним также: *держат ухо остро; голова горит; голова варит; вертеться в голове; ухо режет; руки не дохо-*

дят; носить на руках; держать в руках; смотреть в рот; рубить сплеча и т.д.

Интересно заметить, что префиксальный способ образования видовых форм глагола в составе соматических фразеологизмов имеет более широкое назначение, по сравнению с другими способами видообразования. Исследование фактического материала показывает, что некоторые префиксы в составе глагольного компонента соответствующих СФ могут существенным образом влиять на семантику всего фразеологизма в целом, подчас даже выступать в роли носителя частносемантизирующего признака.

Сравним, например:

чесать язык – почесать язык; руки чешутся – руки зачесались; мозолить глаза – помозолить глаза; глаза сверкают – глаза засверкали; голова кружится – голова закружилась.

В вышепредставленных СФ, включающих глагольный компонент с префиксами «**по-**» и «**за-**», отчетливо вырисовываются два основных семантических оттенка: ограниченности, или неполноты действия, привносимый префиксом «**по-**», и оттенок начинательности, диктуемый префиксом «**за-**».

При попытке соотнесения рассматриваемых фразеологизмов с соответствующими армянскими эквивалентами (с точки зрения грамматической формы видообразования) мы сталкиваемся с определенными трудностями, а именно: вы-

ясняется, что подобное соотнесение не всегда бывает возможно, поскольку речь идет о грамматических системах разных языков, что, естественно, предполагает существование определенных различий между ними. В армянском языке не существует понятия категории вида, и видовые различия здесь передаются иными грамматическими формами, в частности, преимущественно формами времени и залога. Отсюда понятно, что невозможно говорить о каком-либо соответствии в этом плане между двумя сравниваемыми языками. Редкие же соответствия в реализации видового признака между соотносительными русскими и армянскими соматическими фразеологизмами можно рассматривать как случайные языковые совпадения.

Выше было упомянуто о частносемантизирующей функции некоторых русских префиксов в составе глагольных компонентов соответствующих СФ. Так, в частности, присущая префиксу «**по-**» ограничительная семантика (семантика неполноты действия) определяет общую семантическую направленность соответствующих фразеологизмов, ограничивая рамки семантического поля последних указанным оттенком значения. Семантика начала действия, заключенная в префиксе «**за-**», предопределяет общую семантику соответствующих соматических фразеологизмов, включающих глагольный компонент с выделенным префиксом.

Соотносительные армянские соматические фразеологизмы обнаруживают полное семантическое соответствие экви-

валентным русским фразеологизмам, однако вышеупомянутые оттенки значений, привносимые конкретными русскими префиксами (**по-** и **за-**), в армянском языке передаются не грамматической формой вида, а другими средствами.

Сравним, например:

поморочить голову – (մի քիչ) գլուխը փակել; *глаза сверкали* – աչքերը սկսեցին փայլել (փայլեցին); *голова закружилась* – գլուխը սկսեց պտտվել (պտտվեց).

На основании представленных примеров можно заключить, что семантика неполноты действия, выражаемая в русском языке с помощью префикса «**по-**», и семантика начала действия, соотносимая с префиксом «**за-**», в армянском языке передаются соответственно количественным словосочетанием «մի քիչ» и фазисным глаголом «սկսել». Заметим, что оба указанных армянских слова по своему семантическому наполнению идентичны соответствующим русским словообразовательным эквивалентам².

В рассматриваемых армянских примерах отражен и другой способ выражения семантики начала действия: с помощью грамматической формы времени, совпадающей в данном случае с конкретным видовым выражением соответствующего русского глагола.

² «**по-**» → немножко, слегка → մի քիչ, մի փոքր; «**за-**» → начало, начать → սկսիր. սկսել (например: **за** + **сверкать** = **начать сверкать**; **закружиться** = **за** + **кружиться** = **начать кружиться** = սկսել պտտվել).

Сравним, например: *աչքերը սկսեցին փայլել* – *աչքերը փայլեցին*.

В процессе исследования фактического материала мы пришли к выводу, что глагольные СФ обнаруживают синонимическую соотнесенность с одним глаголом. Иначе говоря, значительную часть глагольных соматических фразеологизмов можно заменить синонимичными глаголами, что, вероятно, обусловлено «внутренней семантикой» их глагольного компонента, независимо от функции, которую выполняет последний в составе соответствующего фразеологизма. Следует отметить, что глагол, соответствующий по значению семантике всего СФ в целом, может быть однокоренным с глагольным компонентом фразеологизма, а чаще – иметь отличный от него корень.

Например: *зжмурить глаза* = *зжмуриться*.

Но: *носить на руках* = *обожать*; *обводить вокруг пальца* = *обманывать*; *сбиться с ног* = *устать*; *проглотить язык* = *замолчать*; *попадать пальцем в небо* = *ошибаться*; *надуть губы* = *обижаться*; *клевать носом* = *дремать*; *мотать на ус* = *запомнить*; *задирать нос* = *зазнаваться*.

В соотносительных армянских глагольных СФ указанное соответствие фразеологизма одному конкретному глаголу встречается реже, что, на наш взгляд, можно объяснить исключительно спецификой национальной грамматики. Сравним, например:

աչք չկպցնել = չքնել; *լեզուն կուլ տալ* = լուել; *մատնների վրա խաղացնել* = խաբել; *ականջին օղ անել* = հիշել, չմոռանալ.

Намного чаще армянские глагольные соматические фразеологизмы соотносятся с описательными конструкциями.

Например:

ականջի երևը գցել – ուշադրություն չդարձնել; *մատնների վրա կարտի է հաշվել* – քիչ թվով; *աչքը չկտրել* – ուշադիր նայել; *ծեռքը վարժեցնել* – հմտություն ձեռք բերել; *ծեռքն առնել* – իրեն ենթարկել; *մատներդ հեղը կուտես* – շատ համեղ է.

Глаголы, лежащие в основе соответствующих соматических фразеологизмов, способны управлять одним падежом имени существительного или несколькими падежами одновременно; характер же управления определяется структурой СФ. Подавляющая часть глаголов в составе существующих в языке соматических фразеологизмов управляет одной падежной формой, и только немногие фразеологизмы рассматриваемой тематической группы способны присоединять разные падежные формы. Например:

поднимать руку (на кого); *подставлять ногу* (кому); *вешаться на шею* (кому); *забивать голову* (чем); *набивать руку* (в чем, на чем); *махнуть рукой* (на кого, на что); *лезть в глаза* (кому); *играть на руку* (кому); *язык чешется* (у кого); *утереть нос* (кому) и т.д.

Но: колоть глаза (кому, чем); вертеться в голове (у кого, что); вбивать в голову (кому, что); открывать глаза (кому, на что); замазывать рот (кому, чем).

В плане глагольного управления соотносительные армянские СФ полностью совпадают со своими русскими эквивалентами. Сравним, например:

ծենք բարձրացնել (նի՛ւմ վրա); լեզունք քոք է գալիս (նի՛ւմ); քիթը փրորել (նի՛ւմ); ծենք բաշել (ի՛նչի՛ց, ումի՛ց) .

Но: գլուխը մտնել (նի՛ւմ, ի՛նչ); քերանք փակել (նի՛ւմ, ի՛նչն՛վ); կրծքով սաշտապանել (նի՛ւմ, ի՛նչի՛ց) .

При исследовании глагольных СФ с точки зрения глагольного управления выясняется, что часто глагольный компонент того или иного конкретного фразеологизма может управлять теми же падежными формами, что и фонетически соотнесенный с ним глагол свободного словосочетания. Однако следует отметить, что подобные совпадения носят преимущественно случайный характер, основанный лишь на звуковом сходстве этих глаголов. При более глубоком анализе выясняется, что управленческие связи глагола вне фразеологизма намного шире, чем у аналогичного глагольного компонента в составе соответствующего СФ. Так, например, глагол «**СТОЯТЬ**» в составе фразеологизма «*стоять грудью*» управляет винительным падежом существительного, взятый же в отрыве от фразеологизма, этот глагол может присоединять разные падежные формы, как то: винительного, творительного, предложного падежей.

Безусловно, подобное различие в управлении одного и того же глагола объясняется тем, что одиночный глагол, являясь независимой единицей, может сам выбирать «партнеров»; глагол же в составе фразеологизма лишен самостоятельности, и его управленческие связи заранее predeterminedены лексическим окружением фразеологизма, потому и максимально ограничены.

Внутри рассматриваемой группы можно условно выделить три основных типа глагольных фразеологизмов, наиболее распространенных в языке:

- глагольные фразеологизмы, указывающие на пребывание в каком-либо душевном состоянии (например: *оставаться с носом; увязнуть по уши*).

- глагольные фразеологизмы, указывающие на проявление чувств с помощью мимики, жестов (например: *всплеснуть руками; вылупить глаза; надуть губы*).

- фразеологизмы, способные вызвать определенные чувства, мысли у кого-либо (например: *вскружить голову; наступать на пятки*).

Субстантивные СФ

В группе субстантивных соматических фразеологизмов мы рассматриваем те фразеологизмы, оба компонента которых восходят к имени существительному. Отметим, что только для данной группы мы считаем обязательным принадлежность обоих компонентов к разряду имени существительного,

для фразеологизмов же остальных групп наличие слова из той части речи, которая отражена в названии группы (глагол, прилагательное, наречие), достаточно лишь в составе одного из компонентов СФ. Данный подход имеет весьма естественное логическое основание.

При более внимательном рассмотрении этого вопроса становится очевидным, что во всех выделенных нами группах присутствие субстантивного компонента обязательно и постоянно, поскольку носителем соматического признака может являться только имя существительное.

Итак, в выделенную группу включены соматические фразеологизмы, состоящие из двух существительных, одно из которых является выразителем соматического признака. Словосочетания и выражения, объединенные в данную группу, построены по разным моделям («имя существительное + имя существительное в родительном падеже», «имя существительное + предложно-падежная форма имени существительного» и т.д.), но в целях технического удобства они вошли в одну общую группу субстантивных СФ. Доминирующая позиция во фразеологизмах представленной группы нередко бывает закреплена за соматическим компонентом, однако, в целом, трудно установить компонентную функцию во фразеологизмах подобного типа, поскольку чаще всего их компоненты равноправны и дополняют друг друга.

Как и при изучении предыдущей группы соматических фразеологизмов, здесь также следует обратить особое вни-

вание на свойственные компонентам фразеологизмов (в данном случае имени существительному) грамматические формы и степень их реализации³.

Исследуемый фразеологический материал показывает, что присущие имени существительному грамматические формы в пределах рассматриваемой группы соматических фразеологизмов не всегда реализуются одинаково: в одних субстантивных фразеологизмах наблюдается полная реализация всех грамматических форм имени существительного, в других – лишь некоторые из них.

При сопоставлении с эквивалентными армянскими соматическими фразеологизмами выявляется определенное несоответствие в указанном плане, что прежде всего вызвано отсутствием грамматической категории рода в армянском языке. Что касается остальных грамматических категорий имени существительного, хоть они и представлены в грамматическом строе армянского языка, но также не всегда полностью реализуются в соответствующих фразеологизмах.

Итак, если среди глагольных СФ несоответствия между параллельными русскими и армянскими фразеологизмами в плане реализации грамматических форм были связаны с отсутствием у армянского глагола категории вида, то в субстантивных фразеологизмах причиной такого несоответствия является отсутствие у армянского существительного граммати-

³ Под «степенью реализации» мы имеем в виду полную или частичную реализацию конкретной грамматической формы.

ческих форм выражения рода. Отметим также, что указанные несоответствия (видовое и родовое) носят разный характер. Действительно, в данном случае речь идет об «относительном» и «абсолютном» отсутствии этих категорий в грамматической системе армянского языка: армянский глагол не обладает категорией вида, но видовой признак в армянском языке присутствует и выражается иными формами (формами времени и залога); грамматическая же категория рода полностью отсутствует в армянском языке, и внутри армянской языковой системы нет другой какой-либо грамматической формы, выражающей родовой признак.

Что касается грамматической категории числа, то степень ее реализации неодинакова в разных фразеологизмах исследуемого типа, и в данном случае очень многое зависит от лексико-грамматических свойств соответствующих имен существительных. В связи с этим отметим, что русские существительные, обладающие лишь одной формой числа, в соотносительных СФ реализуют именно эту форму. Заметим при этом, что число соматических фразеологизмов, допускающих одну форму числа, ограничено. Например: *во все горло; из уст в уста; во все лопатки; с мизинец; нож в спину; мороз по коже* и т.д.

Из представленных примеров легко заметить, что форма только единственного числа присуща одиночным соматизмам, а форма только множественного числа – бинарным. Существительные же, употребляющиеся в обеих формах числа,

в каждом конкретном СФ реализуют ту из форм, которая принята и закреплена в данном фразеологизме.

Например: *без царя в голове; зуб за зуб; рука об руку; ветер в голове; в мгновение ока; бок о бок; как снег на голову; плечом к плечу; ахиллесова пята; губа не дура; глаз да глаз; бровью не повести* и т.д.

Но: *и карты в руки; во все глаза; до конца ногтей; из рук в руки; для отвода глаз; до мозга костей; во все лопатки; как гора с плеч.*

Примерно такая же картина вырисовывается в процессе реализации грамматической формы числа в соотносительных армянских соматических фразеологизмах исследуемой группы, а именно: существительные, обладающие обеими формами числа, в соответствующих СФ фигурируют именно в той форме, которая уже закреплена в данном фразеологизме и хорошо знакома носителям того или иного конкретного языка. Например: *կողք կողքի; ձեռքից ձեռք; ձեռքի փակ; քթի փակ; մինչև եղունգների ծայրը; մինչև ականջների ծայրը; մաշերի արանքով.*

Однако следует отметить, что армянские субстантивные фразеологизмы в количественном отношении сильно уступают эквивалентным русским СФ и, более того, многие из них структурно иначе представлены, что в свою очередь ограничивает возможность их сопоставления с идентичными русскими фразеологизмами.

Сравним, например:

во все лопатки – ամբողջ թափով; нож в спину – թիկունքից հարվածել; губа не дура – բերանի համը լավ գիտի; թաց պեղը չի պանկի.

Намного четче и ярче грамматическая форма числа армянского существительного проявляется в глагольных фразеологизмах, куда эти существительные входят в качестве второго компонента. Здесь мы сталкиваемся с весьма интересным явлением: в армянском языке встречаются параллельные фразеологизмы, в одном из которых реализована форма единственного числа соответствующего существительного, в другом – форма множественного числа того же существительного. Обе указанные формы входят во фразеологический состав языка, не являясь при этом вариантными. В подобных случаях употребление любой из форм числа конкретного существительного влечет за собой смысловое смещение внутри фразеологизма.

Например:

ձեռքը թափ պիւ – угрожать;

ձեռքերը թափ պիւ – бездельничать.

Сравним с русским: *давать (бить) по руке – бить; давать (бить) по рукам – приходиться к соглашению.*

В других же случаях допускается вариантное употребление форм числа в составе фразеологизма. Например:

նորն ընկնել – նորերն ընկնել; աչքը բացել – աչքերը բացել.

В подобных случаях существенным оказывается не фактор грамматического числа, отраженный в соматическом существительном, а обобщенное действие, заключенное в глагольном компоненте фразеологизма.

Как уже было отмечено, соматические фразеологизмы, входящие в рассматриваемую группу, не подчиняются единой структурной системе, а восходят к разным моделям. Среди последних наибольший интерес для исследования представляют субстантивные СФ, образованные путем повтора соматического компонента с включением соответствующего предлога, выраженные следующей грамматической моделью: **«соматизм + предлог + соматизм»**. Для выделенного типа субстантивных СФ характерно общее семантическое значение близости, создаваемое именно повторным называнием единственного компонента фразеологизма.

Например: бок о бок (рядом); нос к носу (близко); рука об руку (вместе); плечом к плечу (рядом); лицом к лицу (близко) и т.д.

Интересно заметить, что степень реализации семантики близости в соматических фразеологизмах представленной модели почти одинакова. Несколько теснее она выражена в СФ «рука об руку», что, очевидно, связано с функцией его соматического компонента: рука как верхняя человеческая конечность, помимо других функций, обладает самостоятельной способностью выполнять определенные действия: брать, хватать, связывать, ударять и т.д. В данном фразеологизме,

на наш взгляд, реализована «хватательная», «связующая» функция руки, за счет чего и обеспечивается семантика максимальной близости, присущая СФ в целом.

Наоборот, в других вышепредставленных фразеологизмах семантика близости выражена не столь ярко, поскольку лежащие в их основе соматические лексемы не обладают теми функциями, которые свойственны соматизму **«рука»**. Однако для них характерны иные функции, которые, наслаиваясь на общую семантику близости, создают дополнительный фон и вызывают несколько «оттененное» восприятие близости. Так, в соматических фразеологизмах **«бок о бок»**, **«плечом к плечу»**, **«нос к носу»** на первый план выступают соответственно «касательная» и обонятельная функции, потенциально заложенные в конкретных соматизмах **«бок»**, **«плечо»** и **«нос»**. В свете сказанного можно понять некоторую «стертость» семантики близости в данных СФ.

Армянские фразеологизмы, обнаруживающие семантическую синонимичность с соответствующими русскими соматическими фразеологизмами, построенными по модели **«соматизм + предлог + соматизм»**, не подчиняются выделенной структурной модели. Их структурное построение в основном соответствует следующей общей модели субстантивной группы СФ: **«соматизм + соматизм»**. Иначе говоря, здесь также реализуется повторное употребление единственной соматической лексемы, но, в отличие от синонимичных русских фразеологизмов, в армянских фразеологизмах отсутствует пред-

лог, а связующую функцию выполняют парадигматические изменения внутри соответствующих существительных.

Например: *գլուխ գլխի; կոնք կոնքի; քիթ քրի; ստոր ստորի; ձեռք ձեռքի*.

Другой структурный тип соматических фразеологизмов, входящих в субстантивную группу, представлен моделью «**предлог + соматическое существительное**». Семантическая направленность фразеологизмов, соответствующих выделенной модели, предопределена семантическим назначением предлогов, входящих в их компонентный состав, соматические же лексемы внутри данных СФ выполняют конкретизирующую роль.

Например: *под носом; под рукой; под боком; за глаза; за спиной; в руках; в кулаке; через голову; из уст; на устах* и т.д.

Итак, возвращаясь к анализу роли предлогов в составе фразеологизмов исследуемой группы, можно сформулировать следующий очевидный вывод: если внутри фразеологизмов, подчиненных модели «соматизм + предлог + соматизм», функция предлогов исключительно связующая, то в составе фразеологизмов, восходящих к простой модели «предлог + соматическое существительное», им отведена главная роль – смыслообразующая.

Аналогичную функцию выполняют предлоги в составе соотносительных армянских фразеологизмов, принадлежащих структурной модели «предлог + соматическое существи-

тельное». Если в рамках предыдущей субстантивной модели («соматизм + предлог + соматизм»), предполагающей в соответствующих русских фразеологизмах обязательное наличие предлога, армянские фразеологизмы функционируют в форме беспредложных конструкций, то фразеологизмы модели «предлог + соматизм» в армянском языке проявляют полное структурно-семантическое соответствие аналогичным русским фразеологизмам. Внутри армянских фразеологизмов, построенных по указанной модели, как и в русском языке, предлоги выполняют смыслообразующую роль. Отметим также, что армянские предлоги широко представлены в рамках данной модели.

Например:

սակ – *քթի տակ; ականջի տակ; ձեռքի տակ;*

վրա – *ոտքի վրա; մատնեղենի վրա; գլխի վրա; ուսերի վրա;*

մինչև – *մինչև կոկորդը; մինչև մազերի ծայրը; մինչև ականջների ծայրը;*

սոսանց – *սոսանց աչքը թարթելու;*

մեջ – *բռնի մեջ; ափի մեջ;*

չափ – *մազի չափ; եղունգի չափ;*

սոսաջ – *աչքի սոսաջ;*

հետ – *ձեռքի հետ.*

Внутри рассматриваемой группы субстантивных СФ определенным интерес в структурно-семантическом плане представляют фразеологизмы, соответствующие модели «**НИ** +

падежная форма соматического существительного». Указанные фразеологизмы в общем отличаются отрицательной семантической направленностью, однако отрицание как такое не является их главной семантической характеристикой. Фразеологизмы, образованные по данной модели, в основном реализуют значения меры, количества, определяющие границы чего-либо. Например: *ни в одном глазу; ни ногой; ни на волос* и т.д.

Особенно ярко семантика количественного ограничения проявляется во фразеологизме *«ни на волос»*, значение которого можно свести к количественному наречию **«нисколько»**. Отметим, что в данном случае семантически господствующая позиция принадлежит соматическому компоненту **«волос»**, имплицитно выражающему минимальное количественное содержание. Усилительно-отрицательная частица **«ни»** выступает в функции формообразующего компонента, воссоздающего индивидуальное значение фразеологизма. Другой компонент рассматриваемого фразеологизма – предлог **«на»** - участвует в выражении падежного значения формы, входящей в состав фразеологизма.

Компонент **«ни»** во фразеологизмах выделенного типа является, во-первых, фразеобразующим в том смысле, что он создает фразеологизм, который без него распадется, лишится смысла; во-вторых, компонент **«ни»** является смыслообразующим: он настолько сильно актуализирует свое значение, что весь фразеологизм в целом приобретает значение отри-

цания. Поэтому фразеологизмы представленной модели идентифицируются словами (в данном случае «нисколько»), представляющими собой разные формы лексического выражения языковой категории отрицания. Вся фразеологическая единица под давлением семантики компонента «**ни**», поддерживаемой значением падежной формы, приобретает иное, свойственное только классу данных единиц, грамматическое значение. Все формы описываемой модели морфологически неизменяемы. Фразеологизмы типа «*ни на волос*» можно условно назвать количественными, своеобразие семантики которых заключается в том, что они обозначают отсутствие чего-либо вообще, даже самого малого количества. Эффект отрицания часто усиливается за счет повторного использования частицы «**ни**» (например: *ни кожи ни рожи*).

Армянские аналоги рассматриваемого типа фразеологизмов для выражения отмеченной семантики используют несколько иные средства: чаще всего в эквивалентных армянских фразеологизмах для усиления семантики отрицания используется наречие «**սիզամ**» (*սիզամի ինչամ*).

Итак, структурно-семантическое исследование субстантивных соматических фразеологизмов, восходящих к разным структурным моделям, позволяет заключить, что, помимо знаменательных компонентов, представленных соматическими лексемами, немаловажную фразеобразующую, смыслообразующую и смыслоразличительную роль играют также вхо-

дящие в их компонентный состав незначительные языковые единицы – предлоги, частицы.

Один из самых важных грамматических признаков имени существительного – парадигма склонения – также получил определенное отражение в соответствующих СФ, независимо от подгруппы последних по частеречной принадлежности. Что касается отдельных существительных, принадлежащих к конкретным соматическим гнездам, то как самостоятельные лексемы, рассматриваемые вне фразеологизмов, они проявляют различную степень возможности реализации парадигматических изменений. Наиболее полно парадигматический спектр представлен соматическими существительными «**рука**», «**голова**», «**нога**», «**язык**», «**сердце**», «**плечо**», которые в составе разных фразеологизмов функционируют в разных падежных формах.

Проиллюстрируем это на примерах.

Рука – *валиться из рук* (род.п.); *давать волю рукам* (дат.п.); *брать голыми руками* (тв.п.); *взять себя в руки* (вин.п.); *держаться в руках* (пред.п.).

Голова – *выбивать из головы* (род.п.); *гладить по голове* (дат.п.); *склонять голову* (вин.п.); *окунаться с головой* (тв.п.); *ветер в голове* (пред.п.).

Нога – *без задних ног* (род.п.); *поднимать на ноги* (вин.п.); *повергать к ногам* (дат.п.); *путаться под ногами* (тв.п.); *на короткой ноге* (пред.п.).

Язык – сорваться с языка (род.п.); давать волю языку (дат.п.); держать язык за зубами (вин.п.); молотить языком (тв.п.); вертеться на языке (пред.п.).

Сердце – отлегло от сердца (род.п.); по сердцу (дат.п.); положить руку на сердце (вин.п.); с легким сердцем (тв.п.); камень на сердце (пред.п.).

Плечо – свалить с плеч (род.п.); по плечу (дат.п.); ложиться на плечи (вин.п.); пожимать плечами (тв.п.); выносить на плечах (пред.п.).

Соматические же лексемы, входящие в другие соматические гнезда, обладают значительно ограниченными возможностями в плане реализации падежных форм. Например:

Горло – поперек горла (род.п.); наступать на горло (вин.п.); стоять костью в горле (пред.п.);

Грудь – бить себя в грудь (вин.п.); стоять грудью (тв.п.); оборвалось в груди (пред.п.);

Ухо – краем уха (род.п.); не верить своим ушам (дат.п.); наострить уши (вин.п.); хлопать ушами (тв.п.);

Рот – набрать в рот воды (вин.п.); проносить мимо рта (род.п.); таять во рту (пред.п.).

За некоторыми же лексемами-соматизмами закреплены всего одна-две падежные формы, что объясняется их непродуктивностью в образовании фразеологизмов, а, следовательно, и ограниченностью числа соматических фразеологизмов, включающих в свой состав названные соматизмы. Например:

затылок – *чесать затылок* (вин.п.);

лопатки – *класть на лопатки* (вин.п.);

локоть – *кусать себе локти* (вин.п.); *чувство локтя*
(род.п.)

пятка (пята) – *наступать на пятки* (вин.п.); *по пятам*
(дат.п.)

стопа – *направлять стопы* (вин.п.); *идти по стопам*
(дат.п.).

Итак, мы представили в общем способность к реализации парадигматических изменений соматических существительных, взятых в отрыве от фразеологизмов и рассматриваемых как самостоятельные лексические единицы. Относительно же реализации парадигматических возможностей соматических существительных в пределах конкретных фразеологизмов можно утверждать, что здесь диапазон их невелик и изменения эти здесь происходят в основном за счет предлогов и чаще всего носят антонимический характер.

Сравним, например:

камень на сердце (пред.п.) – *камень с сердца* (род.п.);

в руках держать (пред.п.) – *из рук уплыть* (род.п.);

под рукой (тв.п.) – *из-под руки* (род.п.);

под носом (тв.п.) – *из-под носа* (род.п.).

Из представленных примеров можно заключить, что антонимия данных фразеологизмов вызвана антонимией предлогов в их составе (ср.: на – с; в – из; под – из-под).

Весьма интересно проследить развитие парадигматических отношений внутри эквивалентных армянских соматических фразеологизмов. Так, внутри конкретных фразеологизмов соответствующие армянские соматические лексемы в основном характеризуются фиксированными падежными формами. Однако, в отличие от русской фразеологии, в системе армянской фразеологии весьма широко распространена альтернативная падежная форма употребления соматического компонента в составе соответствующих фразеологизмов. Например:

փորրը մեջքին կպնել – փորրը մեջքից կպնել;
արյունը գլխին խփել – արյունը գլուխը խփել;
քիթն ընկնել – քթովն ընկնել;
վզին փաթաթվել – վզով փաթաթվել.

В ряде других случаев изменение формы соматического компонента часто влечет за собой изменение его значения, и тогда перед нами уже предстает не альтернативный вариант фразеологизма, а совершенно новый фразеологизм. Подобного рода изменения в армянском языке обычно происходят вследствие присоединения к соматизму определенного артикля «ը» (որոշիչ հոդ).

Сравним, например:

սիրտը ցիւլ (подбадривать) – սիրտը ցիւլ (знак преданности);

աչքի ընկնել (выделяться) – աչքին ընկնել (заметить, показаться);

գլուխ ւշտել (лениться) – *գլուխը ւշտել* (кое-как перебиваться);

ւչք բացել (прийти в себя) – *ւչքը բացել* (проснуться).

При рассмотрении же вне фразеологизмов, как самостоятельные лексические единицы, лексемы-соматизмы, входящие в разные соматические гнезда, как и их русские синонимы, в разной степени активны в образовании падежных форм. Наибольшую активность в указанном аспекте проявляют армянские соматизмы **գլուխ, աչք, բերան, լեզու, ձեռք, ականջ**; соматизмы же **ուս, մեջք, ատամ, մատ** менее активно вовлечены в этот процесс.

Адъективные СФ

Данная группа соматических фразеологизмов с позиций логического подхода может быть включена в более общую группу, представленную выше – в группу субстантивных СФ, поскольку второй компонент этих фразеологизмов (соматический) всегда восходит к имени существительному. Однако, условно назвав эту группу «адъективной», мы имели целью подчеркнуть присутствие в компонентном составе данных фразеологизмов имени прилагательного. Следует отметить, что выделенная группа отличается высокой степенью продуктивности в рамках фразеологической системы русского языка. Наши исследования конкретного фразеологического материала показали, что адъективный компонент часто может вклиниваться и в сугубо субстантивные СФ (ср.: *камень на*

сердце – тяжелый камень на сердце; от сердца – от чистого сердца; нож в спину – острый нож в спину и т.д.), что еще раз свидетельствует об активности этого разряда. В подобных случаях прилагательное, как правило, не выполняет главной, смыслообразующей роли, а чаще всего выступает в функции экспрессивного или частносемантизирующего компонента.

Соотносительные армянские СФ обычно употребляются в постоянном окружении адъективного компонента и именно в такой форме зафиксированы во фразеологической системе армянского языка. Например: *ւրլղիւ յեօք քար է; յարար արարի* и т.д.

Наблюдения над конкретным фразеологическим материалом показывают, что в СФ, состоящих из имени прилагательного и соматического существительного, последнее проявляет заметную активность, подчас выступая в роли опорного компонента соответствующего фразеологизма; имя прилагательное же в таких фразеологизмах занимает зависимую позицию (например: *садовая голова; еловая голова*). Однако в подавляющем большинстве СФ рассматриваемой группы доминирующая роль адъективного компонента неоспорима.

Например: *золотые руки; белая кость; острый глаз; светлая голова; правая рука; на широкую ногу; средней руки; на дружеской ноге; на короткой ноге; на скорую руку; с легким сердцем; легкая рука; золотое сердце; из первых рук; острый язык; злые языки* и т.д.

У определенной же части адъективных соматических фразеологизмов наблюдается семантическое равноправие составляющих компонентов.

Например: *с пустыми руками; простым глазом; под горячую руку; под пьяную руку; на свежую голову; на босу ногу; длинный язык; голыми руками; лишний рот* и т.д.

Соматические фразеологизмы выделенной группы зафиксированы как в исходной форме именительного падежа (*белая кость; светлая голова; золотое сердце; большая рука*), так и в формах падежной парадигмы. При этом реализация падежных форм данных фразеологизмов не может быть абсолютной по той простой причине, что определенная их часть не допускает падежных изменений и функционирует лишь в одной форме.

Например: *с больной головы на здоровую; на короткой ноге; живой ногой; из первых рук; на босу ногу; голыми руками; с пустыми руками*.

Исследование фактического материала показывает, что с точки зрения реализации падежных форм между соотносительными русскими и армянскими адъективными фразеологизмами существенных расхождений не наблюдается⁴.

Сравним, например:

с пустыми руками – դիմացիկ ձեռքով; легкая рука –

⁴ Подробно о парадигме склонения см. в группе «Субстантивные СФ». В адъективных же СФ падежная форма адъективного компонента находится в прямой зависимости от падежной формы соответствующего существительного.

стием, утратившим глагольные свойства и функционально приблизившимся к наречию. Например: *очертя голову; высунув язык; сломя голову; скрепя сердце; сложа руки; не покладая рук; не взирая на лица*.

Интересно заметить, что во всех представленных примерах роль соматического компонента минимизирована, а функцию стержневого компонента, как правило, выполняют наречные (деепричастные) основы, предопределяющие семантику всего фразеологизма в целом. Результаты сопоставления представленных фразеологизмов с соответствующими армянскими эквивалентами невозможно подвести под какую-либо систему: некоторые из рассматриваемых русских фразеологизмов в армянском языке имеют конкретные синонимы (*сложа руки* – *ծեղքերը ծալած*; *скрепя сердце* – *սրտից ցալով*), другие соотносятся лишь с описательными формами (*с легкой руки* – *մեկի օրինակով*; *не покладая рук* – *հանգիստ չունենալով*), третьи же передаются фразеологизмами, не содержащими соматического компонента (*на скорую руку* – *ափալ-թափալ*; *на широкую ногу* – *առը-փառը*).

Армянские адвербиальные СФ относятся преимущественно к разговорному стилю языка. Например:

աչքերը չորս արած – **ուշադիր**; *գլխապարտ փազել* – **արագ**; *կոկորդով մեկ* – **բարձր**; *աչքի լույսի պես* – **զգուշորեն**.

Что касается сочетаемостных связей рассматриваемых фразеологизмов, то и здесь нет определенной системности:

некоторые СФ обнаруживают необходимую и уже закрепленную связь с конкретными глаголами (например: сломя голову – **бежать, мчаться**; не покладая рук – **работать, трудиться**; сложив руки – **сидеть**. Сравним с армянским: գլխիսլիսլիսլիս – վազելի; Կոկորդորով ձեկ – բղավելի; աչքի լույսի պես – պահելի; աչքերը չորի տրած – նայելի, հետևելի), другие же не имеют постоянных глаголов-сопроводителей (например: *скрепя сердце*; *не взирая на лица* и т.д.).

Адвербиальные соматические фразеологизмы, в отличие от фразеологизмов предшествующих групп характеризуются полным отсутствием парадигматических форм. Вполне очевидно, что связи таких фразеологизмов со словами в предложении выражаются не парадигматическими формами, однако само отсутствие таких форм может рассматриваться как своеобразная форма выражения этих связей.

Итак, выше была представлена классификация соматических фразеологизмов с точки зрения принадлежности их компонентов к определенным частям речи. Было отмечено, что данное деление носит весьма условный характер уже по той простой причине, что во всех представленных группах в качестве постоянного компонента присутствует субстантивный компонент (как обязательный компонент в составе соматических фразеологизмов, в которых соматический признак выражается исключительно соответствующим именем существительным). Данный факт неоспорим, а потому и названия вышевыделенных групп условны и опираются на частереч-

ную принадлежность второго (несоматического) компонента фразеологизма. Нами были рассмотрены всего четыре группы СФ по принадлежности их вторых компонентов к определенным частям речи. В действительности же фразеологическая система языка представлена более широким спектром фразеологических единиц с точки зрения частеречной принадлежности их несоматических компонентов, которые, однако не выделяются особой распространенностью в языке.

§3.2.4. ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СФ

Исследование соматических фразеологизмов в логико-семантическом направлении позволяет провести и другую классификацию внутри указанной тематической группы фразеологизмов, а именно: по принципу семантического соответствия фразеологизма в целом какой-либо конкретной части речи, т.е. по принципу семантической соотнесенности. С позиций указанного подхода можно выделить довольно большое число фразеологических групп. Однако наблюдения над собранным фразеологическим материалом показали, что наибольшей продуктивностью среди существующих групп отличаются те же четыре группы, которые были представлены нами в предыдущей классификации: субстантивная (соответствующая по своей семантике имени существительному), глагольная (семантически восходящая к глаголу), адъективная

(семантически соотносящаяся с именем прилагательным) и адвербиальная (соответствующая по семантике наречию).

На кратком описании выделенных групп мы и хотим остановиться.

Субстантивные СФ

В выделенную группу объединены соматические фразеологизмы, соотносимые по своему лексико-грамматическому значению с именем существительным. Следует отметить, что данная группа весьма малочисленна. Например:

золотые руки – **мастер**;

светлая голова – **умница**;

шальная голова – **сумасброд**.

Интересно заметить, что в подавляющей части фразеологизмов данной группы в качестве стержневого компонента используется соматическое существительное «голова». Следует также отметить, что почти все соматические фразеологизмы, входящие в рассматриваемую группу, семантически соотносимы не только с конкретными существительными, но и с соответствующими прилагательными.

Сравним, например:

золотые руки – **умелый**;

светлая голова – **умный, способный**;

шальная голова – **взбалмошный**;

дубовая голова – **бестолковый**;

голова садовая – **несообразительный**.

Армянские синонимы русских фразеологизмов рассматриваемой группы также не отличаются распространенностью в языке. В отличие от русских СФ, их армянские эквиваленты семантически больше соотносимы с адъективными основами (или с субстантивированными адъективами), чем с субстантивными. Например:

սպի ձեռքեր (золотые руки) – **հմուտ**;

լիք գլուխ (бесшабашная голова) – **հանդուգն**;

ուժեղ ձեռք (сильная рука) – **զորեղ**;

սպիտակ ուլիղ (белая кость) – **ազնվատոհմ**.

Учитывая вышеиллюстрированную семантическую соотнесенность представленных армянских СФ с именами прилагательными, в рамках настоящего исследования мы посчитали целесообразным рассмотреть их именно в группе адъективных соматических фразеологизмов.

Глагольные СФ

Фразеологизмы данной группы по своему лексико-грамматическому значению соответствуют глаголам и часто могут быть заменены семантически эквивалентными глаголами. Например:

клевать носом – **дремать**; *обводить вокруг пальца* – **обманывать**; *колоть глаза* – **попрекать**;

задирать нос – **зазнаваться**; *держат язык за зубами* – **молчать**; *чесать языком* – **болтать**; *высасывать из пальца* – **выдумывать**; *зарубить себе на носу* – **запомнить**;

вылететь из головы – забыть; водить за нос – обманывать; едва держаться на ногах – устать; намять бока – побить; лежать на боку – бездельничать.

Синонимичные армянские соматические фразеологизмы также проявляют семантическую соотнесенность с конкретными глаголами.

Сравним, например:

բերանը ջուր անել – լռել; գլուխը տանել – ծանծրացնել; ականջին օղ անել – հիշել; աչքերը ճակատը թռնել – զարմանալ; լեզուն փորը ընկնել – լռել; գլխից դուրս թռնել – մոռանալ; ձեռք մեկնել – օգնել.

Адъективные СФ

Общим семантическим признаком адъективных соматических фразеологизмов является выражение качества, свойства. Посредством этого категориального значения обеспечивается связь и взаимодействие соответствующих фразеологизмов в плане их соотнесения с именем прилагательным. В роли доминирующего компонента во фразеологизмах рассматриваемого типа встречаются как полные, так и краткие формы прилагательного. Иногда же отмеченные формы параллельно и равноправно сосуществуют во фразеологической системе языка.

Сравним, например:

*тугой на ухо – туг на ухо;
крепкий на ухо – крепок на ухо;*

тяжелый на руку – тяжел на ухо;
нечистый на руку – нечист на руку.

Представленные параллельные формы, на наш взгляд, следует рассматривать как вариантное употребление одного и того же фразеологизма. Однако, независимо от конкретно реализованной формы адъективной основы, грамматически господствующий компонент выделенных фразеологизмов характеризуется семантикой постоянного признака лица/предмета. Так, например, СФ *нечистый (нечист) на руку* нельзя употреблять в окружении наречий или предложно-падежных сочетаний с семантикой временности, непостоянства и, наоборот, сочетание их с наречиями или предложно-падежными сочетаниями, характеризующимися постоянством, продолжительностью, неизменностью семантики, логически оправдано и семантически закономерно.

Сравним, например, параллельные пары фразеологизмов в контексте:

Он всегда был тяжел на руку. – Он вчера был тяжел на руку.

Он всегда был туг на ухо. – Он вчера был туг на ухо.

Нет сомнений, что предложения, содержащие наречие «вчера», ограниченное определенными рамками времени, носят абсурдный характер и не могут считаться правильными. Наоборот, в предложениях с наречием «всегда», отличающимся постоянством семантики, заключена весьма конкретная и логически исчерпывающая информация. Более то-

го, вполне понятно, что предложения первого типа совершенно не нуждаются в так называемых «наречиях-конкретизаторах» постоянного признака; в таких предложениях ощущается даже очевидная излишность этих наречий, поскольку смысл последних сполна реализован адъективными компонентами соответствующих фразеологизмов. Мы же, искусственно вклинив указанные наречия в иллюстрируемые предложения, имели целью нагляднее и убедительнее подчеркнуть неизменность семантического свойства выделенных адъективных основ и их независимость от словесного окружения.

Как уже было отмечено, встречающиеся в составе соответствующих СФ параллельные формы прилагательного (полная и краткая) рассматриваются нами как варианты и не вызывают семантического сдвига внутри данных фразеологизмов. Иначе говоря, замена одной формы другой (или выбор одного из вариантов) не влияет на семантическую целостность фразеологизма: в обоих случаях налицо одинаково исчерпывающе выраженная семантика качества. Тем не менее, наши наблюдения над конкретным материалом показывают, что характерная для рассматриваемого типа соматических фразеологизмов семантика качества ярче, интенсивнее и полнее проявляется именно в полных формах прилагательного, в кратких же формах указанная семантика, как правило, несколько ослаблена. Возможно, это объясняется предикативным назначением кратких адъективных форм.

В рассматриваемую группу СФ входят не только фразеологизмы, включающие в свой состав адъективный компонент, но и многочисленные СФ, компоненты которых восходят к другим частям речи, ибо, как уже было отмечено, данная классификация основана на принципе семантической соотнесенности фразеологизма с той или иной частью речи, а не на принципе включения в состав соматических фразеологизмов компонентов, принадлежащих к определенной части речи.

Проиллюстрируем это на примере некоторых соматических фразеологизмов, проявляющих семантическую соотнесенность с именами прилагательными, а потому и включенных нами в группу адъективных СФ.

Сравним:

кожа да кости – худой; голова варит – сообразительный, умный; ветер в голове – легкомысленный; без царя в голове – глупый; язык без костей – несдержанный.

Сопоставительный анализ выявил полное совпадение в плане семантической соотнесенности между параллельными русскими и армянскими фразеологизмами данной группы.

Сравним, например:

կաշիւ ու ոսկորները – նիհար; գլուխն աշխարհում է – խելացի; գլխում քամի է – թեթևամիտ; լեզվի փակ ոսկոր չունի – անզուսպ.

Представленная группа соматических фразеологизмов отличается высокой продуктивностью.

Адвербиальные СФ

По своему лексико-грамматическому значению фразеологизмы, входящие в выделенную группу, восходят к наречиям и легко могут быть заменены последними. Данная группа отличается высокой степенью продуктивности и широкой распространенностью во фразеологической системе современного русского языка. Например:

как снег на голову – **неожиданно**; *рукой подать* – **близко**; *руки не доходят* – **некогда**; *во все лопатки* – **быстро**; *во все глаза* – **внимательно**; *во все горло* – **громко**; *как зеницу ока* – **бережно**; *на широкую ногу* – **роскошно**; *на скорую руку* – **быстро** и т.д.

Как видно из представленных примеров, в группе адвербиальных СФ весьма активны различные предложно-падежные сочетания, а также сочетания существительных, определительных местоимений и числительных с определенными словами. Такие фразеологизмы способны сочетаться с большим разнообразием глаголов.

При сопоставлении отмеченных СФ с эквивалентными армянскими фразеологизмами синонимия форм прослеживается чаще, чем в случаях с фразеологизмами, включающими ослабленный деепричастный компонент (сравним: *краем глаза* – *աչքի սիւնի*; *краем уха* – *աւանջի ծալրի*; *во все горло* – *լիւրրիւմ ձեւ*; *с ног до головы* – *սկզբից գլուխ* и т.д.). В приведенных примерах соматические существительные «**глаз**», «**ухо**», «**горло**» в структуре свободных словосочетаний экви-

валентного состава, на базе которых возникли подобные фразеологизмы, функционально связаны с глаголами «**видеть**», «**слышать**», «**говорить**» («**кричать**»). В результате метафоризации, а затем и фразеологизации соотносительного свободного словосочетания глаголы-сопроводители стали выступать в качестве факультативных компонентов. При этом ассоциативное соотнесение адвербиальной части данных фразеологизмов с указанными глаголами сохранилось, что повлияло на семантическую направленность СФ. Заметим, что глаголы-сопроводители, как правило, обнаруживают прямую зависимость от функций соматических лексем, с которыми они сочетаются в каждом конкретном случае.

Обобщая результаты классификации СФ, проведенной в настоящей главе, следует отметить, что классификация армянских соматических фразеологизмов по принципу семантической соотнесенности с соответствующими частями речи не всегда однозначна и чаще всего носит относительный и расплывчатый характер.

Например, СФ «մինչև կոկորդը կուշտ ինել» можно отнести и к глаголу («այլևս չցանկանալ որևէ բան»), и к наречию («խիստ ծանծրացած»), если акцентируется степень пресыщения; фразеологизм «գլխով շիւս-փիւս է» соотносится и с существительным (խառնաշփոթություն), и с глаголом (ամեն ինչ խառնվել է), и отнесение его к какой-нибудь из указанных частей речи не может иметь реального обоснования, а чаще всего зависит от конкретного контекста.

Среди рассматриваемых армянских соматических фразеологизмов лишь фразеологизмы, соотносимые с глагольными формами, могут быть четко и бесспорно причислены к группе глагольных СФ.

Сравним:

սիրտը չի կանու՛ւմ – դուր չի գալիս; աչքերին թո՞ղ փչել – խաբել; գլուխը փանել – ծանծրացնել; ձեռք քաշել – հրաժարվել; լեզուն կուլ փալ – լռել.

Учитывая, что во фразеологической картине мира, представленной соматическими фразеологизмами, отражены практически все стороны человеческой жизни, помимо вышепредставленных классификаций, мы провели и иную классификацию СФ в соответствии с заключенными в них многообразными семантическими значениями. С указанной точки зрения мы выделили следующие лексико-тематические группы соматических фразеологизмов, обладающие наибольшей частотностью в системах обоих языков:

1. СФ с качественной оценкой действия: *намылить голову, стоять поперек горла* (ср. в армянском: *գլխին շան լափ թափել, կոկորդին կանգնել*);

2. СФ, указывающие на зависимое положение человека в обществе: *гнуть спину, ползать на брюхе, падать в ноги* (ср. в армянском: *մեջք ծռել, մեկի տառաքտի, ոտքերն ընկնել*);

3. СФ, характеризующие манеру речевого общения:

а) фразеологизмы со значением нежелания вступать в разговор или продолжать его: *прикусить язык, набрать в рот воды, проглотить язык, держать язык за зубами* (ср. с армянским: *լեզուն կծել, բերանը ջուր հավաքել, լեզուն կուլ փալ, լեզուն արամների հեղևը պահել*);

б) фразеологизмы, характеризующие манеру ведения разговора: *проговорить сквозь зубы, разевать глотку, чесать зубы* (ср. с армянским: *արամների արանքից փել, դափարկ-մափարկ դուրս փալ*);

в) фразеологизмы, обозначающие болтливость: *длинный язык, чесать языком, распусть язык* (ср. с армянским: *երկար լեզու, լեզվին փալ*);

4. СФ, характеризующие отношение человека к работе:

а) фразеологизмы, указывающие на усердность, особую сноровку в деле: *гнуть спину, в поте лица, не покладая рук* (ср. с армянским: *մեջքը ծռել, քրտինք թափել, ձեռքերը ծալած չնստել*);

б) фразеологизмы, характеризующие безделье, лень и недобросовестное отношение к работе: *сложа руки, палец о палец не ударить, спустя рукава* (ср. с армянским: *ձեռքերը ծալած, մալը մալին չխփել, գլուխ պահել*);

5. СФ, характеризующие психическое состояние человека: *надувать губы, пустить слезу, выплакать все глаза* (ср. с армянским: *սրռչ անել, արցունք թափել, աչքերը ցամաքել*):

а) фразеологизмы со значением «уметь управлять собой, сохранять самообладание»: *держатъ себя в руках* (ср. в армянском: *իրենն պահել*);

б) фразеологизмы со значением «внешне проявлять свои чувства»: *хвататься за животы, делать круглые глаза, надувать губы* (ср. с армянским: *ծիծաղից մեռնել, աչքերը կլորացնել, պոռռ անել*);

6. СФ, указывающие на манеру осуществления зрительного или слухового восприятия: *навострить глаза, навострить уши, краем глаза, краем уха* (ср. с армянским: *աչքերը րել, ականջները րել, աչքի պոչով, ականջի ծայրով*);

7. СФ со значением внешней характеристики человека: *кожа да кости, кровь с молоком* (ср. с армянским: *կաշին ու ոսկորները, կարմրաթշիկ*);

8. СФ, содержащие характеристику умственных и интеллектуальных способностей человека: *семи пядей во лбу, светлая голова, садовая голова, голова варит* (ср. с армянским: *խելքի շտեմարան*);

9. СФ, характеризующие физическое состояние человека: *сбиться с ног, валиться с ног, еле ноги волочить* (ср. с армянским: *ոտնահան լինել, ոտքի վրա չկարողանալ կանգնել, ոտքերը քարշ տալ*);

10. СФ с пространственно-временным значением: *под носом – քթի տակ, рука об руку – ձեռք ձեռքի, руки не доходят – ժամանակ չկա*.

Отметим, что данный перечень может быть продолжен, поскольку соматические фразеологизмы отличаются широким разнообразием выражаемых семантических значений и оттенков значений, но в вышепредставленной классификации мы ограничились лишь наиболее частотными значениями СФ.

С изменением парадигмы гуманитарного знания в сторону антропоцентризма изучение человеческих эмоций занимает одно из центральных мест в современном языкознании. Суть лингвистического подхода к изучению эмоций В.И. Шаховский сформулировал следующим образом: «Фиксирование эмоциональных процессов проходит посредством психического механизма их отображения в семантике слов, используемых для вербализации эмоциональных отношений. Отображение видового опыта эмоционального состояния локализуется в смысловой структуре соответствующих слов-образов тех объектов, с которыми они соотносятся. Это отображение кодируется в слове специфическими компонентами его семантики, которые и формируют эмотивность слова. Так эмоции «проникают» в слова, закрепляются в них, хранятся в них и при необходимости манифестируются, выражаются и опознаются с помощью этих слов» (Шаховский 2008:5). Эмоциональные переживания, репрезентированные в языке, понятны для всех носителей данного языка, т.к. «все эмоции данной общности социологизированы и психологизированы,

т.е. обобщены видовым национальным опытом данного народа» (Там же).

Как уже было отмечено, большая часть соматических фразеологизмов, в силу своей антропоцентрической направленности, связана с эмоциональным поведением человека. В процессе коммуникации с помощью невербальных средств (при эмоциональном участии человека) передается значительное количество информации, характеризующей человека, его психологическое состояние, поведение в той или иной конкретной ситуации. Отметим, что фразеологизмы с указанной семантикой представлены во всех языковых картинах мира и носят универсальный характер, поскольку, обусловленные тесной связью с физиологией, эмоции (как позитивные, так и негативные) свойственны всем людям, независимо от их социальной и национальной принадлежности.

Среди большого разнообразия человеческих эмоций можно выделить следующие основные, «базовые» эмоции: удивление, гнев, радость, страдание, волнение, стыд, отвращение, страх, презрение, любовь, уныние, печаль, в равной степени свойственные носителям обоих рассматриваемых языков и соответственно отраженные в их фразеологических системах (Изард 1999).

Интересно заметить, что в обоих языках репрезентация негативных эмоций во фразеологии в количественном отношении значительно преобладает над репрезентацией позитивных эмоций. В.И. Шаховский отмечает, что эмотивов с от-

рицательной оценочной семантикой во многих языках в количественном отношении больше, чем эмотивов с положительной оценкой, однако при общении они употребляются намного реже, чем положительно оценочные эмотивные знаки (Шаховский 2008:19). Нам думается, что ограничение речевого употребления выражений с негативными эмотивами обусловлено правилами культуры речи и речевого этикета. Помимо этого, положительные эмоции выражаются всеми народами более однообразно, чем негативные эмоции, отличающиеся многообразием, конкретностью и зависящие от конкретных исторических условий развития данного языка, от темперамента конкретного народа и прочих факторов. Некоторые ученые объясняют общую широту спектра негативных эмоций и душевных состояний человека, репрезентированных в русском языке соматическими фразеологизмами, «низким уровнем коммуникативной сдержанности русских и стремлением к выражению негативных эмоций» (Прохоров, Стернин 2007:181-190).

В этой связи ниже мы представляем некоторые группы СФ по эмоциональному признаку, отражающие наиболее характерные позитивные и негативные человеческие эмоции. Внутри каждой из этих групп можно провести разграничение эмоций низкой и высокой степени интенсивности.

1. Группа соматических фразеологизмов, выражающих такие эмоции как **грусть, печаль, тоска, уныние, отчаяние, горе**. К эмоциям низкой степени интенсивности в этой группе

можно отнести грусть и печаль; высокой степенью интенсивности характеризуются уныние, тоска, отчаяние, горе.

а) Эмоции, выражающие **печаль**, **горе**, нашли вербализованное отражение в следующих русских СФ: *глаза на мокром месте, выплакать все глаза*. В армянском языке представленным фразеологизмам соответствует фразеологизм «*աչքերը ցամաքել*» с идентичным соматическим компонентом, но интересно заметить, что хотя в основе русских фразеологизмов лежит образ «мокрых глаз» как выражение печали, то в синонимичном армянском фразеологизме обыгрывается противоположный образ – «сухих глаз», семантика фразеологизма при этом остается неизменной. Сюда же можно отнести и метафоризированные фразеологизмы типа *сердце кровью обливается, камень на сердце*, в которых заметна некая «дисфункция органов» (термин Баранова и Добровольского 2008:135), за счет которой усиливается степень интенсивности данного эмоционального состояния. Указанные фразеологизмы имеют четкое соответствие в армянском языке в форме СФ *սիրտը արյունով լցվել, սրտին քար լինել*. Рассмотрим примеры из художественной литературы.

• Я не осушала глаз эти два года, но прятала от тебя мои слезы (Достоевский, Дядюшкин сон). *Սյու երկու ամիսները աչքերու ցամաքել էին, բայց քեզանից թարցնում էր արցունքներու*.

• Расставаясь с Верочкой, он вдруг почувствовал, что сердце его сжалось и облилось кровью (Тургенев, Два при-

ятеля). *Վեռնջկայից բաժանվելիս նա հանկարծ զգաց, որ սիրտը կծկվեց և արյունով ցլվեց.*

б) В СФ *рвать на себе волосы, хоть головой об стенку бейся* и других высокая степень отчаяния достигается путем преднамеренного усиления этого состояния за счет нанесения себе физической боли. Данные фразеологизмы не имеют конкретных соответствий в армянском языке, их смысл возможно передать с помощью ФЕ «*հրեն կորցնել*», не содержащей соматического компонента, либо с помощью ФЕ с другим соматическим компонентом (*գլխին փալ*), либо посредством описательных сочетаний. Например:

Арина Васильевна и сестры ревели и рвали на себе волосы (Аксаков, Семейная хроника). *Արինա Վասիլևնան և քույրերը լացում էին և գլխներին էին փալիս.*

в) Состояние уныния передается преимущественно соматическими фразеологизмами, основанными на пространственной метафоре: *опускать руки, складывать руки, махнуть рукой, вешать нос*. Сравним с армянским: *ձեռքերը ծալել, ձեռք բաշել, քիթը կախել.*

Проиллюстрируем на примере из художественной литературы.

Валентина Михайловна, кажется, махнула на меня рукой. Я в ее глазах – пропащая! (Тургенев, *Новь*). *Վարձես թե՛ Վալենտինան Միխայլովնան ինձանից ձեռք է բաշել: Նրա համար ես կորած մարդ եմ.*

2. Весьма большую группу составляют соматические фразеологизмы, выражающие **гнев** и его разные проявления: **раздражение, злость, ярость**. Среди представленных эмоций наибольшая степень интенсивности присуща эмотиву «ярость», наименьшая – «раздражение». Внутри группы «Гнев» можно выделить СФ с разными семантическими характеристиками:

а) СФ, выражающие эмоции или попытки их контролирования, характеризующие состояние субъекта, часто сопровождаемые различными внешними физиологическими изменениями (дрожью в руках, изменением цвета лица, сжиманием губ, скрежетом зубов и т.д.). Например: *кровь бросилась в голову, сверкать глазами*. Соответственно в армянском: *արյունը գլուխը փլվեց, աչքերից կայծեր թափվեցին* (в армянском фразеологизме «*աչքերից կայծեր թափվեցին*» для усиления эмоции использован образ искры). Приведем пример из художественной литературы:

Кровь бросилась Вадиму в голову, он шепотом повторил роковую клятву... (Лермонтов, Вадим). *Արյունը փլվեց Վադիմի գլուխը: Եւ ցածրաձայն կրկնեց ճակատագրական երդումը;*

б) СФ, указывающие на действия по отношению к субъекту или объекту, являющимися причиной гнева: *портить кровь (արյունը ւղիղորել)*. Например: *Одно платье на Таню, которое взялась шить англичанка, испортило много крови Дарье Александровне* (Толстой, Анна Каренина).

Տանյայի մեկ զգեստը, որը հանձն առավ կարելի անգլուհին, շափ փղպղղեց Դարյա Ալեքսանդրովնայի արյունը;

в) СФ, указывающие на пассивные действия по отношению к субъекту/объекту гнева: *срывать сердце, держать сердце* (ср. с армянским: *սիրտը հովազնել, քեն պահել*). Например:

Стали мужики-соседи на Пахома сердце держать...(Толстой, Много ли человеку земли нужно?). Հարկան գլուղացիները Պախովի վրա քեն պահել;

г) СФ, указывающие на действия, в основе которых лежит готовность причинить физический вред субъекту гнева: *перегрызть горло* (в армянском: *կոկորդը կրծել*). Например:

Юленков подбежал и ударил его по лицу. – Убью! Горло перегрызу! Грабители! (Гладков, Повесть о детстве). Յուլենկովը մոտ վազեց և հարվածեց նրա դեմքին. – Կուպանե՛մ: Կոկորդը կկրծե՛մ: Թալանիչնե՛ր;

д) СФ, представляющие субъект/объект гнева как помеху, препятствие: *стоять костью в горле, становиться поперек горла, сидеть в печенках*. Все эти синонимичные русские СФ имеют в армянском языке эквивалентное соответствие в форме соматического фразеологизма «*կոկորդի կանգնել*».

Например: *Вот видите, как мы удачно стали немцу, что называется, поперек горла (Гроссман, Народ бессмертен). Տեսնում եք, ինչպես ամու՛մ են, մենք շափ հաջող ենք կանգնել գերմանացու կոկորդին.*

Кроме представленных типов соматических фразеологизмов, репрезентирующих эмоцию «гнев», как в русской, так и в армянской языковых картинах мира нашло единичное отражение действие субъекта, направленное на самого себя (как разрушительное следствие проявления гнева), отраженное в СФ «портить себе кровь» – «*արյունը ւնլորել*».

3. Следующую большую группу составляют соматические фразеологизмы, выражающие чувство **страха**. Для передачи выделенной эмоции чаще всего используются метафорические модели холода и физической дисфункции, подразумевающей концептуализацию психического состояния через присущие ему проявления, хорошо знакомые носителям данного языка. Таковыми могут являться различные нарушения физиологически важных функций организма: остановка сердца, утрата способности говорить, передвигаться и т.п. В качестве примеров соматических фразеологизмов, выражающих чувство страха, основанных на метафорическом переосмыслении концепта «холод», можно привести следующие СФ: *зуб на зуб не попадает, словно мороз по коже, словно мурашки по телу, кровь стынет* (в армянском: *ախտաբեր չեն զրոգանում, ինչպես սառնակը մարման վրա, արյունը սառնում է*) и т.д. Чувство страха, передаваемое путем использования физиологической дисфункции, выражают СФ типа *волосы становятся дыбом, ноги онемели, ноги обмякли* (ср. с армянским: *մազերը բիզ-բիզ կանգնել, ոտքերը թուլանալ*) и т.п.

4. Менее широкое распространение в языке имеют фразеологизированные формы выражения **стыда, презрения, отвращения**. Указанные эмоции в русском языке вербализуются преимущественно в соматических фразеологизмах с компонентами «глаз», «кровь», «нос», «лицо». Например: *не знать куда глаза девать, кровь бросилась в лицо, воротить нос, плевать в лицо* и т.д. В армянском языке выделенные чувства передаются как соматическими фразеологизмами (*աչքերը փախցնել, երեսին թքել*), так и фразеологизмами без соматического компонента (*ամոթից գեղինը ծխնել, ամոթից կարմրել*).

Отметим, что среди представленных СФ с эмоциональным значением в обоих языках преобладают фразеологизмы с негативной коннотацией, что свидетельствует о склонности обоих народов обращать внимание на недостатки. Данное явление Т.А. Смирнова объясняет «подсознательной попыткой социумов к усовершенствованию с помощью критики» (Смирнова 2011:511).

Основываясь на вышеприведенном сопоставительном анализе соматических фразеологизмов, выражающих всевозможные эмоции, можно заключить, что картины мира сопоставляемых языков, с одной стороны, во многом сходны, поскольку выделенные эмоции представляют собой психологические универсалии, с другой стороны, во фразеологии находит свое отражение национальная специфика вербализации данных состояний.

§3.3. ФОРМЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ СФ И ИХ СВЯЗЬ С ДРУГИМИ ЕДИНИЦАМИ ЯЗЫКА

Известно, что семантика фразеологизма зачастую соответствует одному слову, т.е. фразеологизм возможно заменить соотносительной цельнооформленной лексической единицей.

Учитывая реальную и неоспоримую связь между фразеологическими и лексическими явлениями вообще и фразеологическими и лексическими единицами, в частности, а также основываясь на результатах наших конкретных исследований, отметим, что явление моносемии/полисемии присуще не только лексическим, но и фразеологическим единицам языка. При этом было бы ошибочным ставить математический знак равенства между полисемией в области лексики и полисемией в области фразеологии. Наши наблюдения над фактическим материалом показали, что явление полисемии в сфере фразеологии не характеризуется такой распространенностью, как в лексике. Наоборот, русские фразеологизмы чаще отличаются моносемичностью (примерно 85% ФЕ). По мнению В.П. Жукова, «развитию многозначности фразеологических единиц препятствует то, что фразеологизмы часто образуются вследствие метафорического переосмысления свободного словосочетания такого же лексического наполнения (Жуков 1986:193). Во фразеологии явление полисемии либо пересекается с явлением омонимии, либо сливается с

ним. В свою очередь, фразеологическая омонимия также не характеризуется активностью в языке. Очевидно, появление фразеологических омонимов находится в непосредственной связи с составом этих фразеологизмов, точнее, с их словесным окружением: чем многословнее фразеологизм, тем сложнее его употребление в переносном значении. Отсюда логически следует, что полисемия более характерна для фразеологизмов, соотносящихся со словосочетаниями; фразеологизмы же, соответствующие предложениям⁵, намного реже обладают полисемичностью. В этой связи В.П. Жуков отмечает, что «многозначность того или иного фразеологического оборота является свойством, присущим данному фразеологизму самому по себе, а не зависящим от контекста» (Жуков 1965:42).

Сравним, например:

за плечами – а) в непосредственной близости; б) в прошлом;

на языке – а) кто-либо готов сказать что-либо; б) что-либо постоянно обсуждается;

из рук в руки – а) от одного к другому; б) непосредственно кому-либо;

на ногах – а) стоя; б) встав ото сна; в) здоров, не болен; г) не ложась в постель;

⁵ Речь идет о фразеологизмах, построенных по модели предикативных словосочетаний.

от чистого сердца – а) совершенно искренне, откровенно; б) из самых добрых побуждений;

до корней волос – а) очень сильно; б) всем существом, целиком, полностью.

В отличие от вышепредставленных примеров фразеологизмы *говорить на разных языках; язык отнялся; язык хорошо подвешен; как рукой сняло; обводить вокруг пальца; морочить голову; словно камень с сердца свалился; руки не доходят; чужими руками жар выгребать; вешать нос; только пятки сверкают; пускать пыль в глаза* и другие моносемичны и выступают в языке в одном закрепленном значении.

Поскольку в большинстве случаев фразеологизм является следствием метафоризации свободного словосочетания, то новое значение его следует рассматривать как результат повторной метафоризации того же свободного словосочетания. Иначе говоря, каждое новое значение фразеологизма выступает как обобщенно-метафорическое.

Что касается явления омонимии внутри фразеологизмов, то оно предполагает такое соотношение фразеологизмов, когда два или несколько фразеологизмов, тождественных по своему компонентному составу и по своей структурной организации, различаются лексическим значением настолько, что не могут быть рассмотрены как один фразеологизм с двумя значениями, а квалифицируются как два отдельных, самостоятельных фразеологизма.

Например:

1. *за глаза* – а) заочно, в отсутствии кого-либо говорить о нем;

б) не видя (купить, нанять, заказать и т.д.);

2. *за глаза* – вполне, с избытком (достаточно).

Анализ соматических фразеологизмов показал также, что некоторые фразеологизмы выступают в современном русском языке со смещенным значением, по сравнению с соответствующими фразеологизмами более раннего периода. Очевидно, это явление связано с процессом исторического развития языка, в ходе которого незаметно, но постоянно (согласно закону эволюции) происходят изменения, приближающие ту или иную языковую единицу к современной форме, к современным нормам языка.

Другой отличительной особенностью фразеологизмов вообще и СФ, в частности, является вариантность употребления их в языке. Данное свойство присуще не всем соматическим фразеологизмам, но на основании конкретных исследований можно констатировать характерность его для подавляющей части фразеологизмов рассматриваемой тематической группы (Пистарк 1979:142-145).

В исследованиях по фразеологии современного русского языка существуют разные мнения ученых относительно возникновения и распространения явления вариантности среди фразеологизмов. Некоторые исследователи считают общепризнанным понимание этой категории как сосуществующих

разновидностей фразеологических единиц. А.В. Кунин, например, отмечает лишь частичные лексические несходства в варьирующихся структурах при тождественности значений, стилистических и синтаксических функций (Кунин 1987); В.Л. Архангельский различает варианты и вариации устойчивых фраз (Архангельский 1968:21-29); В.Н. Телия выделяет лексические, лексико-морфологические и лексико-синтаксические варианты идиом (Телия 1996). Г.А. Селиванов так определяет вариантность: «Под вариантом фразеологической единицы понимается та или иная параллель, совокупность которых обладает сводимостью к одной модели, опознаваемой и осознаваемой независимо от того, частично или полностью изменен лексический состав выявленного или предполагаемого инварианта, воспринимаемого в качестве эталона» (Селиванов 1977:3-21).

Семиологический подход к проблеме знаковой функции фразеологизмов позволил некоторым ученым утверждать, что фразеологизмы находятся под непрерывным давлением со стороны всей совокупности форм и значений словесной системы, чем и обусловлена категория вариантности фразеологизмов, тождество которых обеспечивается осознанием внутренней формы знака (Уфимцева 2002; Овчинникова 2006). Вариантность в их понимании – это «совокупность динамических состояний фразеологического знака, выражающаяся в его способности актуализировать то или иное дополнительное содержание, чаще всего прагматически обуслов-

ленное, а также в сохранении и реализации синтагматических и парадигматических связей слов-компонентов, в опущении какого-либо звена составного знака».

Вариантные фразеологизмы обычно отличаются друг от друга компонентным составом (расширением или сжатием его), грамматическими формами и фонетическим выражением компонентов. Фразеологические варианты сосуществуют в языке, и выбор одного из них в каждом конкретном случае зависит прежде всего от цели использования данного фразеологизма. Так, в художественной литературе выбор одного из вариантов фразеологизма чаще всего происходит в целях воссоздания колорита, соответствующего общему слогу, определенной эпохе, сословию и т.п. В подобных случаях немаловажную роль играет стилистическая тональность фразеологизма. Отметим, что в публицистических произведениях, газетных заметках, деловом языке вопрос выбора варианта значительно облегчен именно за счет четко установленных стилистических рамок.

В современных исследованиях по фразеологии нередко абсолютизируется положение об устойчивости лексического состава фразеологических единиц, однако изучение образования последних в русском языке показывает, что в процессе развития языка лексический состав фразеологизмов оказывается весьма подвижным, и на базе уже существующих в языке фразеологизмов образуются новые.

Фразеологизм характеризуется наличием у него собственно формы, степень семантической спаянности которой со структурой всего фразеологизма бывает различной. Так, определенная часть СФ русского языка имеет прочно фиксированную структуру, нарушение которой часто недопустимо, иначе говоря, в подобных фразеологизмах невозможны лексико-семантические и иные преобразования (например: *скрепя сердце; в ус не дуть; зуб на зуб не попадает; горит в руках* и т.д.). У других же фразеологизмов собственно форма способна изменяться в речи. Лексическое наполнение таких фразеологизмов может подвергаться различного рода трансформациям за счет изменения «факультативных» компонентов. Именно в результате подобных трансформаций вместо закрепленных во фразеологической системе языка собственно форм появляются новые формы употребления тех же фразеологизмов, активно используемые в речи. Например, вместо широко известного в языке соматического фразеологизма «*висеть на волоске*» (собственно форма фразеологизма) в разговорной речи весьма часто употребляется его разновидность «*держаться на ниточке*». В данном случае появлению новой формы фразеологизма способствовала замена обоих его составляющих компонентов. Как видно из представленного примера, в новой форме рассматриваемого фразеологизма не произошло структурно-семантического сдвига, а, наоборот, она сохранила полную идентичность видоизмененному СФ. Отметим также, что варианты фразеологизмы

отличаются именно полной контекстуальной взаимозаменяемостью.

Сравним: *забрать себе в голову* – *вбить себе в голову* – *вбить себе в башку*.

Итак, вариантный фразеологизм полностью идентичен основному фразеологизму в лексико-грамматическом и семантическом планах, выступая всего лишь как его разновидность (возможно, с добавлением или, наоборот, устранением некоторых элементов лексического окружения последнего). Не следует забывать, что фразеологические варианты, независимо от степени отличия от основного фразеологизма (принятого, закрепленного в языке), никоим образом не нарушают семантической целостности последнего и, что важнее, абсолютно тождественны ему.

Вариантность фразеологизма может быть порождена различными лексическими, семантическими, лексико-семантическими и прочими преобразованиями (Архангельская 1998; Бондаренко 1995). Лексическое преобразование представляет собой процесс модернизации единиц, в основе которого лежат причины экстралингвистического или собственно лингвистического характера. К экстралингвистическим причинам относятся, например, устаревание реалий, понятий, отраженных во фразеологических компонентах; собственно лингвистическими же причинами могут явиться некоторые тенденции (например, русификация, пуризм) или изменения в лексической и фразеологической системах языка. Причиной

преобразований может также быть стремление оживить образ фразеологической единицы или развить его, что нередко происходит на основе народной этимологии.

Детализируя варианты преобразования внутри фразеологизмов, можно выделить следующие их виды, наиболее распространенные в языке:

- замена компонентов СФ;
- развитие образа;
- эллипсизация;
- лексические вкрапления;
- локализация;
- инверсия;
- стилистические преобразования.

1. Замена компонентов фразеологизма может носить разнообразный характер:

а) замена слова другим, более активным на данном этапе развития языка или отражающим более актуальную реалию (например: *вверх тормашками – вверх ногами*);

б) замена слова с фразеологически связанным значением словом со свободным значением (например: *навострить уши – навострить слух*);

в) замена одной из лексических составляющих ассоциативно соотношенным компонентом (например: *с головы до ног – с головы до пят*);

г) замена устаревших слов новыми (например: *бить в очи* – *бить в глаза*). Иногда встречаются случаи замены всего фразеологизма новым. Сравним, например:

не с руки – **вместо** не рука; нос к носу – **вместо** нос с носом; с глаза на глаз **вместо** между четырех глаз или глаз на глаз; на руку **вместо** в руку и т.д.

Устаревшие формы представленных фразеологизмов в основном встречаются в произведениях художественной литературы XVIII-XIX веков, в современной же литературе такие фразеологизмы используются лишь в специальных стилистических целях.

Проиллюстрируем это на примерах из художественной литературы.

- *Осенью я набрала мер шесть орехов, да продала за пять целковых, и на эти деньги купила себе телочку, только она не пошла **в руку**, издохла* (Успенский, Колдунья).

- *Но не успел он надавить на дверь, как она сама отворилась, и **нос с носом** он столкнулся с шедшей ему навстречу с ведром, подоткнутой, босоногой и с высоко засученными рукавами бабой* (Толстой, Дьявол).

- *Тебя я бранивал не раз. И **за глазами**, и **в глаза*** (И. Тургенев, Старый помещик).

2. Особую разновидность вариантных преобразований составляет развитие

образа, когда новая единица не имеет общих слов с той, на базе которой она появилась, но семантическая связь меж-

ду ними очевидна (например: далеко ушел – рукой не достанешь).

3. Весьма распространенным видом фразеологических преобразований является эллипсизация, в которой в известной мере реализуется тенденция экономии речевой деятельности. Различаются две разновидности эллипсиса: эллипсис-сокращение и эллипсис-сжатие. Эллипсис-сокращение чаще всего имеет место в результате отпадения конечного элемента фразеологической единицы, поскольку сохранение начального компонента в линейном расположении фразы играет большую роль в психологическом восприятии (узнавании) данного фразеологизма слушающими (ср., например: предлагать руку и сердце – предлагать руку; из рук вон плохо – из рук вон). При сокращении компонентов в устойчивых фразах одновременно могут отпадать один или несколько членов, что зависит от их значения и синтаксического строения фразы. Эллипсис-сжатие на фразеологическом уровне больше присущ устойчивым фразам (например: материнское молоко на губах не обсохло – материнское молоко не обсохло). В результате эллипсиса-сжатия выпадают менее ценные информативные элементы фразы.

Обычно эллипсизации подвергаются наиболее употребительные, доступные, хорошо знакомые носителю данного языка и прочно укоренившиеся в языке фразеологизмы, ибо только в этом случае представляется возможным быстрое восстановление исходной формы. Отметим также, что в СФ

эллипсизации может подвергаться как соматический, так и любой другой компонент фразеологизма, не нарушая при этом основного условия эллипсиса: сохранение семантической целостности всего фразеологизма.

При сопоставлении эллиптических русских соматических фразеологизмов с соотносительными армянскими эквивалентами обнаруживается их полное совпадение, хотя, как показывает анализ, явление эллипсизации не получило широкого распространения внутри фразеологической системы армянского языка.

Сравним, например:

Կարծես ըհ ծանր բէն ընկաւ – **вместо** Կարծես ըհ ծանր բէն ընկաւ ուտրից;

Եզրն գլխն – **вместо** ընդհանրն Եզրն գլխն и т.д.

Часть фразеологических единиц, трансформированных в результате эллипсиса в минимально замкнутые устойчивые конструкции, остается в сфере фразеологии, другая же часть продолжает подвергаться эллипсизации, и в результате универбации фразеологическая единица превращается в слово, переходя с фразеологического уровня на лексический.

Особенно часто явление эллипсизации встречается в языке художественной литературы, где используется в основном речевой эллипсис, включающий в себя индивидуальные сокращения общезыковых и авторских ФЕ. Эллипсис в художественной литературе используется преимущественно в стилистических целях, способствуя созданию индивидуально-

авторского стиля. При этом эллипсизации подвергаются преимущественно разговорные и просторечные фразеологические единицы, что вполне понятно и не нуждается в дополнительных комментариях, поскольку это тот пласт лексики, который отличается заметной употребительностью и предельной ясностью для широких слоев народа.

Проиллюстрируем это на конкретных примерах.

Наташа, подперши руки в боки, сделала движение плечами и встала (Толстой, Война и мир).

Сравним с полной формой: *руки в боки, глаза в потолок*.

Часто эллипсис в художественной литературе рождается под воздействием сильных эмоций, и при этом возможно выпадение одновременно разных фразеологически детерминированных элементов.

Например:

Я тебе говорю – вздор, еще молоко не обсохло, а в военную службу хочет! (Л.Толстой, Война и мир).

Сравним с полной формой известного фразеологизма: *материнское молоко на губах не обсохло*. Вполне очевидно, что в данном случае информативная самодостаточность и «узнаваемость» выделенного известного фразеологизма вовсе не пострадала.

В других случаях, когда эллипсису подвергаются менее распространенные и частотные фразеологизмы, пониманию значения и восстановлению недостающих элементов способ-

ствуется конкретная речевая ситуация, в рамках которой прозвучала эллиптированная фраза, или контекст всего художественного высказывания, если речь идет об авторском эллипсисе.

4. Лексические вкрапления нарушают непроницаемость фразеологической единицы и изменяют структуру последней. Поскольку непроницаемость структуры принято считать одним из главных отличительных признаков фразеологизма, то можно логически предположить, что в основной своей массе фразеологизмы (в том числе и соматические) выступают как целостные, неразделимые языковые единицы.

Например: *сломя голову; буйная головушка; рука об руку; вешаться на шею; ветер в голове; во все лопатки; водить за нос* и т.д.

В вышепредставленных примерах очевидна тесная спаянность компонентов СФ и невозможность «расширения» фразеологизма за счет новых компонентов.

Реже встречаются случаи, когда непроницаемость фразеологизма нарушается вследствие вклинивания в его компонентный состав дополнительных элементов. Последние обычно призваны выполнять конкретизирующую, частносемантизирующую роль или просто экспрессивно окрашивать фразеологизм. Например:

отвечать головой – отвечать собственной головой;
видеть своими глазами – видеть своими собственными глазами;

мотать на ус – мотать себе на ус;

выплакать глаза – выплакать все глаза.

Соответственно в армянском:

*իր աչքերով տեսնել – իր սեփական աչքերով տեսնել;
գլխով պարտախախտել – սեփական գլխով պարտախախտել.*

Представленные пары СФ могут рассматриваться как варианты, т.е. «вкрапливание» новых компонентов в уже существующие в языке фразеологизмы способствует их вариантному употреблению.

5. Другим видом фразеологических преобразований является локализация, суть которой заключается во внесении в СФ специфики определенной территории или приспособлении их к определенной социальной группе носителей языка. Например: повесить нос – повесить нос на квинту.

6. Появление вариантных форм СФ может оказаться и следствием инверсии, подразумевающей изменение компонентного расположения внутри фразеологизма без какого-либо семантического сдвига. Являясь элементом структуры фразеологических единиц, порядок слов представляет собой также одно из важных средств их грамматической организации. Фразеологические единицы современного русского языка обладают более устойчивым словорасположением, чем аналогичные им свободные комбинации слов. В основе этой устойчивости лежит коммуникативная значимость слов-компонентов при определенной последовательности, которая

закрепляется языковой традицией в качестве основного порядка слов. Высокая устойчивость фразеологизма обычно ограничивает внутрикомпонентную подвижность последнего. Именно с таким привычным порядком составляющих компонентов фразеологизм знаком носителю того или иного конкретного языка и реализуется им в речи. Но фразеологические единицы состоят из лексем, обладающих самостоятельным значением. Находясь в составе фразеологических единиц, они постоянно тяготеют к самостоятельному употреблению и при определенных условиях могут актуализировать свое значение вплоть до самостоятельного употребления, что приводит к возникновению инверсионной вариантности у ряда фразеологизмов. Указанное явление может встречаться как в разговорной речи, так и в языке художественной литературы. Следует отметить, что авторское инверсионное использование фразеологизма обычно подчиняется определенным целям и не затрудняет восприятие. Например:

Сердце у него золотое (Толстой, Анна Каренина).

При инверсионном порядке слов направление детерминации противоположно естественной последовательности элементов в речевой цепи, что в некоторой степени осложняет процесс воспроизведения фраземы, т.к. сознание носителя языка при этом вынуждено восстанавливать закрепленную языком исходную форму фраземы. Варьирование порядка слов не разрушает фразему, поскольку оно происходит в пределах инварианта, и внутрикомпонентные отношения ее

как детерминированной структуры сохраняются, принудительно вызывая в сознании говорящего появление другого компонента и при обратном (инверсионном) порядке слов.

Исследование фактического материала показало, что соматические фразеологизмы (как и фразеологизмы вообще) в разной степени подвержены инверсии. Опираясь на результаты исследования анализируемого материала, можно констатировать, что способность к инверсионным изменениям находится в прямой зависимости от дистанционного расположения компонентов фразеологизмов, а именно: фразеологизмы с осязаемым дистантным расположением компонентов чаще допускают обратимость синтаксических отношений, чем фразеологизмы, обладающие более слитным типом значения. Вследствие этого варьирование порядка слов внутри первой группы фразеологизмов встречается намного чаще, чем внутри последней.

Наблюдения над фактическим материалом показывают, что оба варианта (привычный и инверсионный) параллельно сосуществуют во фразеологической системе языка: первый вариант с установившимся компонентным порядком закреплён в языке как исходный, а второй, «индивидуальный», больше присущ разговорной речи, но в обоих случаях значение фразеологизма в целом остается неизменным.

Сравним, например:

вешать на уши лапшу – вешать лапшу на уши;

не верить своим глазам – глазам своим не верить;

не отрывать глаз – глаз не отрывать.

Аналогичная картина наблюдается и при компонентной инверсии армянских фразеологизмов. Например:

քիթը կախել – կախել քիթը;

գլխից դուրս չգալ – դուրս չգալ գլխից.

Думается, что в числе основных причин инверсии следует отметить акцентирование смыслового веса или актуализацию определенного признака соответствующего компонента фразеологизма, а также стилистический фактор.

7. Вариантные фразеологические преобразования могут быть вызваны также их разной стилистической окраской. Например:

во все горло – во всю глотку; пустая голова – пустая башка.

Исследование фразеологического материала показывает, что из всех представленных источников вариантности фразеологизмов наиболее распространенным является замена лексических составляющих внутри СФ. Данный способ порождения вариантности особенно характерен для глагольных и субстантивных соматических компонентов. Возможно, это объясняется тем, что в русском языке указанным разрядам слов больше, чем другим, присуща синонимия форм.

Что касается ассоциативной замены компонентов фразеологизма, то она соприкасается с логическим фактором. Например, варианты формы *на дружеской ноге* и *на короткой ноге* выражают общее значение близости. На наш

взгляд, именно внутри отмеченного общеизвестного значения СФ взаимозаменяемость адъективных компонентов «**дружеский**» и «**короткий**» логически оправдана. Прилагательное «**дружеский**» характеризуется весьма устойчивой однозначностью семантики. Прилагательное же «**короткий**» в силу своей полисемичности в одном из значений совпадает с семантикой вышевыделенного адъективного компонента: оно может означать «*небольшой, маленький*» (*отрезок, расстояние, рост* и т.п.). Отсюда следует логико-семантическая связь между данной адъективной парой: *быть на коротком расстоянии от кого-либо*, что приблизительно равноценно той степени близости, которая связывает друзей. Итак, в семантическом отношении такие единицы тождественны, категориальная характеристика их также одинакова. Изменения фактически касаются лишь их стилистической окраски, и именно благодаря стилистической дифференциации допустимо и оправдано сосуществование в языке подобных фразологических вариантов.

Примечательно, что в результате разного рода преобразований в языке образуется довольно большой разряд предикативных фразеологизмов. Формирование предикативных фразеологизмов, в которых предикативную функцию выполняют именные или предложно-именные сочетания, происходит в результате усечения глагольного компонента. Имя, выдвигаясь на первый план и принимая на себя единственную функцию предикации, меняет категориальный статус фра-

зеологической единицы, и в этом случае образуется новая фразеологическая единица. Особенно продуктивен данный способ фразеобразования в пределах фразеологических гнезд, образуемых при участии таких продуктивных глаголов действия как «думать», «брать», «держать» и т.д. Сравним, например: *брать в руки – в руках*.

Осуществление такой деривации во многом обусловлено характером глагола: чем более емкой семантикой обладает глагол, тем легче происходит его десемантизация и тем больше приближается его функция к лексико-грамматическому показателю глагольности.

Формирование предикативных фразеологических единиц может происходить также на основе субституции глагольного компонента соотносительным по значению и форме существительным. Например: *ударить в спину – удар в спину*.

Предикативные новообразования представленного типа отличаются от своих производящих характером грамматической семантики: глагольные фразеологизмы выражают предикативный признак динамически, а их предикативные дериваты – статически, как постоянный признак, состояние.

Несколько реже следствием различного рода преобразований фразеологических единиц может оказаться формирование адвербиальных фразеологизмов на основе соответствующих глагольных фразеологизмов. Например: *отводить глаза – для отвода глаз; держать камень за пазухой – с камнем за пазухой*. Представленные фразеологические дериваты

ваты квалифицируются во фразеологических словарях как варианты, основные же их формы приводятся в заглавиях словарных статей.

Например, в состав словарной статьи с фразеологизмом к ногтю включены фразеологические единицы взять к ногтю, прижать к ногтю. Значения их раскрыты как тождественные: уничтожить, ликвидировать, расправиться. В функциональном отношении характеристика рассматриваемых фразеологизмов также совпадает – все они выполняют функцию сказуемого.

Реже во фразеологических словарях встречаются случаи, когда коррелятивные пары подаются в виде отдельных словарных статей и, следовательно, интерпретируются как самостоятельные единицы. Сравним: *пускать себе пулю в лоб – хоть пуля в лоб*.

Очень часто словари и вовсе не отражают преобразований фразеологических единиц (см., например, фразеологизмы с глагольными компонентами «**держать**», «**брать**» в составе), хотя живая разговорная речь в основном фиксирует такие инновации.

Фразеологические новообразования могут быть квалифицированы в качестве самостоятельных единиц фразеологической системы, поскольку они обладают иной, по сравнению с «производящей» фразеологической единицей, категориальной семантикой, грамматической формой и характером функционирования в предложении, т.е. признаками, необхо-

димыми для статуса самостоятельных фразеологических единиц.

Функционирование фразеологических единиц (в частности, СФ) в виде вариантов, возникших в языке в разное время, – не только свидетельство его структурного и функционального развития, но и показатель возможности применения при его изучении метода реконструкции в области фразеологии. При более широком привлечении данных русского и других языков таким методом может быть прослежена существенная сторона, касающаяся языковых контактов. Помимо этого, фразеологическое варьирование стимулирует расширение состава оборотов речи.

Естественный отбор лучших образцов определяется узусом или языковой традицией, искусственному же отбору варианты фразеологических единиц, бытующие в языке в разное время, как правило, не подвластны. Наличие в языке фразеологических вариантов, на наш взгляд, во многом облегчает построение речи и оживляет речевое общение, позволяя делать свободный выбор среди существующих вариантов, критерием тождественности которых является их структурно-семантическая общность.

Говоря о вариантности фразеологизмов и предполагая при этом параллельное сосуществование в языке этих вариантов, интересно выяснить, существует ли начальный инвариант фразеологизма и каковы критерии его выделения.

Наши наблюдения показали, что обычно в качестве эталона (инварианта) воспринимается наиболее привычная, употребительная форма фразеологизма, помеченная нейтральной стилистикой.

Изучение вариантности употребления СФ позволяет заключить, что среди разновидностей (вариантных форм) одного и того же фразеологизма, кроме просторечных, часто встречаются также диалектные и архаичные формы их употребления, восходящие соответственно к определенным говорам и историческим периодам развития языка. Так, с литературным выражением **«падать в ноги»**, имеющим разновидности **«пасть к ногам»**, **«валяться в ногах»** и т.д., соотносится вариант **«валиться в копыта»**, восходящий к североуральскому говору. Или, к примеру, старинное книжное выражение **«отдать аминя»** известно в сибирских говорах в значении *«умереть»*, прямо соотносимом с разговорным вариантом известного СФ **«протянуть ноги»** или **«отдать богу душу»** (ср.: *«...не заживешься на белом свете! Готовься аминь отдать»*. – Черкасов, Хмель).

В качестве примеров переплетения и сосуществования разновидностей литературных и диалектных форм СФ можно привести следующие фразеологизмы:

рукой подать (лит.) – *протягай рука* (диал.);

от всего сердца (лит.) – *от всего усердия* (диал.);

Интересно заметить, что в последнем случае, несмотря на структурно-компонентную однотипность, на первый взгляд

ощущается существенный семантический сдвиг в компонентном составе параллельных форм (ср.: сердце – усердие), однако при обращении к конкретной диалектной лексике и этимологии выясняется их семантическая идентичность.

Таким образом, в вышеприведенных примерах были представлены однотипные структурные модели разновидностей СФ с эквивалентным лексическим и семантическим наполнением.

В других случаях встречается вариантный ряд СФ, различающийся лексическим составом и грамматическим выражением форм управления внутри вариантов. Сравним, например: *бежать с глаз долой* – *бежать с очи*. Отметим также наличие в составе одного из представленных вариантов факкультативного элемента «долой».

Еще одну разновидность рассматриваемого фразеологизма встречаем в авторском тексте: *«Беги, сокройся от очей, Цитеры слабая царица»* (Пушкин, Вольность).

Следует отметить, что несмотря на имеющиеся расхождения между вариантами одного и того же фразеологизма, их легко опознать и включить в один вариантный ряд, чему, на наш взгляд, способствует наличие у них общей семантики, твердо зафиксированной в подсознании носителя данного языка.

Явление вариантности фразеологических единиц теснейшим образом связано с понятием «внутренняя форма» фразеологизма. Одним из основных формальных показате-

лей вариантного употребления фразеологизмов является замена их лексических составляющих. Если при этом не происходит семантического сдвига, а, следовательно, не меняется «внутренняя форма», то в таких случаях очевидна вариантность фразеологизма; если же замена компонентов вызывает семантическое смещение и затрагивает «внутреннюю форму», то возникают фразеологические синонимы, а не варианты одного и того же фразеологизма. Например:

бить по рукам – ударить по рукам;
голова трещит – голова раскалывается.

Но:

ветер в голове – без царя в голове;
набрать в рот воды – проглотить язык.

Исследование фактического материала показывает, что, как правило (или чаще всего), синонимы возникают при замене опорного компонента фразеологизма, а варианты – при замене его зависимого компонента. Данный вывод представляется нам логически убедительным, поскольку, как и любой зависимый элемент, зависимый компонент фразеологизма также не может предопределять семантику последнего в целом, а потому и замена его другим компонентом может способствовать возникновению лишь новой формы соответствующего словосочетания, но не нового фразеологизма.

Явления вариантности и синонимии фразеологизмов настолько тесно переплетаются, что некоторые ученые порой склонны отождествлять их. Однако это всего лишь внешнее

сходство, при более глубоком же анализе выявляются коренные отличия между этими явлениями. Если вариантность допускает употребление двух или более фразеологизмов с определенными модификациями, о которых речь шла выше, то фразеологические синонимы могут отличаться как по своей структуре и составу, так и семантико-стилистическими нюансами, сохраняя при этом неизменность внутренней формы соответствующего фразеологизма. Следует отметить, что указанные семантико-стилистические нюансы обычно характеризуются некоторой «стертостью», слабой выраженностью, в то время как изменения структурного состава фразеологических синонимов, как правило, всегда налицо.

При сопоставлении фразеологических единиц с лексическими в плане рассматриваемых явлений (вариантности и синонимии) в области лексики вырисовывается примерно такая же картина: вариант слова (жаргон, арг, диалект и т.д.) во все не идентичен его синониму. Сравним, например: *глаз* – *око* – *моргалo*.

Под фразеологическими синонимами принято понимать фразеологизмы с тождественными или предельно близкими значениями. Фразеологические синонимы, как и синонимы вообще, могут быть полными и частичными, т.е. абсолютно взаимозаменяемыми и частично взаимозаменяемыми. Данный фактор в определенной степени зависит от структуры фразеологизма. Так, одноструктурные СФ чаще всего полностью взаимозаменяемы, разноструктурные – частично взаи-

мозаменяемы, поскольку они обладают разной сочетательной способностью. Помимо этого, в основе одноструктурных синонимичных соматических фразеологизмов лежит одинаковая структурная модель, что также способствует их сближению; разноструктурные же СФ не подводятся под одну структурную модель, и это ограничивает их синонимические возможности.

Для фразеологических синонимов характерны семантический параллелизм и доминанта смыслообъединяющего значения. Последняя обычно сопровождается различными частносемантическими значениями, играющими второстепенную роль.

Для наглядной иллюстрации вышеотмеченного факта сопоставим некоторые синонимические ряды СФ с их смыслообъединяющими значениями:

а) *бок о бок – рука об руку – плечом к плечу – нос к носу – лицом к лицу – глаза в глаза* → **очень близко**;

б) *сломя голову – очертя голову – во все лопатки – со всех ног* → **очень быстро**.

В обоих вышепредставленных синонимических рядах (одноструктурных и разноструктурных СФ) налицо семантика признака действия: а) **близко**, б) **быстро**. Интересно также отметить, что степень проявления указанных признаков в обоих случаях определяется одним и тем же словом: **очень**, что дает нам основание утверждать следующее: в приведенных рядах «близость» и «быстрота» носят не обычный харак-

тер, а непременно превышают среднюю характеристику выделенных признаков. И именно слово «очень» является тем конкретизирующим компонентом, который в данном случае не может быть опущен, поскольку это неизбежно приведет к ущербу семантики всего СФ в целом.

Исследование фактического материала выявило следующие особенности синонимии соматических фразеологизмов:

- синонимичные СФ в основном обладают сходной синтаксической сочетаемостью;
- синонимичные СФ не всегда соотносятся со словами, принадлежащими к одной и той же части речи;
- в синонимичных СФ не всегда присутствует соматический компонент.

При рассмотрении синонимических пар соматических фразеологизмов (а часто и целых синонимических рядов) нередко приходится сталкиваться с имплицитно содержащимися в них дополнительными оттенками значений, которые порой ограничивают их полную взаимозаменяемость. Так, СФ *морочить голову* входит в следующий синонимический ряд: *втирать очки – пускать пыль в глаза – обводить вокруг пальца – водить за нос – отводить глаза – заговаривать зубы – обувать на обе ноги – брать на арана*.

Заметим, что не все фразеологизмы представленного синонимического ряда включают соматический компонент, однако их объединяет общее семантическое значение, а именно: **поступать нечестно**. Дальнейшее исследование указан-

ных фразеологизмов выявляет у них частные значения, затрагивающие лишь отдельные фразеологизмы, иногда – некоторые пары или группы внутри общего синонимического ряда.

Так, например, фразеологизм пускать пыль в глаза означает не просто «нечестно поступать», а «хвастаясь, обманывать, создавать некую видимость»; синонимическая пара заговаривать зубы и отводить глаза характеризуется следующим смыслоразличительным значением: «умышленно отвлекать внимание, создавать ложное впечатление»; соматические фразеологизмы морочить голову и водить за нос объединены следующим частносемантизирующим значением: «вводить в заблуждение обычно в течение длительного времени».

Тем не менее, несмотря на наличие разных имплицитных оттеночных значений внутри общего значения данного синонимического ряда, последнее является доминирующим, смыслообъединяющим, что позволяет объединить все вышепредставленные фразеологизмы в один синонимический ряд.

В вышепредставленных примерах дополнительные семантические оттенки значений внутри синонимических пар содержатся имплицитно в глубинной семантике фразеологизмов в целом. Нередко же оттеночные значения привносятся во фразеологизм посредством слов-сопроводителей. Например, соматический фразеологизм без задних ног приобретает разные семантические оттенки в зависимости от того, с ка-

ким девербативным компонентом он сочетается (спать, лежать, валяться и т.д.).

Наоборот, фразеологизмы синонимического ряда *в поте лица, не покладая рук* и другие полностью взаимозаменяемы, поскольку все они сочетаются только с глаголами «работать», «трудиться» и, естественно, не могут отличаться дополнительными семантическими нюансами.

Итак, фразеологические синонимы, как и лексические, могут быть полными или частичными, т.е. в одних случаях синонимичные СФ полностью взаимозаменяемы, в других – различаются оттенками значений.

Аналогичный вывод вытекает и из анализа соотносительных армянских соматических фразеологизмов. Сравним, например:

а) частичные синонимы: *կոոք կոոքի – քթի րակ – ձեռքը մեկնես՝ կհասնի*;

б) полные синонимы: *գլուխը յուղել – աչքերին թոզ փչել – աչքերը կապել – մատների վրա խաղացնել...*

Отметим, что в обоих случаях обязательным условием синонимичности фразеологизмов (как и синонимии вообще) является неизменность их семантического поля.

Исследование синонимичных соматических фразеологизмов позволяет заключить, что их полная или частичная взаимозаменяемость в известной степени обусловлена лексическим окружением. Так, в частности, стержневой центр большинства рассматриваемых глагольных СФ связан с конкрет-

ными глаголами, которые и привносят дифференцирующие оттенки значений в общую семантику соответствующего фразеологизма в целом.

Сравним, к примеру, синонимическую пару фразеологизмов во все лопатки и в мгновение ока. Если рассматривать эти фразеологизмы в представленной усеченной форме (т.е. без привычных глаголов-сопроводителей), то синонимическая связь между ними окажется трудноуловимой, хотя оба рассматриваемых фразеологизма проявляют семантическую соотнесенность с наречием «**быстро**». При попытке же восстановления привычного словесного окружения данных СФ⁶ обнаруживается ограниченность их синонимии рамками видового употребления соответствующих глаголов. Оба отмеченных фразеологизма принято сочетать с глаголами движения (бежать, мчаться, скакать). Но если СФ во все лопатки способен присоединять лишь форму несовершенного вида указанных глаголов, то фразеологизм в мгновение ока, наоборот, использует форму совершенного вида тех же глаголов.

Дальнейший анализ позволяет объяснить причину разграничения употребления видовых пар выделенных глаголов в составе рассматриваемых фразеологизмов. Дело в том, что фразеологизм во все лопатки, хоть и обозначает быстрое движение, но не ограничивает рамки последнего, точнее, мы не видим финальной точки движения, оно может быть беско-

⁶ В данном случае речь идет об опущенном глагольном компоненте.

нечно длительным во времени; в СФ же в мгновение ока, имеющем синонимичное семантическое наполнение, четко очерчен предел отмеченного быстрого движения: это то минимально короткое время (пока человек успеет моргнуть глазом), за которое можно успеть добежать, доскакать... и т.п. до определенной точки и столь же мгновенно вернуться обратно. Таким образом, мы пришли к выводу, что стержневой компонент синонимичных фразеологизмов обычно выполняет функцию конкретизатора семантического поля всего фразеологизма в целом.

Исследование соматических фразеологизмов русского языка показало, что синонимичные пары СФ часто отличаются друг от друга компонентным составом и формой выражения, а именно:

а) в некоторых случаях в синонимической паре сохраняется основной соматический компонент. Например: язык отнялся – язык прилип к гортани.

Проиллюстрируем это на примерах из художественных текстов.

*Меня тут и краска прошибла, и **язык отнялся**... из своих пришлось в казну приплатиться* (Достоевский, Ползунков).

*Шел к тебе гоголем, а как увидел твою кротость и милосердие твое, **язык прилип к гортани**...* (Чехов, Отец).

б) Иногда один соматический компонент заменяется другим соматическим компонентом. Например: лицом к лицу – носом к носу (*нос с носом*).

Приведем примеры из художественной литературы.

*Мысль увидеть императрицу **лицом к лицу** так устращала ее, что она с трудом могла держаться на ногах* (Пушкин, Капитанская дочка).

*В последней комнате перед директорским кабинетом сбежался он прямо **нос с носом** с Андреем Филипповичем и с однофамильцем своим* (Достоевский, Двойник).

в) Чаще же всего синонимичный фразеологизм выступает без какого-либо соматического компонента. Например: *тянуть руку – держать сторону; с глазу на глаз – один на один*.

Рассмотрим примеры из художественного текста.

*Он всю жизнь кормился около богатых, на выборах в первую и вторую Думу **тянул их руку**...* (Горький, Лето).

*Староста Антип Седельников всегда **держал сторону** начальства* (Чехов, Мужики).

*Смотритель встал и вышел, и Нехлюдов остался с ней **с глазу на глаз*** (Толстой, Воскресение).

*– Значит, и раньше, еще до моей болезни, ты тоже могла, но только не хотела оставаться со мною **один на один*** (Куприн, Олеся).

Сопоставительный анализ позволяет убедиться, что изменения компонентного состава и форм выражения харак-

терны также для синонимичных пар армянских соматических фразеологизмов. Например:

1) сохранение соматического компонента: *nulyh d̄t̄n̄p̄t̄r̄ – d̄t̄n̄p̄h̄g q̄w̄l̄;*

2) замена соматического компонента другим соматическим компонентом: *w̄z̄p̄t̄r̄h̄n̄ j̄n̄q̄ ψ̄z̄t̄l̄ – q̄l̄n̄l̄h̄r̄ j̄n̄l̄h̄t̄l̄;*

3) отсутствие соматического компонента в синонимичном фразеологизме: *ūh̄r̄l̄r̄r̄ p̄w̄z̄t̄l̄ – h̄n̄l̄r̄ q̄w̄l̄.*

Выше было отмечено, что, подобно лексическим синонимам, фразеологические синонимы также могут образовать синонимические ряды, состоящие более чем из двух фразеологизмов-синонимов. Например:

vo vse lopatki – sloмя голову – so всех nog; puskatʹ пыль v glaza – obvoditʹ vokrug palʹca – voditʹ za nos – otvoditʹ glaza – zagovarivatʹ zuby и т.д.

Выделение одного из фразеологизмов в качестве доминирующего в соотносительных синонимических рядах не подчиняется каким-либо конкретным принципам. Скорее всего, в качестве такового принято выделять стилистически нейтральный и наиболее частотный фразеологизм данного ряда.

Помимо синонимии фразеологизмов, в языке параллельно наблюдается и противоположное явление – антонимия. Антонимические связи чаще всего характерны для одноструктурных фразеологизмов и возникают на почве семантического противопоставления компонентов (Синюк 1975).

Например: *легок на ногу – тяжел на ногу; с закрытыми глазами – с открытыми глазами; с легким сердцем – с тяжелым сердцем* и т.д.

Источниками фразеологической антонимии в представленных примерах становятся адъективные компоненты **легкий – тяжелый; закрытый – открытый** в их свободном употреблении. В составе соответствующих фразеологизмов выделенные слова подвергаются определенной метафоризации, которая и способствует развитию антонимических отношений внутри фразеологических пар. Однако следует отметить, что по сравнению с синонимией антонимия соматических фразеологизмов является менее распространенным явлением. Характерными особенностями фразеологических антонимов являются наличие у них противоположных лексических значений и одинаковых лексико-грамматических характеристик.

Рассмотрим несколько примеров.

Говорить за глаза – говорить в глаза, говорить в лицо; дубовая голова – светлая голова; вбивать в голову – выбивать из головы; вешать нос – не вешать носа; на руку – не с руки; говорить на разных языках – находить общий язык.

Как видно из вышепредставленных примеров, появлению антонимичных пар фразеологизмов может способствовать использование разных языковых и речевых средств: антонимичных предлогов, приставок, определений, понятий,

отрицательной частицы «не»⁷. Заметим, что во всех перечисленных способах очевиден фактор противопоставления, который и лежит в основе антонимии в целом.

Исследование фактического материала показало, что в антонимичном фразеологизме, как и в синонимичном, соматический компонент не всегда присутствует.

Сравним, например:

по зубам – не по силам; по пальцам можно пересчитать – хоть отбавляй;

попадать пальцем в небо – попасть в точку, бить по цели.

Сопоставительный анализ свидетельствует о нераспространенности явления антонимии и внутри армянской фразеологии. Подобно русским фразеологизмам, антонимичные пары армянских соматических фразеологизмов также часто выступают без соматического компонента. Например:

սիրտը կպնել – դուրը չգալ; սրտին մոտ ընդունել – բանի վեղ չդնել; աչքը չկտրել – ուշադրություն չդարձնել; ալանջին օղ անել – մտքից դուրս գալ.

Фразеологические и лексические процессы в языке тесно переплетаются, взаимосвязаны между собой и развиваются параллельно. В первую очередь, тот факт, что фразеологизм является особой языковой единицей, состоящей из двух и более слов, уже говорит о том, что структура его естествен-

⁷ Последний способ является универсальным средством порождения антонимичных слов, понятий и выражений.

ным образом основана именно на лексических единицах. Известно, что один из компонентов фразеологизма (стержневой) обычно несет на себе основную семантическую нагрузку, а другой (зависимый) – находится в определенной зависимости от него. Иногда оба компонента фразеологизма выступают семантически равноправными, но во всех случаях, независимо от распределения компонентных позиций, оба они выполняют конструирующую функцию.

Итак, мы вернулись к исходной мысли о существовании непосредственной связи между лексическими и фразеологическими единицами языка. Принимая указанную связь, следует при этом отметить, что разница в той информации, которую несут необразное слово и фразеологизм, очевидна: слово обладает рациональной оценкой, а фразеологизм – рационально-эмоциональной (Наркевич 1975). Рациональная оценка, присущая лексеме, выражает ценностную картину мира, эмоциональная же, характерная для фразеологизма, отражает внутреннее состояние души.

В.Н. Телия различает следующие типы эмоционального отношения (Телия 1996:8):

- чувство-отношение презрения, возникающее в тех случаях, когда субъект отношения воспринимает себя как «эталон», а объект не представляет для него никакого интереса, не имеет никакой значимости (*семи пядей во лбу*);

- чувство-отношение уничижения, где опять-таки акцентируется униженное состояние объекта по сравнению с субъектом (*ни кожи ни рожи*);

- чувство-отношение осуждения или порицания имеет место при ситуации, когда объект выступает в роли «подсудимого», провинившегося, а субъект является неким «судьей» (*отбиться от рук; сидеть сложа руки*).

Анализ соматических фразеологизмов показывает, что подавляющее большинство их может соотноситься с соответствующими словами или быть легко заменено последними (Архангельский 1967). Например:

*без царя в голове = **глупый**; пустая голова = **легкомысленный**; под боком = **рядом**; сломя голову = **быстро**; рукой подать = **близко**; кожа да кости = **худой*** и т.д.

Сравним примеры из художественной литературы.

- *Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький, несколько приглуховат и, как говорят, без царя в голове...* (Гоголь, Ревизор).

- *А ей и горюшка мало. Сказано, молодая да глупая. В голове ветер так и ходит* (Чехов, Степь).

- – *Молчи, пустая голова! Слыхал я истину, бывало: хоть лоб широк, да мозгу мало* (Пушкин, Руслан и Людмила).

- *Стрелецкая слобода была под боком, и он мог прибыть туда через полчаса* (Салтыков-Щедрин, История одного города).

● – *Как же ты не видишь, что у тебя под носом делается?* (Тургенев, Разговор на большой дороге).

● *Хотя верно: от нас ведь до Галиции рукой подать* (Беляев, Старая крепость).

● *Больно уж забавно глядеть, как люди от пустяка в страхе бегут сломя голову* (Горький, Детство).

● *Захар со всех ног бросился от него, но на третьем шагу Обломов отрезвился совсем от сна и начал потягиваться, зевая* (Гончаров, Обломов).

● *Он бегал весь вчерашний день и в это утро сломя голову и высунув язык* (Достоевский, Преступление и наказание).

Вышеотмеченная возможность замены фразеологизма соответствующим словом весьма характерна и для армянской фразеологической системы.

Например:

քթի փակ – աչքի առաջ – ձեռքդ մեկնես՝ կհասնի = մոտիկ;

մալուներդ հեղը կուլես – համը բերանդ կմնա = համեղ;

լեզուն կուլ փակ – բերանը ջուր հավաքել – լեզուն փորն ընկնել = լռել.

Однако при более глубоком исследовании выявляются очевидные неоспоримые расхождения между указанными единицами языка. Так, слово состоит из отдельных морфем, реально существующих лишь в нем самом, фразеологизм же включает в свой состав целые слова с присущими им форма-

ми. Отсюда понятно, что соотнесенность или возможность замены фразеологизмов соответствующими словами происходит вовсе не как следствие их лексико-грамматической и структурной тождественности, а, скорее, в силу семантической близости выражаемых ими понятий.

Сравним, например:

рукой подать – близко; *краем уха* – невнимательно; *язык проглотить* – молчать.

При сопоставлении с эквивалентными армянскими фразеологизмами нетрудно убедиться, что и здесь на первый план выступает фактор семантической близости. Например:

ծեղքդ մեկնես՝ կհասնի – մոտիկ է; *ակախջի ծայրով* – անուշադիր; *լեզուն կուլ արի* – լռել.

Отметим, что, говоря о соотнесенности фразеологизма с одним словом, мы далеки от мысли считать, что последнее должно совпадать с одним из составляющих компонентов фразеологизма.

Дальнейший анализ подводит нас к следующему заключению: как правило, глагольные СФ соответствуют глаголу (ср.: *чесать языком* = **болтать**; *клевать носом* = **дремать**; *прикусить язык* = **замолчать**); именные же – преимущественно наречиям, реже – адъективным основам (ср.: *бок о бок* = **рядом**; *рука об руку* = **вместе**; *носом к носу* = **близко**; *мастер на все руки* = **умелый**).

Соответственно в армянском: լեզվին տալ = շատախոսել; լեզուն կծել = լռել; ծնկի բերել = հնազանդեցնել; գլխից հանել = մոռանալ.

Или: ձեռք ձեռքի = միասին; քիթ քիթ = մոտիկ; ուրքից գլուխ = լրիվ.

Нередко фразеологизм может соотноситься не с простым лексическим эквивалентом (словом), который в подобных случаях выступает в роли лексического синонима соответствующей фразеологической единицы, но и со сложным словом. Связь между фразеологизмом (ФЕ) и словом (ЛЕ) может быть синонимической, и обычно лексическая единица не является однокоренной по отношению к какому-либо компоненту фразеологизма. Что касается связи между фразеологизмом и сложным словом, последнее чаще всего выступает как простое соединение двух корней, представленных обоими компонентами фразеологизма. Сравним, например:

чесать языком – болтать; лежать на боку – бездельничать; во все глаза – внимательно; во все лопатки – быстро; во все горло – громко.

Но:

бить челом – челобитная; скалить зубы – зубоскалить; разевать рот – ротозейничать; мыть голову – головомойка.

Как видно из представленных примеров, сложные слова выступают не как синонимы соответствующих фразеологизмов, а, скорее, «свертывают» фразеологизмы в компактные

языковые единицы, используя при этом оба их компонента. Заметим также, что при свертывании фразеологизма в сложное слово часто имеет место инверсия компонентов ФЕ.

Итак, сложные слова следует рассматривать как лексические единицы, которые произошли от соответствующих фразеологизмов. Их можно иначе охарактеризовать как «свернутые аналоги» эквивалентных фразеологических единиц. В защиту данной гипотезы можно привести следующее логическое суждение: первичность понятий и явлений по отношению к словам, которые их выражают. Об этом же весьма убедительно свидетельствуют и представленные выше примеры.

В армянском языке сложные слова, образованные от соединения компонентов фразеологизмов, встречаются редко. Особого интереса с указанной точки зрения заслуживает армянский СФ «*ալանջին օղ անել*», выступающий в качестве синонима русских соматических фразеологизмов «*мотать на ус*» и «*зарубить себе на носу*». В армянском языке известно сложное слово **ալանջօղ**, обозначающее украшение, которое носят на ушах (серьга). Выделенный армянский композит моносемичен, поскольку в словарях не указывается иных его значений. Отсюда понятно, что лингвистический анализ исключает какую-либо этимологическую связь между данным сложным словом и созвучным фразеологизмом «*ալանջին օղ անել*». С позиций же логического подхода вырисовывается очевидная связь между данными единицами: «*ալանջին օղ անել*» дословно означает «*повесить себе на ухо колечко*»

(серьгу), которое в данном случае призвано выполнять роль предупреждающего, напоминающего знака, удерживающего от повторения некогда допущенной ошибки, или позволяющего его носителю избежать потенциальной ошибки. Более того, на наш взгляд, использование в рассматриваемом армянском фразеологизме соматического компонента **սկսնջ** тоже не случайно. Дело в том, что, являясь органом слуха, ухо способно улавливать звуки самой разной тональности. Украшение же, висящее непосредственно на ухе, своим звонком будет постоянно привлекать внимание прежде всего его носителя. То, что в синонимичной русско-армянской паре выделенных соматических фразеологизмов использованы разные соматические компоненты, очевидно, может быть объяснено только лишь этническими особенностями и разными фольклорными образами этих языков.

Сравним: *зарубить себе на носу* – *мотать на ус* – **սկսնջիս օղ անել**.

Из представленного примера может следовать один очевидный вывод: если в русском фольклоре, для русского человека главным ориентиром в определенной ситуации является обоняние, чутье (ср.: соматизм «ус» в составе фразеологизма «*мотать на ус*» локально приближен к органу обоняния), то в армянской реальности привилегия отдается слуховому восприятию, т.е. не интуитивному ощущению, а достоверному источнику.

Отметим также, что в отличие от связи, существующей между русскими фразеологизмами и соответствующими сложными словами, в рассматриваемой армянской паре (*ալաւնջիւ օղ անել* – *ալաւնջօղ*) первенство принадлежит не фразеологизму, а слову «*ալաւնջօղ*», ибо украшение это имеет довольно древнее происхождение, и понятно, что сложное слово, называющее это украшение, было известно человеку задолго до появления созвучного фразеологизма «*ալաւնջիւ օղ անել*». Последний же, как уже было показано, мог возникнуть по соотнесенности с уже существующим понятием, нашедшим свое лексическое выражение.

На основании исследования конкретного материала мы выявили также связь между двумя соотносительными фразеологизмами. Так, к примеру, фразеологизмы могли появиться в языке вместо устаревших и вышедших из активного употребления синонимичных фразеологических единиц, а также образоваться по модели уже существующих в языке фразеологизмов, выступая как вариантыные формы последних.

Сравним, например:

«за глаза» (говорить) → вместо устаревшего СФ «за глазами»;

«вертеться перед глазами» → вместо устаревшего «вертеться на глазах»;

«не успеть и глазом моргнуть» → вместо устаревшего «в мгновение ока»;

«с глаза на глаз» → вместо устаревшего СФ «глаз на глаз».

Как уже было отмечено выше, фразеологизм может появиться также в языке по модели уже существующего фразеологизма в качестве его вариантной формы. Например:

поднимать руку – заносить руку;

под горячую руку – под сердитую руку;

от всего сердца – от чистого сердца.

Помимо лексической и фразеологической соотнесенности, соматические фразеологизмы могут проявлять соотнесенность и с определенными синтаксическими единицами (словосочетаниями и предложениями).

В этом плане интересно проследить связь между фразеологизмом, его словосочетательным эквивалентом и соответствующим сложным словом, суть которого отражена во фразеологизме.

Выше было отмечено, что сложные слова можно рассматривать в качестве «свернутых аналогов» соотносительных фразеологизмов. С другой стороны, любой фразеологизм имеет форму словосочетания, которое по отношению к конкретному сложному слову является, напротив, его «развернутым аналогом» (ср.: *скалить зубы – зубоскалить*). Отсюда можно логически вывести своеобразную цепочку с тройной связью: словосочетание → фразеологизм → сложное слово, где словосочетание формально совпадает с фразеологизмом. Примерно то же самое происходит и на лексическом

уровне при соотнесении лексических единиц с фразеологическими эквивалентами.

В самом широком понимании этого термина фразеологизм является словосочетанием, состоящим из отдельных слов (компонентов фразеологизма). Однако при этом между фразеологизмом и рассматриваемыми единицами языка (лексическими и синтаксическими) есть весьма существенные расхождения, которые и позволяют нам отграничивать фразеологизм от соотносительного слова или словосочетания.

Не отрицая того, что компоненты фразеологизма являются отдельными лексическими единицами, приобретшими в его составе соответствующую семантику, следует помнить о том, что эти лексические единицы являются не обычными словами, соответствующими конкретным денотатам, а обладают метафоричностью, что и формирует их семантику в составе данных фразеологизмов.

Семантика фразеологизма намного объемнее, чем семантика слова: как правило, фразеологические единицы обнаруживают «семантический излишек» при сопоставлении с соответствующими словами. Так, например, СФ *«кожа да кости»* означает не просто **«худой»**, а **«очень худой»**; СФ *«чесать язык»* – это не просто **«болтать»**, а **«слишком много болтать»**, фразеологизм *«сломя голову»* означает не просто **«быстро»**, а **«очень быстро»** и т.д.

В свете вышеизложенного и как логическое следствие последнего можно констатировать, что частотность соответ-

ствия фразеологизма слову (компактной лексической единице) сильно уступает частотности соотнесения его со словосочетанием, т.е. с развернутым описанием.

При сопоставлении конкретных фразеологизмов с возможными лексическими синонимами выясняется, что, как правило, однословное лексическое соответствие характерно для семантически максимально спаянных, неразложимых СФ с невыводимым значением. Например:

высасывать из пальца = выдумывать; *перемывать косточки* = сплетничать; *чесать язык* = болтать; *водить за нос* = обманывать; *словно в рот воды набрать* = молчать; *носить на руках* = баловать; *комар носу не подточит* = безукоризненно.

Наоборот, описательная (словосочетательная) интерпретация охватывает преимущественно фразеологизмы с ослабленной семантической спаянностью.

Сравним:

рукой подать = очень близко;

тугой на ухо = плохо слышит;

смотреть во все глаза = внимательно следить.

Следует отметить, что вышепредставленное суждение не обладает категоричностью, так как сюда могут попасть и целостные, неделимые фразеологические единицы.

Например: *медведь на ухо наступил* = лишен музыкального слуха.

Итак, выше мы проанализировали связь между фразеологическим и лексическим уровнями языка, а также рассмотрели проблему соотношения фразеологизма со словосочетательными и фразеологическими эквивалентами.

Последующее изучение фразеологического материала, которым мы располагаем, дает основание утверждать, что исследуемый нами тип фразеологических единиц легко соотносится не только с лексическими эквивалентами, но и с соответствующими синтаксическими единицами. По мнению В.Н. Телия, в каждом языке существуют единицы, образующие его «номинативный инвентарь», и правила комбинации этих единиц в сочетании. Этой языковой универсалии противостоит не менее универсальный феномен обратного порядка: в каждом языке существуют синтаксические структуры, в чем-то отклоняющиеся от общих и регулярных правил комбинации номинативных единиц и предстающие как лексико-синтаксические «аномалии», узаконенные в данном языке узусом употребления, жестко фиксируемым нормами (Телия 1993, 1966). Совокупность таких языковых сущностей относят к специфическому для каждого языка фразеологическому составу. Внешние, чисто поверхностные лексико-синтаксические проявления фразеологичности (устойчивость морфологического и синтаксического строения, лексическая избирательность, воспроизводимость сочетания в нормативно определенном лексико-грамматическом составе и т.п.) только сигнализируют о семантической специфике слов-компонен-

тов сочетания. Реальную сложность в исследовании объектов фразеологического состава языка представляет их номинативно-семантический аспект, поскольку существенное свойство фразеологизма состоит в сращенности лексической и синтаксической семантики, в способности этих фразеологических единиц соотноситься с обозначаемым денотатом и нести информацию о последнем лишь совместно и на фундаменте определенной синтаксической конструкции. Говоря о синтаксических единицах языка, мы, естественно, имеем в виду два уровня синтаксиса: словосочетательный и предложенческий. Поскольку же связь между фразеологизмом и словосочетанием в определенной степени была освещена выше, то здесь мы остановимся преимущественно на предложенческом аспекте.

Что же касается словосочетательного уровня, то, на наш взгляд, подобная связь очевидна и без специального исследования, поскольку фразеологизм вообще по своей форме (структуре) совпадает со словосочетанием: ведь фразеологизмом принято считать выражение, состоящее минимум из двух слов. Отсюда понятно, что если на лексическом уровне слово-синоним соответствующего фразеологизма соотносится с последним только по значению, то при соотнесении со словосочетанием на первый план выступает именно структура (форма). Однако это вовсе не исключает возможность замены фразеологизма сходным по значению свободным словосочетанием. Например:

не по зубам – трудно разжевать; *застрывать в горле* – оставаться невысказанным; *замазывать рот* – заставлять молчать; *есть за обе щеки* – с большим аппетитом; *терять почву под ногами* – лишаться уверенности.

В представленных параллельных парах (фразеологизм – свободное словосочетание) налицо полное совпадение как в структурном, так и в семантическом планах, т.е. здесь мы имеем дело с совпадением формы и значения.

К аналогичному выводу подводит и анализ эквивалентных армянских фразеологизмов. Сравним, например:

բերանը փակել – *սփիւլել լնել*;

աչքերը կապել – *մոլորութեան մէջ գգել*.

Сравним также случаи несколько иного характера:

протянуть ноги – умереть; *чесать затылок* – растеряться; *держат язык за зубами* – молчать; *задирать нос* – зазнаваться; *язык проглотить* – молчать; *сложить голову* – погибнуть; *спустя рукава* – небрежно.

Как видно из примеров, во всех представленных случаях значение фразеологизма можно передать с помощью одного слова. По отношению же к словосочетаниям подобные фразеологические единицы обнаруживают не семантическое, а структурное сходство: например, фразеологизмы «*протянуть ноги*»; «*чесать затылок*»; «*держат язык за зубами*» и другие похожи по форме на обычные свободные словосочетания.

Помимо словосочетательной соотнесенности для соматических фразеологизмов характерна также связь с предложенческими коррелятами. Анализ конкретного материала показывает, что фразеологическая система современного русского языка богата фразеологизмами, соответствующими по своей структуре предложениям. Подсчет соматических фразеологизмов с точки зрения их структурной соотнесенности с предложениями показал, что наибольшую частотность в указанном плане проявляют фразеологизмы, входящие в соматические гнезда **рука, голова, уши, язык**. Например:

руки не доходят; держать себя в руках; просить руки; рука не дрогнет; руки короткие; кровь ударила в голову; совать голову в петлю; хоть головой об стенку бейся; голову давать на отсечение; держать ухо востро; медведь на ухо наступил; в одно ухо входит, в другое выходит; остер на язык; язык хорошо подвешен; язык прилип к гортани; будто корова языком слизала и т.д.

Нетрудно заметить очевидное структурное сходство представленных СФ с соответствующими предложенческими формами.

Предложенческую соотнесенность армянских соматических фразеологизмов трудно подвести под какую-либо единую модель. В частности, почти невозможно очертить конкретный минимум соматических гнезд в составе фразеологизмов, проявляющих наибольшую или относительно сильную связь с предложениями.

Например:

*ուրիշի ձեռքերով կրակից շագանակներ հանել; մաղ-
ներից ոսկի է թափում; աչքի առաջ հալվել; լեզվի փակ ոսկոր
չկա; քերանի համը լավ իմանալ; գլուխն աշխատել; մատները
հեղը ուղել.*

Отметим, что предложенческая соотнесенность особенно характерна для пословиц, поговорок, крылатых слов, проклятий и т.п.

Порой анализируемый тип фразеологических единиц способен передать целое сообщение и заменить собой законченное предложение (ср.: *глаза на лоб лезут; медведь на ухо наступил; держать ухо остро; руки короткие* и т.п.); чаще же всего такие соматические фразеологизмы имеют форму усеченных предложений, хотя и с легко выводимой семантикой.

4. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И РЕЧЕВОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

При изучении фразеологизмов вообще и СФ, в частности, особенно важно рассмотрение их стилистических свойств, поскольку фразеологизмы изначально возникли, а затем и закрепились в языке прежде всего как образные выражения, эмоционально обогащающие речь. Иначе говоря, фразеологизмы в целом стилистически маркированы, а потому и анализ их в свете стилистики приобретает, на наш взгляд, особую важность. Стилистическая окраска фразеологизмов способствует усилению яркости высказываний, придавая им то живость, то ироническую тональность, то простонародную колоритность (в зависимости от темы высказывания). Функциональные и экспрессивные качества фразеологической единицы, образуя единое целое, создают определенную стилистическую характеристику, которая, однако, реализуется в употреблении неединообразно (Кирсанова 1983; Кохтев 1980; Кошелева 1998; Кривенко 1993). Множество выразительных свойств стилистически отмеченного речевого акта, которые основаны на их экспрессивной и функциональной окрашенности, отраженной в системных языковых связях, создает устойчивое стилистическое значение отдельных элементов языка.

Подобно всем другим стилистическим окраскам, предметно-изобразительная окраска усиливает экспрессивность,

т.е. впечатляющее воздействие фразеологизма, степень которого у разных фразеологизмов может быть различной. Указанный фактор зависит от того, на каких конкретных компонентах фразеологизма базируется названная окраска. Несмотря на то, что в языке имеется достаточно большое количество фразеологизмов, обладающих образностью различной впечатляющей силы, говорящие на данном языке обычно не ограничиваются наличным фондом и в живой речи часто стремятся использовать все новые и новые образные средства, что, естественно, значительно усиливает экспрессивность речи. Особенно же часто обновление образных средств языка происходит в художественной речи.

В различных функциональных стилях речи заметна тенденция к такому употреблению фразеологизмов, которое преследует цель выразить не только понятие о соответствующих предметах и явлениях действительности, но и представление о них. Это достигается усилением образной экспрессивности фразеологизмов, а последняя, в свою очередь, целенаправленным усилением разными способами и выдвиганием на передний план образной стилистической окраски в значении этих единиц.

В данной главе мы проводим стилистическую классификацию соматических фразеологизмов, основанную на традиционной классификации фразеологических единиц современного русского языка (Шанский 1988).

Согласно указанной классификации соматические фразеологизмы можно распределить по следующим группам:

- межстилевые СФ;
- разговорно-бытовые СФ;
- книжные СФ;
- архаичные СФ.

Представленные стилистические группы являются основными, но среди исследуемого фактического материала встречается большое количество таких соматических фразеологизмов, которые выходят за рамки отмеченных групп в силу своей особой экспрессивной окрашенности. Так, во фразеологической системе современного русского языка зафиксированы соматические фразеологизмы с иронической окраской (*сердце в пятки уходит; руки коротки; нос не дорос; пальца в рот не клади*), с шутивным оттенком (*проглотить язык; из пальца высасывать; не видеть дальше своего носа*), просторечные (*замазывать рот; заговаривать зубы; задирать нос; пожирать глазами; губа не дура*) и другие.

Коротко охарактеризуем основные стилистические группы соматических фразеологизмов.

● **Межстилевые СФ**

В эту группу входят общеупотребительные фразеологизмы, встречающиеся в разных стилях языка. Соматические фразеологизмы данной группы стилистически нейтральны и не окрашены экспрессивно. Например:

поднять голову; сидеть сложа руки; гнуть спину; держать язык за зубами; едва держаться на ногах; забирать в свои руки; как снег на голову; находить общий язык; от всего сердца; простым глазом; развязывать руки и т.д.

Сравним с армянским:

գլուխ բարձրացնել; ձեռքերը ծալած նստել; լեզուն արամեների հետևը պահել; ոտքի վրա հազիվ կանգնել; իր ձեռքը վերցնել; ընդհանուր լեզու գտնել; ամբողջ սրտով; սովորական աչքով и т.д.

Обратим внимание на синонимическую пару «*простым глазом*» и «*սովորական աչքով*». На первый взгляд, наблюдается некоторое несоответствие в выражении адъективного компонента (простой – սովորական). Однако при более детальном рассмотрении синонимия двух выделенных прилагательных очевидна: простой – это характеристика чего-либо непримечательного, неяркого, обычного. Именно эту «обыденность», непримечательность и отражает армянский адъективный компонент «*սովորական*» (привычный) в составе соответствующего фразеологизма, о чем весьма прозрачно свидетельствует его этимологический состав (ср.: սովորական – այն, ինչ խորդ չէ աչքի համար).

Приведем некоторые примеры употребления межстилевых СФ в художественном контексте.

● *Вот так и будет, проклятый, сидеть сложа руки до самого вечера* (Чехов, Обыватели)

Այ էդպես էլ անիծյալը ծեռքերը ծալած մինչև երեկը կնստի:

● *Другие всю жизнь гну́т спину на работе, а нет у них ни гроша* (Горький, Фома Гордеев).

Ուրիշները ամբողջ կյանքում մեջք են ծռում աշխատելով, բայց մի գրոշ էլ չունեն:

● *У этого уездного медведя, как видно, нет совсем обычая держатъ язык за зубами* (Гоголь, Тяжба).

Այդ գավառական արջը, ինչպես երևում է, բոլորովին չի կարողանում լեզուն արամների հետևը պահել:

● *По дороге в Вешенскую они заговорили о создавшемся положении и очень быстро нашли общий язык* (Шолохов, Тихий Дон).

Վեշենսկայայի ճանապարհին նրանք սկսեցին խոսել սրտեղծված իրավիճակի մասին և շատ շուրջով ընդհանուր լեզու գտան:

● *Глафира еще при жизни матери успела понемногу забрать весь дом в руки* (Тургенев, Дворянское гнездо).

Գլաֆիրան դեռևս մոր կենդանության օրոք հասցրել էր ամբողջ տունը քիչ-քիչ իր ձեռքը հավարել:

● **Разговорно-бытовые СФ**

Уже в названии группы четко отражена принадлежность входящих сюда соматических фразеологизмов к устной речи. Другими словами, сфера употребления этих фразеологизмов, в отличие от межстилевых, ограничена определенными рам-

ками. Однако внутри этих рамок СФ приобретают разные оттенки, в зависимости от характера экспрессивной оценки.

Исследование фактического материала подводит нас к следующему заключению: в массе своей соматические фразеологизмы – явление разговорной речи. Характерным для рассматриваемой группы фразеологизмов является оттенок непринужденности, простоты и порой даже некоторой «вольности». Например:

махнуть рукой; медный лоб; ломать голову; легкая рука; лезть в голову; кружить голову; куда глаза глядят; клевать носом щеки; держать ухо востро; для отвода глаз; давать голову на отсечение; совать нос; голова варит; глаза на лоб лезут; высунув язык; высунуть нос; вылетать из головы; вертеться в голове и т.д.

Большинство существующих в языке разговорно-бытовых соматических фразеологизмов соответствует по своему значению конкретному слову и легко может быть заменено последним. Сравним, например:

высасывать из пальца – выдумывать; клевать носом – дремать; обводить вокруг пальца – обманывать; есть за обе щеки – уплетать; перемывать косточки – сплетничать; со всех ног – быстро; как снег на голову – неожиданно.

Разговорно-бытовые СФ русского языка помечены яркостью народного языка, насыщены национальным колоритом, отличаются простотой и выразительностью.

В армянском языке группа разговорно-бытовых соматических фразеологизмов также широко распространена и характеризуется всем тем многообразным спектром экспрессивных оттенков, который присущ их русским эквивалентам. Единственным различием между соотносительными парами русских и армянских соматических фразеологизмов данной стилистической группы могут оказаться новые (или иные) эмоционально-экспрессивные оттенки, обусловленные национальной спецификой армянского языка. Отметим, что в стилистической группе разговорно-бытовых фразеологизмов культурные и этнические особенности, лежащие в основе рассматриваемых языков, проявляются наиболее отчетливо и ярко.

Рассмотрим примеры из художественной литературы.

Валентина Михайловна, кажется, махнула на меня рукой. Я в ее глазах – пропадающая (Тургенев, *Новь*).

Երևում է՝ Վալենտինա Միխայլովնան ինձանից ծեղք է քաշել: Ես նրա համար կորած մարդ եմ:

Теперь, кум, держи ухо востро (Горький, *Мать*).

Հիմա, ասանհեր, ալանջներդ արիր:

Ты вот что, сидишь, ну и сиди. А не в свое дело носа не суи (Горький, *Челкаш*).

- Գիրե՛ս ինչ... Նսրածդ րեղը մնա, բայց քեզ չվերաբերող գործերի մեջ քիթդ մի խոթիր:

Глаза лезут на лоб, ничего больше не соображаешь и все-таки держишься (Эренбург, *Буря*).

Աչքերդ ճակատդ են թռնում, այլևս ոչինչ չես հասկանում, բայց այնուամենայնիվ դիմանում ես:

Все прочее вылетело опять из головы: бабушкины гости, Марк, Леонтий, окружающая идиллия (Гончаров, Обрыв).

Մնացած ամեն բան դուրս թռավ գլխից՝ փափփկի հյուրերը, Մարկը, Լեոնտին, շրջապատող իդիլիան:

Интересно заметить, что в вышепредставленных примерах очевидна следующая важная общность: все рассматриваемые фразеологизмы непосредственным образом связаны с народной символикой, с жестовой семиотикой, что, вероятно, обусловлено наличием в них соматических компонентов, наиболее активно участвующих в жестикуляционно-мимических действиях. Для наглядности сравним некоторые синонимичные пары русских и армянских фразеологизмов анализируемого типа.

В синонимичной паре «махнуть рукой» – «*ծեղք բաշել*» наблюдается разное выражение жестикуляционных действий, производимых верхней конечностью, что, на наш взгляд, возможно объяснить национальной спецификой сравниваемых языков. Причем в армянском фразеологизме ощущается более сильное воздействие жеста: если «*ծեղք բաշել*» дословно можно воспринять как «убрать руку», то, следовательно, можно предположить, что кодовая семантика этого фразеологизма произошла от антонимичного фразеологизма «*ծեղքը վրան ցահել*» (дословно: «держать руку на ком-то» в значе-

нии «опекать», «защищать»). В основе синонимичного русского фразеологизма «махнуть рукой» лежит весьма распространенный общечеловеческий жест, в данном случае обозначающий отказ от приложения каких-либо усилий с целью положительного воздействия на кого-либо.

Фразеологизмы «ломать себе голову» – «գլուխը կոկորտել»; «вылететь из головы» – «գլխից դուրս թռնել» связаны с умственной, мыслительной деятельностью человека, что в свою очередь обусловлено присутствием в них соматического компонента «голова».

В параллельной фразеологической паре «держать ухо остро» – «սկսնջնեղը արած ցտիտել» проявилась слуховая способность человека, непосредственно актуализированная посредством соматического компонента «ухо».

Во фразеологизмах «глаза на лоб лезут» – «աչքերը ճակատը թռնն» выражена эмоционально-мимическая реакция, соответствующая ситуации, что, как известно, наиболее ярко реализуется при участии соматического компонента «глаз».

Синонимичные фразеологизмы «совать нос» – «քիթը խորտել» используют обонятельную функцию соматизма «нос», но в рамках выделенного фразеологизма актуализирована и другая характеристика выделенного человеческого органа – форма и расположение на лице: являясь единственным выступающим на лице органом, нос тем самым проявляет способность «просунуться», «влезть» в места, недоступные другим частям лица.

● Книжные СФ

Подобно разговорно-бытовым соматическим фразеологизмам, сфера употребления книжных СФ также ограничена определенными стилистическими рамками, но в отличие от разговорно-бытовых СФ, книжные соматические фразеологизмы бытуют не в устной, а в письменной речи. Отсюда и их особая экспрессивно-стилистическая окраска, свойственная лишь строго нормированному литературному языку: публицистическим, научным, художественным произведениям. Часто книжные СФ характеризуются особым пафосом, поэтичностью, элементами торжественности. Следует отметить, что, по сравнению с разговорно-бытовыми СФ, книжные соматические фразеологизмы не получили столь широкого распространения в речи, что в свою очередь объясняется узостью сферы их употребления.

Например: *в мгновение ока; в поте лица; предлагать руку и сердце; чувство локтя; зарубить себе на носу* и т.д.

При соотнесении книжных СФ с синонимичными словами отчетливее вырисовывается их высокая экспрессивная окрашенность. Сравним, например:

в мгновение ока – **быстро**; *в поте лица* – **усердно**; *зарубить себе на носу* – **запомнить**.

Сопоставительный анализ книжных соматических фразеологизмов выявил ряд различий между эквивалентными русскими и армянскими фразеологизмами, принадлежащими к рассматриваемой группе. Так, некоторые армянские фра-

зеологизмы рассматриваемой стилистической группы включают в свой состав соматический компонент, отличный от представленного в составе синонимичных русских фразеологизмов (ср.: *зарубить себе на носу* – *սլշանջիսն օղ անել*); чаще же русскому книжному СФ в армянском языке соответствует не книжный, а разговорно-бытовой или межстилевой СФ.

Сравним, например:

подать руку помощи – *օգնության ձեռք մեկնել*;

и карты в руки – *ծանալիքները բաց է*;

в поте лица – *քրքիւնք թափելով*.

В современном русском литературном языке наблюдается широкое использование высокого стиля. Особенно богатый материал для исследования в этом плане можно найти на страницах газет, в публицистических статьях.

Например: *жечь сердца; обагрить руки в крови; открыть сердце; отдать сердце; вложить в уста; лицом к лицу* и т.д.

Подобные фразеологизмы характеризуются постоянством фразеологического значения и состава, постоянством эмоционально-экспрессивной и стилистической оценок и выполняют стилеобразующую роль. Это тот круг фразем высокого звучания, который, переходя из столетия в столетие, все теснее спаиваясь в единое целое, выполняет одну и ту же экспрессивно-номинативную функцию, когда название како-

го-нибудь явления или действия сопровождается ярко выраженной экспрессией.

Проиллюстрируем это на конкретных примерах из художественной литературы.

Лакей Марьи Николаевны, ожидавший ее в сенях, в мгновение ока отыскал ее карету. (Тургенев, Вешние воды)

Մարիա Նիկոլանանայի ծառան, որ սպասում էր նրան նախաշրջանում, մի ավելթարթում գտավ նրա կառքը:

Мы в поте лица должны снискивать хлеб свой. (Толстой, Война и мир)

Մենք՝ քրքիւր թափելով, պէտք է վաւրակենք մեր հացը:

Ну, ты помнишь все, что я тебе сказала? Смотри же, помни! На носу себе заруби! (Островский, Гроза)

Հը, հիշու՞մ ես ասածներս: Տես, հա, չմոռանա՛ւ: Ավանջիդ օդ արա:

Я прожил долгую жизнь и теперь в первый раз встретил в вас то, что искал. Я люблю вас и предлагаю вам мою руку. (Толстой, Анна Каренина)

Ես երկար կյանք եմ ապրել և այժմ ձեր մեջ գտա այն, ինչ որնում էի: Ես սիրում եմ ձեզ և առաջարկում եմ իմ ձեռքը:

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так устрасала ее, что она с трудом могла держаться на ногах. (Пушкин, Капитанская дочка)

*Կայսրուհուն դեմ առ դեմ հանդիպելու միտքն այնպես էր
սարսափեցնում նրան, որ նա հազիվ էր կարողանում ուրբի
վրա կանգնել:*

Доктор первый открыл свое сердце. (Куприн, Молох)

Բժիշկն առաջինն իր սիրտը բացեց:

● Архаичные СФ

Среди соматических фразеологизмов отдельную стилистическую группу составляют устаревшие фразеологизмы (архаизмы), которые в основном удерживаются в пассивном запасе языка и лишь изредка употребляются в стилизованной речи. Устаревшие фразеологизмы представляют собой особый пласт языковых единиц, сохранившийся в рамках книжной лексики. Выделение нами данных фразеологизмов в отдельную стилистическую группу продиктовано именно их необычностью и особой спецификой. Фразеологические архаизмы, подобно лексическим архаизмам, бывают разных типов.

Известно, что язык в целом и его фразеологическая система, в частности, находятся в вечной динамике. Фразеологизмы, как и другие языковые единицы, в ходе исторического развития языка претерпевают определенные изменения, касающиеся как их структурного состава, так и лексико-грамматических свойств. Так, большинство архаичных соматических фразеологизмов активно функционирует в речи (в частности, художественной), часто сосуществуя со своими современными аналогами.

менными эквивалентами (например: *глаз на глаз* – *с глазу на глаз*; *на устах* – *на языке*; *снять голову* – *сорвать голову* и т.д.). Некоторые соматические фразеологизмы в ходе исторического развития языка претерпели определенные изменения и стали выступать в трансформированном варианте (сравним, например: *за глазами* – *за глаза*; *бить челом* – *бить поклоны*), другие же СФ вовсе напрочно вытеснились из употребления современными фразеологизмами (например: *на взгляд* → вместо устаревшего *на глаза*; *на глазах у кого-либо* → вместо устаревшей формы *в глазах* и т.д.).

Собранный фактический материал свидетельствует о том, что рассматриваемая группа соматических фразеологизмов отличается заметной многочисленностью, но сфера ее употребления ограничена рамками книжной лексики. Использование архаичных СФ в произведениях художественной литературы позволяет придать художественной речи образность, яркость, экспрессивность и зачастую помогает воссоздать национальный колорит соответствующей эпохи. Однако среди архаичных СФ встречаются и такие, которые нередко становятся достоянием разговорно-бытового пласта языка. В подобных случаях употребление архаичного фразеологизма обусловлено либо отсутствием его современного эквивалента, либо тем, что он служит для придания определенного колорита всему фразеологизму. Например:

в свою голову – по собственному усмотрению;

в головы – то место, куда, ложась, кладут голову.

Армянские устаревшие соматические фразеологизмы могли попасть в современный язык двумя путями: из габара или из среднеармянского языка. В некоторых случаях устаревшие СФ, перешедшие в современный армянский язык из габара, не претерпели существенных структурных изменений (сравним, например: *աչոք բացոք – բաց աչքով; ի ձեռքս ուրախ լինիմ – մեկի ձեռքում լինելի*), но при этом их употребление строго ограничено рамками определенной сферы; в других же случаях они попали в современный армянский язык через среднеармянский, претерпев соответствующие изменения (ср.: *սահեղ գատրն ի վրայ – աչքը վրան սահեղ; գոգր-կուրքս արգել արիլ – ուրքը կախ գցել*). Многие армянские фразеологизмы рассматриваемого типа исчезли из употребления (историзмы) в связи с исчезновением выражаемых ими понятий. При попытке сопоставления армянских архаичных соматических фразеологизмов с русскими эквивалентами зачастую бывает трудно, а иногда и вовсе невозможно найти у них какие-либо точки соприкосновения в плане структурно-семантического выражения, что вполне естественно, если учесть наличие разных реалий, лежащих в основе этих фразеологизмов, а также разных путей исторического развития двух сравниваемых языков.

Сравним, например:

բերանի համը լավ գիրի – губа не дура;

երես տը երես – глаз на глаз;

մեջքի հերկից – за глазами.

Приведем несколько примеров из художественной литературы.

По ее взглядам и ужимкам я догадывался, что она непременно желает поговорить со мной глаз на глаз. (Аксаков, Встреча с маринистами)

Միս հայացքից և ձևերից ես կրահուով էի, որ նա անպարտապան ցանկանում էր խոսել ինձ հետ երես առ երես:

У всех на устах было одно слово – «Седан». (Вересаев, на японской войне)

Բոլորի շուրթերից միայն մի բան էր հնչում՝ Սեդան:

Яицкие казаки ходили за ним без шапок и били ему челом. (Пушкин, История Пугачева)

Յաիկյան կազակները նրա հետևից գլխաբաց էին գնում և գլուխ էին խոնարհում նրա առջև:

Студент, который бы вздумал у нас хвастаться своей белой костью, был бы замучен товарищами. (Герцен, Былое и думы)

Մեզ մոտ այն ուսանողը, որի մտքով կանցներ պարծենալ նրանով, որ ինքը վերին արտի ցորեն է, կենթարկվեր ընկերների հալածանքին:

Исследуемый фразеологический материал позволяет заключить, что стилевые рамки языка определенным образом ограничивают употребление конкретных фразеологизмов. Такая «прикрепленность» фразеологизмов к конкретным стилям языка обусловлена их экспрессивной окраской. Данный вывод приобретает еще большую убедительность при сопос-

тавлении соматических фразеологизмов, относящихся к общему синонимическому ряду. Например:

протянуть ноги (разг.) – *заснуть вечным сном* (книжн.);
водить за нос (разг.) – *вводить в заблуждение* (книжн.).

Дальнейший стилистический анализ исследуемого материала показал, что зачастую в языке наблюдается взаимопроникновение разных стилей, их сближение. Отмеченное явление обычно служит различным целям сообщения. Так, употребление разговорных фразеосочетаний за пределами разговорного стиля может способствовать передаче внутренней речи. Например:

Возьмусь за дело, стиснув зубы, да и велю себе молчать. (Тургенев, Дворянское гнездо)

Я одна теряю голову. Княжна Варвара не помощница, а помеха. (Толстой, Анна Каренина)

Она, она сама! Ах, голова горит, вся кровь моя в волненье. (Грибоедов, Горе от ума)

«Да, это добрые, славные люди, – думал Болконский, – разумеется, не понимающие ни на волос того сокровища, которое они имеют в Наташе. (Толстой, Анна Каренина)

– А надо бы все это записать, – думал он. – Да вот никак не доходят руки. (Паустовский, Рождение моря).

Вот мне теперь гораздо легче сделалось: точно гора с плеч свалилась. (Островский, Гроза)

– Нет, это мне не по зубам, – сказал он сам себе, почитав страницу и закрыв книгу. (Горький, Жизнь Матвея Кожемякина)

Я ломал себе голову, раздумывал, придумывал и неотступно, хотя и по мере возможности скрыто, наблюдал за Зинаидой. (Тургенев, Первая любовь)

Сидишь над чертежами – голова трещит, хочется куда-нибудь выйти. (Эренбург, Буря)

В других случаях разговорные СФ могут быть использованы в художественной литературе для придания юмористической окраски всему контексту. Например:

...Больше месяца не виделись... Вот с каким настроением прибежал Михаил к Ставровым. А Егорша – нет. Егорша с первых слов начал задирать нос. (Абрамов, Две зимы и три лета)

Глядеть противно! Скоро уже сорок лет, ни кожи ни рожи, а также, иди ты, напудрилась, завилась, корсет надеда. (Чехов, Муж)

Пьяницы-крикуны ее боятся: она их не любит: выгоды от них мало, а шуму много; молчаливые, упрямые ей скорей по сердцу. (Тургенев, Певцы)

– Вы опасный человек! – сказал он мне, – я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок. (Лермонтов, Герой нашего времени)

Однако широкое использование того или иного разговорного фразеологизма в книжном стиле иногда приводит к

исчезновению в нем экспрессивности, к изменению стилистической окраски фразеосочетания.

Мощный лексико-фразеологический пласт просторечия в составе литературного языка не остается неизменным: просторечные по своему происхождению слова и выражения ассимилируются, уточняются и становятся наконец такими фактами литературного языка, без которых он не может обойтись, сохраняя при этом свою гибкость и выразительность.

Употребляясь в книжном стиле, разговорные СФ как бы «шлифуются» и утрачивают свой разговорный характер, приобретают нейтральность и постепенно проникают в лексико-фразеологический фонд книжного стиля.

Таким образом, развитие разговорного и книжного стилей идет в направлении их сближения: много просторечных элементов усваивается литературной речью и притом нередко не только в качестве стилистически сниженного языкового средства, а на правах нейтральных, стилистически немаркированных выражений.

Итак, мы попытались представить стилистическую классификацию соматических фразеологизмов, выделив несколько основных групп, характеризующихся наибольшей распространенностью внутри фразеологических систем современного русского и армянского языков. Однако, как уже было отмечено, внутри представленных групп можно провести более дробное деление, выделив отдельные подгруппы с определенными стилистическими тональностями: иронической, шут-

ливой, фольклорной, вульгарной и т.д. С этой точки зрения особую подгруппу составляют соматические фразеологизмы, обозначающие заклинания, проклятия, клятвенные заверения, суеверные представления, которые чаще всего имеют форму пословиц, крылатых выражений и отличаются неповторимой яркостью национального колорита. В отмеченных фразеологизмах сильнее ощущаются национальные традиции, обычаи и этнические особенности, лежащие в основе того или иного языка, и это вполне понятно, ибо именно выделенная область теснее всего связана с народным фольклором, с народной мудростью.

Например: *типун тебе на язык; отсохни у меня язык; положи руку на сердце; чтобы ноги не было; хоть кол на голове теши; голову дать на отсечение; лопни мои глаза* и т.д.

Сравним с армянским:

типун тебе на язык – լեզուդ չըրանիս, լեզուդ ցիւցիւնձլի; отсохни у меня язык – արևու լլլիս; положи руку на сердце – ձեռքը խղճին դրած; чтобы ноги не было – երեսիդ չըտեսես, ուրքը չիհի ալուրեդ. Заметные несоответствия в структурном выражении и компонентном составе представленных русских и армянских фразеологизмов обусловлены национальной спецификой этих языков, основанной на разном культурно-языковом менталитете, разной языковой картине мира и разных представлениях, лежащих в основе эквивалентных выражений.

Более того, среди СФ, относящихся к выделенной подгруппе, в армянском языке часто встречаются безэквивалентные фразеологизмы, не имеющие конкретных соответствий в русском языке, что также связано с культурно-языковыми традициями и этнолингвистическими особенностями этих языков.

В отдельные стилистические подгруппы могут быть выделены также фразеологизмы, связанные с конкретными областями науки и знания, а также всевозможные составные термины, в структурном составе которых чрезвычайно редко зафиксировано присутствие соматического компонента.

Безусловно, определенную стилистическую направленность соматическим фразеологизмам придают различные образные средства, среди которых особое место занимают сравнение и гипербола. Образные сравнения, лежащие в основе некоторых СФ, способствуют усилению семантического акцента соответствующего фразеологизма и придают ему особую силу выразительности.

Например: *словно бельмо на глазу; словно снег на голову; словно обухом по голове; как на ладони; с мизинец; как свои пять пальцев; будто гора с плеч упала; как без рук; как рукой сняло; как зеницу ока; будто корова языком слизала* и т.д.

Идентичную роль образные сравнения выполняют и в составе соотносительных армянских соматических фразеологизмов.

Сравним, например: *աչքի փուշը լինել; ոնց որ գլխիդ փան; մալի չափ; հինգ մալի պես; կարծես ուտերից մի ծանր բեռ ընկալ; աչքի լույսի պես* и т.д.

В русских фразеологизмах выделенного типа в роли сравнительных союзов выступают союзы и союзные слова **с, как, точно, словно, будто**; в эквивалентных армянских фразеологизмах используются сравнительные союзы **պես, նման, կարծես, չափ, ասես**.

Интересно заметить, что соматические фразеологизмы, восходящие к структурной модели, включающей сравнение, в русском и армянском языках преимущественным образом совпадают как в структурном, так и семантическом плане, о чем ярко свидетельствует вышепредставленное сопоставление указанных единиц.

Другим образным средством, создающим определенный стилистический фон в СФ русского и армянского языков, является гипербола, выделяющая семантический стержень соответствующего фразеологизма за счет приема преувеличения.

Проиллюстрируем это на примерах.

Глаза на лоб лезут – աչքերը ճակատին թռան;

искры из глаз сыплются – աչքերից կայծեր են թափում;

ломать голову – գլուխ ջարդել;

кровь ударила в голову – արյունը գլխին փվեց;

сердце кровью обливается – սրտից արյուն է կաթում.

Как видно из представленных примеров, соотносительные пары русских и армянских «гиперболизированных» соматических фразеологизмов синонимически связаны между собой, что в данном случае позволяет говорить об общих представлениях у носителей данных языков о некоторых конкретных явлениях, чувствах, состояниях, лежащих в основе рассматриваемых фразеологизмов. Однако последующий сопоставительный анализ позволил выявить также ряд случаев, доказывающих обратное, а именно: среди соматических фразеологизмов представленного типа как в русском, так и в армянском языках встречаются такие, которые свойственны лишь данной языковой культуре, а это, в свою очередь, свидетельствует о наличии разных языковых реалий в культурах сравниваемых языков и вытекающих из этого разных представлениях об отмеченных реалиях у носителей данных языков.

Например, в армянском языке существует фразеологизм «*սի բլիկ*» (от соматического существительного «*բլիկ*» – «кулак»), в котором использована не гипербола, а литота (преуменьшение), что связано с денотативным восприятием существительного «*բլիկ*» как количественной характеристики, подразумевающей очень малое количество. В русском же языке соматизм «кулак» имеет иную символику и не может быть использован как мера измерения (ср.: *собрать в кулак; держать в кулаке* и т.д.).

Подытоживая результаты стилистического анализа соматических фразеологизмов, отметим, что стилистическая тональность СФ выступает как следствие метафорического переосмысления свободных словосочетаний идентичного лексического наполнения и имеет своеобразное проявление в каждом конкретном языке. Весьма важная роль в стилистическом оформлении фразеологизмов принадлежит культурно-национальному, этническому фактору, включающему языковое мышление, национальный менталитет, народный фольклор.

Еще на заре развития фразеологической науки наметилась тенденция изучения устойчивых словесных комплексов как фигур речи, в которых слова приобретали переносное значение, присущее им только в рамках данных оборотов. Такой подход характерен для стилистически-речевого аспекта описания устойчивых выражений образного характера и в настоящее время. Принципы этой теории исходят из свойства образности, присущего подавляющему большинству устойчивых сочетаний слов, прошедших стадию метафорического переосмысления. Рефлексы образности проявляются при оживлении внутренней формы фразеологизмов (если она, конечно, не стерлась в сознании носителей языка). Со всей очевидностью они проявляются при обыгрывании таких сочетаний слов в художественной литературе или в поэтическом языке, что является эффективным приемом достижения двуплановости и усиления художественно-смысловой нагрузки

текста путем «отстранения» лексического состава сочетаний и распространения образности даже за пределы элементов текста, синтаксически согласованных с фразеологизмами. «Обнажение» внутренней формы и оживление образности фразеологизмов – характерная особенность художественных произведений и разговорной речи.

Фразеологизмы могут нести информацию не только об обозначаемых ими ситуациях (или фрагментах) действительности и о приспособленности их семантики к выполнению коммуникативной роли, но они, как правило, выражают и отношение употребляющего их к обозначаемой действительности. Этот компонент содержательного аспекта фразеологизмов связан с отображением оценки обозначаемого, с его чувственным восприятием, а также с отображением отношения говорящего к ситуации речи, которое объективируется в стиливых формах существования языка, нормы которого определяют выбор средств. Совершенно очевидно, что в речевом употреблении фразеологизмов и структурно-семантические, и функциональные свойства сливаются воедино.

Как уже было отмечено, одной из главных отличительных черт фразеологии является выраженный национальный характер. Учитывая данный фактор, можно понять, почему фразеологические выражения, принятые и закреплённые в системе одного языка, зачастую невозможно дословно передать на другом языке, независимо от степени родства этих языков. В этом смысле представляется возможным и умест-

ным проведение некой условной параллели между фразеологией и поэзией.

Почему оригинальная и переводная поэзия так часто не воспринимаются одинаково? Почему оригинал всегда звучит мелодичнее, а в переводе все чаще ощущается диссонанс? Думается, что здесь опять-таки все обусловлено этническими особенностями, национальным колоритом данного языка. Даже самый профессиональный перевод часто страдает если не от полной, то хотя бы от определенной утраты национального колорита оригинала. Вот почему великие переводчики всех времен старались не переводить тех слов и выражений, стилистические соответствия которых невозможно (или трудно) было найти в языке перевода. Сравним, например, известные строки из стихотворения Саят-Новы с его переводом из «Антологии средневековой армянской поэзии», сделанным В.Я. Брюсовым:

*Աշխարհումս ախ չիմ քաշի,
Քանի վոր ջան իս ինձ ամա,
Անմահական ջրով լիբը
Օսկի փնջան իս ինձ ամա...*

В русском переводе эти строки звучат так:

*Я в жизни вздоха не издам,
Доколе джан ты для меня,
Наполненный святой водой,
Златой пинджан ты для меня...*

Именно в том, что переводчик оставил непереуведенным слово «джан», и проявилось его истинное мастерство, ибо в русском языке не найти подобного слова и по эмоционально-смысловой своей насыщенности, и по звучанию, слова, столь емкого в своей краткости и столь яркого в своей звучности.

Примерно то же самое происходит и в области фразеологии: если попробовать перевести русский фразеологизм на армянский язык, то неизбежным результатом окажется утрата национальной специфики и стилистической окраски фразеологизма. Зачастую же подобный перевод приобретает определенную степень абсурдности.

Употребление фразеологизмов, подобно другим языковым единицам, подчиняется существующим языковым нормам, и именно в таком соответствии принятым нормам последние зафиксированы во фразеологической системе языка (Шварцкопф 1970). Однако в разговорной речи очень часто те или иные фразеологизмы могут принимать другую форму выражения. Логично было бы думать, что всякое отклонение от нормы должно квалифицироваться как ненормативное употребление, однако когда рассматриваются два разных уровня функционирования (язык и речь), то здесь, думается, ошибочно было бы говорить об общих нормах. Точнее, понятие нормы в данном случае относится преимущественно к языку, а речевого процесса оно касается меньше. Дело в том, что речевые границы довольно широки и весьма подвижны: здесь могут иметь место индивидуальное и авторское упот-

ребление фразеологизма, трансформация его нормативной формы, всевозможные сдвиги внутри фразеологизма. Важно также учесть, что все указанные преобразования нормативных форм употребления фразеологизмов подчинены определенным целям: они либо призваны вносить новый оттенок, либо придавать дополнительный колорит, либо помечены просторечным употреблением и т.д. Понятно, что подобного рода сдвиги не могут быть квалифицированы как отклонения (Кравцов 1992).

Следует отметить также, что многие широко бытующие в народной речи обороты зачастую признаются плодом творчества того или иного писателя: оборот, возникший на базе общезыковой модели, называется индивидуально-авторским «крылатым выражением»; вариант фразеологизма, попавший в художественное произведение из просторечного обихода, определяется как авторское преобразование, и тем самым нередко исторический анализ определенных фразеологических единиц подменяется поисками их мнимого литературного источника (Поспелова 2001).

Многие обороты, кажущиеся застывшими литературными образами, в действительности представляют собой варианты диалектных фразеологизмов. Так, выражение *«мальчики кровавые в глазах»* принято считать крылатым выражением из поэмы А.С. Пушкина «Борис Годунов», хотя на самом деле Пушкин лишь использовал один из вариантов диалектного фразеологизма (ср.: *угланчики в глазах бегают; мухи в гла-*

зах; черные точки; летучая рябь и т.п.). Представленная диалектная модель возникла на более широкой основе и связана с активным рядом оборотов типа русского «в глазах зелено» (мелькает, пестрит, рябит) или диалектного «в глазах майкает». Диалектным оборотам «угланчики (мухи) в глазах», «иванчики скачут» и другим, возникшим по ассоциативному описанию, суждено было остаться на периферии русской речи, в то время как обновленный Пушкиным вариант «мальчики в глазах» занял ведущую позицию в указанном ассоциативном ряду.

Вариантность оборотов в речи и индивидуально-авторские преобразования по сути можно квалифицировать как явления одного порядка, однако при этом последние выступают в роли как бы вторичных вариантов, поскольку они подчиняются обычно различным стилистическим целям: усилению экспрессивности фразеологизма, его комическому обыгрыванию и т.п.

Функциональный подход к фразеологии проблему вариантности решает прежде всего на материале индивидуально-авторских преобразований; другой план варьирования связан с просторечным и диалектным употреблением фразеологизмов.

Так, например, фразеологизм «как перст в глазу» можно интерпретировать как один из случаев лексической вариантности – контаминации (ср.: *один как перст* и *один как порох в глазу* – о ком-либо дорогом, незаменимом). Подобное обра-

зование самобытного, «узколокального» оборота обусловлено широкой вариантностью употребления в живой речи двух фразеологических единиц, ставших его основой. Проблема «самобытности» и «индивидуальности» фразеологических единиц является в конечном счете той же проблемой фразеологической вариантности.

Однако порой индивидуальные изменения внутри фразеологизмов могут затронуть (и даже исказить) их значение. В таких случаях особую важность приобретает выяснение природы и цели этих изменений. Помимо этого, неправильное речевое употребление фразеологизма может исходить также от незнания и непонимания смысла фразеологизма.

До сих пор при сопоставительном исследовании русских и армянских фразеологизмов рассматриваемой тематической группы мы отмечали в основном структурно-семантическое сходство, объединяющее эти единицы в обоих языках. Однако в процессе дальнейшего анализа фразеологического материала нам удалось выявить также определенные несоответствия между параллельными парами русских и армянских СФ. Указанные расхождения представляют определенный интерес как в плане историческом, так и структурно-семантическом и, на наш взгляд, нуждаются в отдельном изучении.

Мы выделили несколько наиболее интересных случаев несоответствий между эквивалентными парами русских и армянских соматических фразеологизмов, которые, на наш

взгляд, вызваны прежде всего национальными особенностями этих языков.

Среди многочисленных тематических групп фразеологизмов, зафиксированных во фразеологических системах как русского, так и армянского языков, группа соматических фразеологизмов является одной из наиболее обширных и распространенных. Указанная группа включает фразеологизмы с обязательным соматическим компонентом, одинаковым в разных языках, а именно: в русском языке, к примеру, для обозначения верхней конечности человеческого тела существует слово «рука», в армянском языке ту же функцию выполняет синонимичный соматизм «ձեռք», т.е. оба слова обозначают одну и ту же часть человеческого тела; или «нога» - «ուրբ» (нижняя конечность) и т.д. Логический подход к изучаемой проблеме предполагает наличие в параллельных русско-армянских соматических фразеологизмах одного и того же соматического компонента. Однако при более глубоком исследовании выясняется, что очень часто эквивалентные русские и армянские фразеологизмы расходятся именно по соматическому компоненту, сохраняя при этом синонимичную семантику.

Сравним, например:

мотать себе на ус – ալվանջին ող սնեյ; перемывать косточки – լեզվի լրակ զգեյ; сбывать с рук – գրվին աղաւորեյ; с глазу на глаз – երես առ երես; кусать себе локти – ծնկներին լրակ; գլխին լրակ; в глаза не видать – երեսը

չդեմնելի; тыкать в глаза – երեսով լիսի; на одно лицо – քթից թռնած; кланяться в пояс – գլուխ խոնարհելի; показывать спину – երես դարձնելի; класть зубы на полку – քերանք քամնոն քննելի; зуба не дура – քերանք համը իմանալ.

Наблюдения над конкретным фразеологическим материалом позволили выявить и другие несоответствия между синонимичными русскими и армянскими соматическими фразеологизмами. Так, помимо замены одного соматического компонента другим, армянские синонимы соответствующих русских СФ могут и вовсе не включать соматического компонента.

Например:

на широкую руку – անք-փանք; сходить с рук – հեշտ լրծնելի; притягивать за уши – թքով կազնելի; есть за обе щеки – հուշ լիսի; и в ус не дуть – վեջը չիմնելի; шагать в ногу – եր չմնալ; отрясти от своих ног – խաչ քաշելի; со всех ног – կրակ կլրած; горит в руках – խաղ ու լրանով; зреть руки (нам чем) – անիթից օգլովելի; как рукой сняло – հոլի գնդելի; руки коротки – ուժը չալիլելի; руки не доходят – ժամանակը չներելի.

Более серьезные несоответствия между анализируемыми парами русских и армянских СФ могут быть вызваны смещением языковых уровней. Здесь мы имеем в виду случаи выражения семантики русского фразеологизма в армянском языке не фразеологическими средствами, а средствами других уровней языка, а именно: либо с помощью синонимичных

слов (на лексическом уровне), либо описательным путем (на синтаксическом уровне).

Сравним, например:

*лишний рот – ձրիակեր; медный лоб – բրձամիտ; кле-
вать носом – ննջել; попадать пальцем в небо – Կնիտիտ
Վրիտել; как рукой сняло – իւշիտ Վերիւիւ; вверх ногами –
վիւնիւնվրի; как на ладони – ւշրգրրոշ; собрать в кулак –
համախմբել; пустая голова – դիւրիւրվազրիւ; ветреная
голова – թերեւամիտ; не в бровь, а в глаз – դիւրիւ.*

Наконец, расхождения между параллельными русскими и армянскими СФ могут быть связаны с этническим фактором. Так, многие русские соматические фразеологизмы, получившие в языке широкое распространение, в армянской фразеологической системе просто отсутствуют. В данном случае нам думается, что отсутствие синонимичных пар фразеологизмов вызвано отсутствием в армянской языковой действительности тех реалий, которые отражены в соответствующих русских фразеологизмах.

Итак, вышепредставленные расхождения между соотносительными парами русских и армянских соматических фразеологизмов в основном и в общем вытекают из особенностей национальной специфики и ментального фактора, лежащих в основе этих языков, что в свою очередь непосредственно связано с фактом прохождения каждым из данных языков разных путей исторического развития.

В существующих русско-армянских фразеологических словарях (Мелкумян, Погосян 1975) подчас в случае отсутствия реального фразеологического синонима предлагается пословный перевод соответствующих русских СФ на армянский язык, что, на наш взгляд, следует рассматривать как определенное нарушение фразеологических норм языка. Помимо этого, подобный перевод не может дать реального представления о природе данных фразеологизмов, ибо, как уже было отмечено, любой пословный перевод лишает оригинал стилистически важных нюансов, во многом способствующих раскрытию семантики всего выражения в целом. В итоге в языке перевода возникают выражения, лишенные смысла или, в лучшем случае, приобретшие форму свободных словосочетаний, полностью утративших всякую связь с тем конкретным денотатом, который заложен в исконном фразеологизме.

Сравним, например: *носить на руках* – *ծնրերի վրա լննի տծել*; *иметь голову на плечах* – *լսերի վրա գլուխ ունենալ* и т.д.

В процессе исследования конкретного фразеологического материала нами были выявлены многочисленные случаи, когда русский соматический фразеологизм имеет в армянском языке более одного фразеологического соответствия с разными соматическими компонентами в своем составе. При этом, как правило, один из указанных синонимов уступает

другому с точки зрения частотности употребления в языке и степени распространенности в речи.

Например:

рукой подать – ձեռք մեկնես՝ կհասնի, քթի տակ; *пускать пыль в глаза* – աչքերին թոզ փչել, գլուխը յուղել; *пальчики оближешь* – մաքներդ հետը կուտես, համը բերանումդ կմնա; *падать на колени* – ծնկի իջնել, ոտներն ընկնել; *садиться на голову* – գլխին նստել, երես տննել; *плечом к плечу* – ու ուի, կողք կողքի.

Представленные примеры свидетельствуют о богатстве фразеологической системы современного армянского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес к изучению различных тематических групп фразеологизмов, т.е. к более частным классификациям ФЕ, возник у лингвистов сравнительно недавно, а потому и эта область еще не успела получить достаточно полного освещения в рамках фразеологической науки. Помимо этого, мнения ученых-фразеологов относительно объекта и объема фразеологии, относительно выделения ее в самостоятельную область языкознания, как уже было отмечено, долгое время не переставали оставаться спорными, что в свою очередь также препятствовало развитию частных исследований в этом направлении.

Тем не менее, опираясь на теоретический опыт ведущих ученых-фразеологов, а также имея собственное мнение относительно обсуждаемой области языкознания, мы провели сопоставительное исследование одной из частных (тематических) групп фразеологизмов – соматических фразеологизмов.

Следует отметить, что исследование указанной категории русских фразеологических единиц в сопоставлении с армянским до сих пор еще не получило конкретного освещения в общей теории русско-армянской сопоставительной фразеологии, не имеется также лексикографических источников (русско-армянских словарей соматических фразеологизмов, справочников) в этой области. В этом смысле настоящая работа является первым опытом многоаспектного сопоставительного

исследования русско-армянских соматических фразеологизмов. Сопоставительное изучение такой сложной, разнообразной, объемной, яркой, экспрессивно окрашенной области языкознания, как фразеология, оказалось весьма непростой и серьезной задачей. Дело в том, что здесь на первый план выступает «специфичность» фразеологических единиц, вызванная национальными особенностями развития сопоставляемых языков. Отсюда понятно, что при сопоставительном анализе наиболее экспрессивной, национально окрашенной области языка следует тщательно прощупать почву, породившую эти единицы языка, поскольку в них в полной мере проявляется этническая специфика и языковой менталитет носителей данных языков: образы и понятия, обычаи, традиции, символика, мировоззрение и прочее.

С позиций отмеченного подхода в соответствующих главах работы мы уделили определенное место вопросу историко-временного происхождения соматических фразеологизмов и изучению особенностей их стилистического оформления.

В рамках настоящего исследования мы стремились многоаспектно представить соматические фразеологизмы и по возможности полно отразить наиболее важные стороны изучаемого материала в обоих языках: культурно-национальную маркированность СФ, знаковую природу, полисемичные, варианты, синонимические и антонимические формы их употребления; взаимосвязь и взаимообусловленность фразеологических, лексических и синтаксических единиц языка

и, наконец, речевой аспект использования соматических фразеологизмов со всеми нюансами.

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что теоретические принципы, обоснованные обстоятельным анализом фактического материала и представленные в основных главах работы, позволили разносторонне изучить группу соматических фразеологизмов в системах русской и армянской фразеологии. Сопоставительное исследование данной группы фразеологических единиц выявило ряд соответствий и расхождений между этими единицами в сравниваемых языках и подвело нас к соответствующим важным и интересным обобщениям и выводам, среди которых, однако, неоспоримое первенство принадлежит лингвокультурологическому, этническому фактору, предопределяющему национальную специфику исследуемых языков. Именно культурно-национальными особенностями, на наш взгляд, возможно объяснить основные несоответствия, встречающиеся в процессе сопоставительного исследования соматических фразеологизмов русского и армянского языков.

- Соматические фразеологизмы в своем большинстве наглядно демонстрируют один из путей превращения языкового материала через семантический сдвиг в некое фразовое единство, используя при этом весь потенциал значения семантической лексемы, ее тесную связь со способами выражения всевозможных человеческих переживаний, аффектов,

оценок, отношения к тем или иным событиям, явлениям и т.п.

- Для выяснения природы и происхождения соматических фразеологизмов большой смысл приобретает обращение к невербальной семиотической системе, поскольку, как уже было показано, включая в свой состав соматический компонент, соматические фразеологизмы тем самым становятся выражениями, имеющими непосредственную связь с жестикоммуляционно-мимическими действиями, проявляющимися более или менее ярко в зависимости от степени активности того человеческого органа, название которого лежит в их основе в каждом конкретном случае.

Итак, соматические фразеологизмы больше, чем другие тематические группы фразеологизмов связаны с языком жестов, с невербальными кодами языка, и эта неоспоримая связь предопределена именно функциональными свойствами соматических компонентов.

- В результате исторического развития многие СФ в обоих языках подверглись различного рода модификациям, вызвавшим изменения внутри их структурного состава и нарушившим семантическую целостность фразеологизма. К подобного рода изменениям относятся внутрикомпонентная инверсия, эллипсизация фразеологизма, различные лексические вкрапления, расширение/сужение значения, абстрагирование, смещение и обособление фразеологизма, замена лексических составляющих, ассоциативные модификации и т.д.

● Условная классификация соматизмов, называющих соответствующие части тела, основанная на ряде важных характеристик, позволила сгруппировать их с учетом и дифференциацией следующих признаков и функций:

- а) бинарные и одиночные;
- б) лицевые и телесные;
- в) мимические и жестикуляционные;
- г) активные и пассивные;
- д) инструментально функционирующие и связующие;
- е) рациональные и эмоциональные.

Именно от важности перечисленных функций и степени активности их выполнения зависит та или иная степень вовлеченности конкретных соматизмов-названий частей тела в процесс фразообразования.

В свете отмеченного подхода в качестве наиболее активных соматизмов, зафиксированных в компонентном составе соответствующих фразеологизмов, в обоих языках выступают следующие: голова (գլուխ), глаза (աչքեր), рука (ձեռք), рот (բերան), нога (ոտք), язык (լեզու).

● Сопоставительный этимологический анализ русских и армянских соматических фразеологизмов позволил выявить заметные расхождения между ними, predeterminedенные разной национальной символикой и этническими особенностями этих языков; этимологические же соответствия, встречающиеся в ряде случаев между параллельными русскими и армянскими фразеологизмами, можно объяснить наличием в

них универсальных символов, свойственных многим языкам и разным культурам.

- В структурном отношении соматические фразеологизмы представляют собой метафоризированные сочетания, содержащие в качестве обязательного компонента соматическое существительное и свободное лексическое окружение, способное включать как постоянные, так и факультативные компоненты.

- Стержневой центр СФ не всегда совпадает с соматическим компонентом.

- Абсолютное тождество между соотносительными русскими и армянскими СФ в плане их лексического окружения наблюдается не всегда, что обусловлено национальной спецификой каждого из этих языков; сходства же объясняются универсальным характером соматических фразеологизмов.

- Состав соматических фразеологизмов может подвергаться трансформационным изменениям вследствие вклинивания дополнительных (факультативных) компонентов, ассоциативного построения фразеологизмов и инверсии. Подобные трансформационные изменения внутри состава соматических фразеологизмов не вызывают у них семантического сдвига.

- Структурно-семантическая классификация соматических фразеологизмов охватывает следующие группы: глагольную, субстантивную, адъективную и адвербиальную.

- Среди глагольных СФ несоответствия между параллельными русскими и армянскими фразеологизмами в плане реализации грамматических форм вызваны отсутствием у армянского глагола категории вида; в субстантивных фразеологизмах причиной такого несоответствия является отсутствие у армянского существительного грамматических форм выражения рода.

- Падежные парадигматические изменения существительных, входящих в состав соответствующих СФ, в русском языке обычно реализуются с помощью предлогов, а в армянском – за счет изменения окончания или путем присоединения определенного артикля -ը (որոշիչ հոդ). В последнем случае мы имеем дело не с альтернативной (вариантной) формой фразеологизма, а с новым фразеологизмом.

- Соматическим фразеологизмам присущи полисемичность, вариантность, омонимичность и синонимичность форм.

- Критерием разграничения синонимичных и вариантных форм СФ является наличие у фразеологических синонимов семантического параллелизма и доминанты смыслообъединяющего значения.

- Выделение в синонимическом ряду доминирующего фразеологизма не подчиняется каким-либо конкретным принципам: в качестве такового обычно принято выделять стилистически нейтральный и наиболее частотный фразеологизм.

- Между фразеологическими и лексическими единицами языка существует непосредственная взаимосвязь.

- Однословные лексические соответствия характерны в основном для максимально спаянных, неразложимых СФ с невыводимым значением, описательные (словосочетательные) синонимы свойственны преимущественно фразеологизмам с ослабленной семантической спаянностью.

- Соматические фразеологизмы обнаруживают связь с соответствующими синтаксическими коррелятами.

- Изучение особенностей соматических фразеологизмов, их связи с невербальным языком, а также их правильное и грамотное использование в речи позволяет проникнуть в иные языковые культуры и значительно облегчает процесс межкультурной коммуникации.

- Соматические фразеологизмы отличаются стилистической насыщенностью, яркой экспрессивностью и эмоциональной окрашенностью.

- В рамках соматических фразеологизмов зачастую наблюдается взаимопроникновение, сближение и переплетение стилей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева С.Г. Семантическая систематика фразеологизмов с компонентами «сердце» и «душа» в современном русском языке // Семантика языковых единиц. – М., 1996, Т.1, с. 125-127.

2. Алефиренко Н.Ф. Некоторые аспекты сопоставительно-семантического анализа фразеологизмов русского и украинского языков // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. – Воронеж, 1981, с. 61-67.

3. Алефиренко Н.Ю., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология. – М.: Флинта. Наука, 2009, 272 с.

4. Алехина А.И. Семантические группы во фразеологии современного английского языка. – Минск: Высшая школа, 2004, 156 с.

5. Амосова Н.Н. Современное состояние и перспективы фразеологии // Вопросы языкознания. – М. 1966, №3, с. 21-27.

6. Амосова Н.Н. Фраземы как разновидность фразеологических единиц английского языка // Проблемы фразеологии: исследования и материалы (под ред. А.М. Бабкина). – М.-Л., 1964, с. 131-140.

7. Арапов М.В. О содержании понятия «фразеология» // Семиотика и информатика. – М., 1977, Вып. 7, с. 7-27.

8. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц,

ориентированных на человека, в английском и русском языках). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1993, 329 с.

9. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). – Казань, 2006, 219 с.

10. Артемова А.Ф. Культурно-национальная специфика английских фразеологических единиц и ее сохранение при переводе. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002, с. 79-80.

11. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики 1982. – М., 1984, 188 с.

12. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания, 1987, №3, с. 46-51.

13. Архангельская Ю.В. Окказиональное варьирование фразеологических единиц // Семантика языковых единиц. Т.1. – М., 1998, с. 236-238.

14. Архангельский В.Л. Проблема устойчивости фразеологических единиц и их знаковые свойства (на материале современного русского языка) // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. – Тула, 1968, с. 21-29.

15. Архангельский В.Л. Соотношение и взаимодействие единиц фразеологического уровня с единицами других уровней современного русского языка // Уровни языка и их взаимодействие. – М., 1967, с. 22-26.

16. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке // Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1964, 315 с.

17. Астахова Э.И. Внутренняя форма идиом и ее функции // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990, с. 146-152.

18. Бабкин А.М. Лексикографическая дифференциация фразеологических единиц // Вопросы фразеологии и составление фразеологических словарей. – Баку, 1968, с. 6-11.

19. Бабкин А.М. Русская фразеология: ее развитие и источники. – Л.: Наука, 1970, 263 с.

20. Бабкин А.М. Фразеология и лексикография// Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. – М.-Л., 1964, с. 7-36.

21. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Эдиториал УРСС, 2001, 394 с.

22. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Структуры знаний и их языковая онтологизация в значении идиом // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 903. – Тарту, 1990, с. 20-36.

23. Беляева Е.В. Проблемы определения границ фразеологических единиц // Фразеография в машинном фонде русского языка. – М., 1990, с. 67-72.

24. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: УРСС, 2002, 448 с.

25. Бирих А. Из истории русской идиоматики // Слово во времени и пространстве. – М., 2000, с. 24-37.

26. Блюм А. Семантические особенности соматической фразеологии. – М.: АСТ-пресс, 2000, 20 с.

27. Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1995, 151 с.

28. Булгарова Б.А. Трудности, возникающие при исследовании эмотивной лексики русского языка // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом, культурологическом аспектах. – Челябинск: РЕКПОЛ, 2008. Т.3, с. 66-68.

29. Вайсгербер И.Л. Родной язык и формирование духа. – М.: Эдиториал УРСС, 2004, 232 с.

30. Вакк Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском языке. АКД. – Таллин, 1964, 30 с.

31. Вакуров В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц. – М.: Изд-во МГУ, 1980, 176 с.

32. Вахрушева Н.А. Соматические фразеологизмы в островных немецких говорах. АКД. – Иркутск, 2009.

33. Вахрушева Н.А. Соматические фразеологизмы как ключ к познанию менталитета этноса // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: Материалы 3 международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию ЛИИН. – Барнаул, 2007, с. 53-55.

34. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики // Языки славянской культуры. – М., 2001, 272 с.

35. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996, 416 с.

36. Верещагин А.В., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980, 320 с.

37. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. – М., 1982, с. 89-98.

38. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990, 246 с.

39. Вернер А.В. Семантическая и коммуникативно-функциональная характеристика фразеологических единиц с культурным компонентом значения. АКД. – М., 1998, 23 с.

40. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Современный русский язык: Лексикология. Лексикография. С-Петербург, – 1996, с. 181-191.

41. Гаврин С.Г. Слово, фразеологизм и фразеологическая система языка. – Самарканд: Труды Самаркандского университета, 1972. Вып. 219, с. 21-32.

42. Гаврин С.Г. Фразеология современного русского языка (в аспекте теории отражения). – Пермь, 1974, 269 с.

43. Гак В.Г. Национально-культурная специфика метонимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999, с. 260-268.

44. Гак В.Г. Фразеология, образность и культура // Советская лексикография. – М., 1988, с. 55-65.

45. Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа//Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000, 311 с.

46. Гачев Г. Национальные образы мира. – М.: Советский писатель, 1988, 133 с.

47. Гвоздарев Ю.А. Образование фразеологизмов // Русская речь. – 1974, №3, с. 128-131.

48. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1978, 184с.

49. Гвоздарев Ю.А. Слова-символы как компоненты фразеологической единицы // Фразеологизм и слово в русском языке. Сб.науч.тр. – Ростов-на-Дону, 1983, с. 26-34.

50. Городецкая И.Е.Соматический компонент фразеологизмов // Вестник СГУ, 2007, №5, с. 162-166.

51. Гриднева Т.В. Интенсивность как категориальное свойство фразеологической семантики // Семантика языковых единиц. – М., 1998, Т.1, с. 243-246.

52. Грушевицкая Т.Г. и др. Основы межкультурной коммуникации. – М.: Юнити-Дана, 2002, 352 с.

53. Гудков Д.Б. «Кровь» в соматическом коде культуры // Язык. Сознание, Коммуникация. Вып. 23. – М.: Макс Пресс, 2003, с. 15-28.

54. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. – М: Прогресс, 2000, с. 37-297.

55. Данилов В.С., Куницкая Н.В. Образование соматических фразеологизмов на основе семантических сдвигов составляющих компонентов // Современные проблемы романистики. – Калинин, 1986. Т.1, с. 83-85.

56. Дашиева Д.Б. Изучение соматической фразеологии в современной русистике // Вестник Бурятского государственного университета, 2010, №10, с. 70-73.

57. Диброва Е.И, Касаткин Л.Л. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. – М.: Академия, 2006. Ч.1, 358 с.

58. Дидковская В.Г. Семантическая типология фразеологических сочетаний // Семантика языковых единиц. Т.1. – М., 1998, с. 245-248.

59. Добровольский Д.О. К проблеме фразеологических универсалий // Филол.науки, №2. – М., 1991, с. 95-103.

60. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания, №6. – М., 1997, с. 37-48.

61. Добровольский Д.О. Типология идиом // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990, с. 49-66.

62. Добрыднева Е.А. Стилистическая дифференциация фразеологизмов в культурно-национальном аспекте: доклады VI межд. Конф. «Семантика языковых единиц». – М., 1998, с. 248-250.

63. Дубровин М.И. Русские фразеологизмы в картинках. – М., 1987, 328 с.

64. Ефремов Л.Т. Лексическое и фразеологическое калькирование // Вопросы фразеологии, Вып. 106. – Самарканд, 1961, с. 117-124.

65. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986, 308 с.

66. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978, 160 с.

67. Жуков В.П. Фразеологизм и слово. АҚД. – Л., 1964, 54 с.

68. Жуков В.П. Фразеологическая переходность в русском языке. – Л.: ЛГГШ, 1984, 93 с.

69. Захаренко И.В. «Ноги» в соматическом коде культуры (на примере фразеологии) // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 21. – М.: Макс Пресс, 2003, с. 86-96.

70. Иванова Н.Н. Системные отношения в поэтической фразеологии // Проблемы структурной лингвистики 1985-1987. – М., 1989, с. 184-196.

71. Изард К.И. Психология эмоций. – СПб: Питер, 1999, 464 с.
72. Кабачки В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – М.: ИВЭСЭП, 1998, 232 с.
73. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Либроком, 1976, 354 с.
74. Кирсанова Н.А. Фразеология // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. – Саратов, 1983, с. 219-226.
75. Ковалева Л.В. Фразеологизация как когнитивный процесс. АДД. – Воронеж, 2004, 184 с.
76. Ковшова М.Л. Опыт семантического поля в описании идиом. – М., 1990, с. 80-83.
77. Кожин А.Н. О границах русской фразеологии // Филол. науки, № 1. – М., 1985, с. 80-86.
78. Козлова Р.М. Структурно-семантические модели фразеологизмов и факторы их продуктивности // Проблемы фразеологической и лексической семантики. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 1983, с. 76-80.
79. Козырев Л.И. Фразеологизация предложных сочетаний со словом «рука». – Минск, 1985.
80. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990, с.14.
81. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 1999, 424с.

82. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии (Фразеосочетания в системе языка). – Воронеж: ВГУ, 1989, 190 с.

83. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2004, 349 с.

84. Коробка П.Л. Идиоматическая фразеология как лингвистическая и культурологическая проблема. АКД. – М., 1999, 18 с.

85. Костючук Л.Я. Образность и фразеологизация // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 9. – Новосибирск, 1980, с. 116-125.

86. Кохтев Н.Н. Стилистическое использование фразеологических средств в языке газеты // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. – М., 1980, с. 35-50.

87. Кочеваткин А.М. Соматическая лексика эрзянского языка. – Саранск: Красный октябрь, 2001, 200 с.

88. Кошелева Т.Н. Употребление фразеологических единиц с архаичными элементами // Семантика языковых единиц. Т.1. – М., 1998, с. 267.

89. Кравцов С.М. Индивидуально-авторские употребления фразеологических единиц в научно-популярном тексте // Лингвистические и методические аспекты преподавания русского языка как иностранного. – М., СПб, 1992, с. 46-52.

90. Крейдлин Г.Е., Летучий А.В. Концептуализация частей тела в русском языке в невербальных семиотических ко-

дах // Русский язык в научном освещении, №2, 2006, с. 80-115.

91. Крейдлин Г.Е., Летучий А.В. Семантическая структура слова «плечи» и его производных. – М.: Изд. Центр РГГУ, 2005, Т.8, №2, с. 48-67.

92. Крейдлин Г.Е. Русские жесты и жестовые фразеологизмы: отражение наивной этики в невербальном и вербальном кодах // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000, с. 341-352.

93. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: НЛО, 2002, 581 с.

94. Кривенко Б.В. Фразеология и газетная речь // Русская речь, 1993, №3, с. 44-49.

95. Кругликова Л.Е. Лексико-фразеологическая система в диахроническом освещении // Семантика языковых единиц. Т.1. – М., 1998, с. 268-270.

96. Кубрякова Е.С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник чувашского государственного педагогического университета им. И.Я.Яковлева, 2003, №4, с. 5-31.

97. Кубрякова Е.С. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988.

98. Кузнецова И.В. Устойчивые сравнения религиозно-мифологической тематики // Семантика языковых единиц. Т.1. – М., 1998, с. 270-273.

99. Культурные слои во фразеологизмах в дискурсивных практиках // Языки славянской культуры. – М., 2004, 344 с.
100. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М., 1996, 493 с.
101. Кунин А.В. О фразеологической номинации // Фразеологическая семантика: сб. науч. тр. – М., 1983. Вып. 211, с. 88-101.
102. Кунин А.В. Английская фразеология. – М.: Высшая школа, 1970, 344 с.
103. Кунин А.В. Структурно-семантические аспекты первичной фразеологии // Основы русской фразеологии. – М.: ПИИЯ им. М.Тореза, 1987.
104. Куницкая Н.В., Мельник В.Ф., Данилов Б.С. Функционально-семантическая динамика соматических лексем в составе фразеологических единиц // Дериватология и динамика в романских и германских языках. – Кишинев, 1989, с. 48-55.
105. Куприянов В.Ф. К проблеме лексического состава фразеологических единиц // Учен. зап. Вып.4. Т.33. – Владимир, 1971, с. 25-31.
106. Лаврищева Е.В. Репрезентация негативных эмоций в языковой картине мира русского и немецкого языков // Вестник ИГЛУ, №3(11), 2008, с. 28-33.
107. Лайпанова З.А. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц с соматическим компонентом

в карачаево-балкарском языке в сопоставлении с русским. – Карачаевск, 2007, 186 с.

108. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Эдиториал УРСС, 2004, 256 с.

109. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов). – С.-Петербург: Изд-во С-Пет. ун-та, 1996, с. 200-224.

110. Латина О.В. Деонтический, аксиологический и эмоциональный параметры в семантике идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и Машинного фонда русского языка. – М., 1988, с. 94-98.

111. Лебедева Л.А. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М., 1999, 106 с.

112. Лебедева Л.А. Семантическая деривация на базе устойчивых сравнений // Семантика языковых единиц. Т.1. – М., 1998, с. 273-274.

113. Лекант П.А., Диброва Е.И. и др. Современный русский язык. – М.: Дрофа, 2002, 560 с.

114. Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977, 352 с.

115. Лепешев И.Я. Об использовании фразеологизмов в художественном произведении // Русский язык в школе. – М., 1981, №3, с. 88-91.

116. Литвинов П.П. Фразеология. – М.: Примстрой, 2001, 176 с.
117. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982, 480 с.
118. Лурия А.В. Язык и сознание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979, 320 с.
119. Максимов В.И. Фразеологизмы и сопредельные с ними конструкции // Русская речь, 2003, №4, с. 31-38.
120. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997, 208 с.
121. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001, 208 с.
122. Маслова В.А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии//Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004, с. 69-76.
123. Мелерович А.М. К вопросу о типологии внутренних форм фразеологических единиц современного русского языка. – Иваново: Изд-во ИГУ, 1980, с. 13-36.
124. Мелерович А.М. О характере взаимодействия лексической и грамматической семантики в сфере фразеологии // Проблемы семантики русского языка. – Ярославль, 1986, с. 31-40.
125. Мелерович А.М. Смысловая структура пословиц // Семантика языковых единиц. Т.2. – М., 1998, с. 275-277.

126. Михеев М. «Душа» в наивной мифологии русского языка//Фразеология в контексте культуры. – М., 1999, с. 145-158.

127. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии // Сборник образных слов и иносказаний. Т.1. – М., 1994, 103 с.

128. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. – М., СПб: Авалон,1990, 256 с.

129. Мокиенко В.М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // Вопросы языкознания, №2, 1973, с. 21-34.

130. Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986, 277с.

131. Мокиенко В.М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. – М.: Русский язык, 1982, с. 108-122.

132. Мокиенко В.М. Почему так говорят? От Авося до Ятя: историко-этимологический справочник по русской фразеологии. – М., СПб: Норинт, 2003, 512 с.

133. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1989, 287 с.

134. Мокиенко В.М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // Вопросы языкознания, №2, 1973, с. 21-34.

135. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977, с. 279.

136. Мордкович Э.М. К вопросу о семантических полях соматических фразеологизмов // Вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германских и романских языков. – Новосибирск, 1972, с. 98-100.

137. Мордкович Э.М. Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов // Актуальные проблемы фразеологии. – Новосибирск, 1971, с. 244-245.

138. Мрикария Дж. Структурные и семантические особенности фразеологических единиц с соматическим компонентом в русском языке в сопоставлении с английским. – М., 1999, 322 с.

139. Мугу Р.Ю. Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков). АКД. – Майкоп, 2003, 24 с.

140. Муравьева А.И. Лингвокультурологический аспект изучения соматической фразеологии неродственных языков // Вестник МГЛУ, 2013, №15 (675), с. 144.

141. Мильников А.С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств языковой коммуникации. – Л.:Наука, 1989, с. 7-38.

142. Назаров О. Сопоставительный анализ соматических фразеологизмов в русском и туркменском языках. АКД. – Ашхабад, 1973.

143. Назарян А.Г. История развития фразеологии. – М.: Высшая школа, 1981, 189 с.
144. Наркевич А.И. Слово и словосочетание во фразеологизме // Методы изучения лексики. – Минск, 1975, с. 141-147.
145. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М., 1993, 189 с.
146. Новый язык телодвижений. – М., 2007, 416 с.
147. Овчинникова А.Н. Проблема языка и культуры в семиологическом аспекте // Культура народов Причерноморья, 2006, №91, с. 95-97.
148. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М.: Высшая школа, 1974, 352 с.
149. Опарина Е.О. Связь метафоры с мировосприятием// Язык и культура. – М., 1987, с. 130-140.
150. Османова Т.А. Структурно-семантические свойства субстантивных фразеологических новообразований // Лингвистические и методические аспекты преподавания русского языка как иностранного. – М., СПб, 1992, с. 36-43.
151. Пеклер М.А. Русско-немецкая идиоматичность (на материале глагольно-субстантивных сочетаний, образуемых частотными переходными глаголами). – Тбилиси, 1967, 178 с.
152. Пистарк М.Ф. О вариантности фразеологизмов с соматическим компонентом (фразеологическая система английского и немецкого языков). – Челябинск, 1979, с. 142-145.

153. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. – М.: Высшая школа, 1976, 200 с.

154. Поспелова Г.М. Фразеологические средства русского языка. Возможности их использования в речи // Культура устной и письменной речи делового человека. Справочник. Практикум. – М.: Флинта, Наука, 2001, с. 34-51.

155. Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. – М.-Л., 1984, 317 с.

156. Прокопьева С.М. Проблема фразеологической образности в исследовании универсально-типологического и национально-специфического в фразеологической системе языка. – М.: Мир книги, 1995.

157. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука, 2007, 328 с.

158. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1980, 143 с.

159. Ройзензон Л.И. Русская фразеология. – Самарканд, 1977.

160. Ройзензон Л.И., Малиновский Е.А. Еще раз о способах трансформации фразеологических единиц в языке художественной литературы // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып.3. – Новосибирск, 1974, с. 109-138.

161. Русецкая И. Концептуализация культурных стереотипов душа и тело в русской соматической фразеологии (с привлечением литовских параллелей). – М., 2012, 231 с.

162. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры // Языки русской культуры. – М., 1999, с. 297-314.

163. Селиванов Г.А. Варианты фразеологических единиц во временной проекции // Проблемы русской фразеологии. – Тула, 1977, с. 3-21.

164. Селиверстова Е.И. Пословицы как средство эмоционального речевого воздействия // Слово во времени и пространстве. – М., 2000, с. 499-507.

165. Семантико-грамматические свойства фразеологизмов русского языка // Сборник научных трудов. – Челябинск, 1985, 158 с.

166. Семенова Н.А. Формы грамматической категории лица глагольных фразеологических единиц // Семантика языковых единиц. Т.1. – М., 1998, с. 288-290.

167. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М: Прогресс, 1993, 656 с.

168. Синюк В.Б. Фразеологизмы с антонимическими компонентами // Русский язык в национальной школе. – М., 1975, №5, с. 76-81.

169. Скарнев Д.С. Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами: проблемы семантики и прагматики. АҚД. – Челябинск, 2006, 200 с.

170. Смирнова Т.А. Соматический фразеологизм как компонент фразеологической картины мира в русском и украинском языках // Учен.записки ТНУ. Т.24. Ч.1. – Симферополь, 2011, с. 508-512.

171. Современный язык жестов. – Москва-Минск, 2007.

172. Солодуб Ю.П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значения // Филол. Науки, 1997, №5, с. 43-45.

173. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица). АДД. – М., 1985, 31 с.

174. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). – М.: Флинта, Наука, 2002, с. 171-249.

175. Солодуб Ю.П. Языковые единицы со статусом лексико-фразеологической переходимости // Семантика языковых единиц. Т.1. – М., 1998, с. 290-293.

176. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. – Самара: Русский лицей, 1994, 94 с.

177. Соссюр Ф.-де. Курс общей лингвистики. – М.: УРСС Эдиториал, 1977, 257 с.

178. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. – Halle, 1989, с. 279-282.

179. Стернин И.А. Психолингвистика и концептология // Вопросы психолингвистики, 2007, №5, с. 33-40.

180. Стоянова Е. Соматический код культуры в языковой картине мира (фразеологический аспект) // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков Шумен, 2002, с. 179-195.

181. Сукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев, 1992, 296 с.

182. Телия В.Н. «Говорить» в зеркале обиходного сознания // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М: Наука, 1994, с. 86-98.

183. Телия В.Н. К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995, с. 25-36.

184. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов // Славянское языкознание. – М: Наука, 1993, 308 с.

185. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М: Наука, 1988, с. 26-52.

186. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании национальной картины мира. – М: Наука, 1988, с. 173-203.

187. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной оценки языковых единиц // Языковые механизмы экспрессивности. – М: Наука, 1991, с. 40-66.

188. Телия В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. – М.: Обнинск, 1995, с. 102-106.

189. Телия В.Н. О термине «фразема» (в связи с описанием вариантности фразеологизмов) // Проблемы лингвистического анализа. – М: Наука, 1966.

190. Телия В.Н. О типах и способах фразообразования // Проблемы русского фразообразования. – Тула, 1973, с. 25-43.

191. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999, с. 87-101.

192. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты // Языки русской культуры. – М., 1996, 281 с.

193. Телия В.Н. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость // Принципы и методы семантических исследований. – М: Наука, 1976, с. 244-267.

194. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слов в языке. – М: Наука, 1981, 269 с.

195. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/ Slovo, 2008а, 624 с.

196. Толикина Е.Н. Природа значений фразеологической единицы // Вопросы семантики фразеологических единиц. – Новгород, 1971, с. 109-118.

197. Толстая С.М. К прагматической интерпретации обряда и обрядового фольклора // Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения. – М., 1992, с. 30-42.

198. Урысон Е.В. Душа, сердце и ум в языковой картине мира // Путь, 1994, №6, с. 219-231.

199. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная анатомия // ВЯ, 1995, №3, с. 3-17.

200. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. – М.: УРСС, 2002, с. 68.

201. Феоктистова А.Б. Исследование когнитивных аспектов фразеологии как средство анализа формирования фразеологических единиц//Семантика языковых единиц. Т.1. – М., 1998, с. 297-298.

202. Феоктистова А.Б. Когнитивные аспекты значения идиом, обозначающих чувство – состояние страха//Семантика языковых единиц. Т.1. – М., 1996, 216 с.

203. Федуленкова Т.Н. Некоторые особенности семантики соматических фразеологизмов в современных германских языках // Вопросы фразеологии и фразеоматики. – М.: МГПИ, 1983, с. 67-75.

204. Филипенко Т.В. Внутренняя форма значения идиом в сопоставительном аспекте (на материале немецкого и русского языков). АД. – М., 2002, 26 с.

205. Фокина М.А.Текстообразующая функция фразеологизмов в цикле повестей Алексея Ремизова // Семантика фразеологических единиц. – М., 1996, с. 167-168.

206. Фразеологизмы и слово в русском языке // Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону, 1983, 115 с.

207. Фразеология в контексте культуры // Языки русской культуры. – М., 1999, 336 с.

208. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. – Уфа: БГПУ, 2008, 300 с.

209. Хакимов А. Контрастивно-типологическое исследование фразеологических единиц разносистемных языков. – Самарканд, 1991, с. 67.

210. Харитоновна И.В. К проблеме определения фразеологических единиц // Проблемы романистики. Вып.2. – М., 1991, с. 149-158.

211. Хорошавина А.Г. Сложные фразеологизированные конструкции с семантикой аргументированного несогласия в современном русском языке. АД. – Казань, 1995, 17 с.

212. Хоссейн М.А. Национально-культурные особенности соматических фразеологизмов русского языка. АКД. – М., 1994.

213. Чайко Т.Н. Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной и ономастической лексике // Вопросы ономастики, №8-9. – Свердловск, 1974, с. 98-106.

214. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. – Челябинск, 1983, 91 с.

215. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура (постановка вопроса) // Вопросы языкознания, 1996, №1, с. 58-70.

216. Черданцева Т.З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988, с. 78-92.

217. Черданцева Т.З. Мотивационный микрокомпонент идиомы и параметр денотации // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990, с. 73-79.

218. Чернышева И.И. Фразеологическая система и ее семантические категории // ИЯШ, 1973, №2, с. 3-13.

219. Чусов В.А. Структурные модели полисемичных фразеосочетаний в русском и английском языках // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. – Воронеж, 1981, с. 102-107.

220. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – С.-Петербург, 1996, 192 с.

221. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985, 192 с.

222. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. Уфа, 1999, 92 с.

223. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008, 416 с.

224. Шварцкопф Б.С. Единица фразеологического состава языка и норма // Актуальные проблемы культуры речи. – М.: Наука, 1970, с. 153-177.

225. Шевченко Е.В. Когнитивные аспекты фразеологических единиц, содержащих компонент «цвет» в современном английском языке. – М., 2007, 204 с.

226. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002, 224 с.

227. Шмелев А.Д., Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира. – М.: Языки русской культуры, 1997, 545 с.

228. Шмелев А., Булыгина Т.В. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Языковая концептуализация мира. – М., 1997, с. 522-539.

229. Шубина В.П. Заметки по полевой организации семантической фразеологии в немецком языке // Функциональный синтаксис немецкого языка. – Челябинск, 1977, с. 81-89.

230. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: Азбуковник, 2002, 288 с.

231. Щербина В.Е. Концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков. – Оренбург, 2008, 205 с.

232. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент: Изд-во ФАН, 1988, 92 с.

233. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994, 344 с.

2. На армянском языке

234. Աբրահամյան Ա.Ս. Ցուցանշանից խորհրդանշանին անցումը լեզվում // Բանբեր Երևանի պետական համալսարանի. Բանասիրություն, 2017, № 2(23):

235. Բաղայան Մ.Ռ. Անձի հատկանիշ արտահայտող դարձվածքները հայերենում, ռուսերենում և անգլերենում (զուգադրական քննություն): ԹԱՍ: – Եր., 2017:

236. Բատիկյան Խ.Գ. և ուրիշներ Դարձվածային ոճաբանություն: – Եր.: ԵՊՀ, 2000:

237. Բատիկյան Խ.Գ. Ժամանակակից հայերենի դարձվածային միավորները: – Եր., 1986:

238. Բեդիրյան Պ.Ս. Բառերի խորհրդավոր աշխարհում: – Եր.: Զանգակ-97, 2003:

239. Բեդիրյան Պ.Ս. Ժամանակակից հայերենի դարձվածաբանություն: – Եր., 1972:

240. Բեդիրյան Պ.Ս. Ժամանակակից հայերենի ոչ փոխաբերական կայուն բառակապակցություններ: – Եր., 1990:

241. Բեդիրյան Պ.Ս. Հայերենի շրջասությունների բառարան: – Եր., 1999:

242. Գրիգորյան Ա.Ռ. Աստվածաշնչյան կազմախոսական դարձվածքների առանձնահատկությունները և դրանց հայերեն – անգլերեն տարբերակները // Կանթեղ №2 (55): – Եր.: Աստղիկ հրատարակչություն, 2015:

243. Աստվածաշնչյան կազմախոսական դարձվածքները և դրանց գեղարվեստական փոխակերպումները: ԹԱՍ: – Եր., 2013:

244. Գրիգորյան Ա.Ռ. Դարձվածքների տեսակները. Աստվածաշնչյան որոշ սոմատիկ դարձվածքներ՝ անգլերեն և հայերեն թարգմանությամբ: – Եր., Աստղիկ, 2012-2013:

245. Գրիգորյան Ա.Ռ. Մարդու մարմնամասերի և բույսերի անվանումներով աստվածաշնչյան լեզվաոճային միջոցների հայերեն – անգլերեն զուգադրություն // Համատեքստ – 2012: – Եր., ԵՊՀ, 2012:

246. Գևորգյան Ա.Վ. Դարձվածքների առաջացումը: Լրաբեր հասարակական գիտությունների, №1: – Եր., 2012, էջ 58-66:

247. Եզեկյան Լ.Կ. Հայոց լեզվի ոճագիտություն: – Եր., 2003:

248. Եղիազարյան Գ.Ռ. Մարմնի մասերի անվանումներով կազմված դարձվածքները հայերենում և անգլերենում: ԹԱՍ, – Եր., 2005:

249. Խաչատրյան Լ.Մ. Պատկերավոր կայուն կապակցությունների տարբերակները միջին հայերենում: – Եր.: Հայագիտական հանդես, 2016, №2 (32):

250. Խլղաթյան Ֆ. Ժամանակակից հայոց լեզու: – Եր., 2006:

251. Հաննեսյան Մ. Հայոց լեզվի համեմատական քերականության հարցեր: – Եր., 1979:

252. Ղազարյան Հ.Ձ. Փոխաբերական վերաիմաստավորումը մարմնի մասերի անվանումներով դարձվածքներում: Լրաբեր հասարակական գիտությունների, 1: – Եր., 2012, էջ 214-224:

253. Զահուկյան Գ. և ուր. Հայոց լեզվի համեմատական քերականության հարցեր: – Եր., 1999:

254. Քոսյան Վ.Ա. Բառակապակցական կաղապարների զարգացում: – Եր., 1996:

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Аристова Т.С., Ковшова М.Л., Рысева Е.А., Телия В.Н. Словарь образных выражений русского языка (под ред. В.Н. Телия). – М.: Русский язык, 1996, 137 с.

2. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Изд-во Художественная литература, 1960, изд. 2-е, 822 с.

3. Бирих А.К. и др. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник // СПб: Фолио – Пресс, 1998, 704 с.

4. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. – Москва - Вена, 2001, 256 с.

5. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка (под ред. В.П. Жукова). – М.: Русский язык, 1987, 440 с.

6. Мокиенко В.М. Почему так говорят? От Авося до Ятя: историко-этимологический справочник по русской фразеологии. – М.: Норинт, 2003, 510 с.
7. Русско-армянский фразеологический словарь (под ред. Р.Л. Мелкумяна и П.М. Погосяна). – Ереван: ЕГУ, 1975.
8. Словарь языка А.С. Пушкина в 4-х томах (отв. Ред. В.В.Виноградов), изд. 2-е, доп. – М.: Азбуковник, 2000.
9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997, 824 с.
10. Толковый словарь русского языка (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.). – М.: Азбуковник, 1996.
11. Фразеологический словарь русского языка (под ред. А.И. Молоткова). – М.: Советская энциклопедия, 1967.
12. Ходжумян Б.С. Русско-армянский словарь-справочник соматических фразеологизмов. – Ер.: ЕГУ, 2007.
13. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник (около 1500 фразеологизмов). – М.: Русский язык, 1997, 304 с.
14. Աղայան Է.Բ. Ժամանակակից հայերենի բացատրական բառարան, 2 հատ. – Եր., 1976.
15. Անմեղիկյան Դ.Ե., Բեդիրյան Պ.Ս. և ուրիշներ: Ռուս-հայերեն, հայ-ռուսերեն բառարան: – Եր., 1987.
16. Բեդիրյան Պ.Ս. Հայերեն դարձվածքների ընդարձակ բացատրական բառարան: – Եր., 2011:

17. Ղազարյան Հ.Զ. Մարմնի մասերի անվանումներով հայերեն-ռուսերեն-անգլերեն դարձվածքների բառարան: – Եր., 2010:

18. Սուքիասյան Ա.Մ., Գալստյան Ս.Ա. Հայոց լեզվի դարձվածաբանական բառարան: – Եր., 1975:

Интернет-источники

<http://lingvo.yandex.ru/en>

[http://ru.wikipedia.org/wiki/ Фразеология](http://ru.wikipedia.org/wiki/Фразеология)

<http://www.frazeologiya.ru/>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ИСТОРИКО - ВРЕМЕННОЕ ОПИСАНИЕ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	26
2.КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	46
§2.1. ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ В СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ	46
§2.1.1. УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И УНИКАЛЬНОСТЬ СФ	57
§2.2. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОДОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ.....	66
§2.3. ИСТОЧНИКИ КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СФ.....	110
3. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	129
§3.1 КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ СФ	129
§3.1.1. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ИЗМЕНЕНИЙ ВНУТРИ СТРУКТУРНОГО СОСТАВА СФ.....	140
§3.1.2. ЧАСТОТНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ СФ.....	143
§3.2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СФ	147
§3.2.1. КЛАССИФИКАЦИЯ СФ ПО ОСНОВНЫМ СОМАТИЧЕСКИМ ГНЕЗДАМ.....	149
§3.2.2. ДВА ПОДХОДА К КЛАССИФИКАЦИИ СФ.....	174
§3.2.3. КЛАССИФИКАЦИЯ СФ ПО ЧАСТЕРЕЧНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ	186

§3.2.4. ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СФ	221
§3.3. ФОРМЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ СФ И ИХ СВЯЗЬ С ДРУГИМИ ЕДИНИЦАМИ ЯЗЫКА	242
4. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И РЕЧЕВОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	294
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	329
ЛИТЕРАТУРА.....	337

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ХОДЖУМЯН БЕЛЛА СУРЕНОВНА

**СОМАТИЧЕСКИЕ
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ**

*(сопоставительное описание русских и армянских
соматических фразеологизмов)*

Компьютерная верстка К. Чалабян

Редактор А. Хизанцян

Дизайн обложки А. Патваканяна

Типография - ООО «Таск».

Ереван, ул. Ханджяна 15/55

Подписано к печати 23.07.2019.

Формат 60x84¹/₁₆. Тип. печ. 23,125.

Тираж 100.

Издательство ЕГУ

Ереван, 0025, Ал. Манукяна 1

www.publishing.yu.am

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕРЕВАН 2019
publishing.ysu.am